

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Культовая трилогия

Стиг Ларссон

ДЕВУШКА,
КОТОРАЯ ИГРАЛА С ОГНЕМ

МЛАДШИЙ
МЛАДШИЙ
МЛАДШИЙ

Annotation

Поздно вечером в своей квартире застрелены журналист и его подруга — люди, изучавшие каналы поставки в Швецию секс-рабынь из Восточной Европы. Среди клиентов малопочтенного бизнеса замечены представители властных структур. Кажется очевидным, каким кругам была выгодна смерть этих двоих.

Микаэль Блумквист начинает собственное расследование гибели своих коллег и друзей и вдруг узнает, что в убийстве подозревают его давнюю знакомую Лисбет Саландер, самую странную девушку на свете, склонную играть с огнем — к примеру, заливать его бензином. По всей Швеции идет охота на «убийцу-психопатку», но Лисбет не боится бросить вызов кому угодно — и мафии, и общественным структурам, и самой смерти.

Стиг Ларссон

Девушка, которая играла с огнем

* * *

Она лежала на узкой лавке с рамкой из закаленной стали, крепко привязанная ремнями. Одна из лямок была перехлестнута через грудь. Она лежала на спине с руками, пристегнутыми к рамке вдоль бедер.

Уже давно она прекратила всякие попытки освободиться. Она не спала, но лежала с закрытыми глазами. Открыв их, она не увидела бы ничего, кроме тьмы и единственного источника света — тонкой полоски по верху двери. Во рту чувствовалась горечь и страшно хотелось почистить зубы.

Она инстинктивно прислушивалась к звуку шагов — они означали бы его приход. Она понятия не имела, поздний ли вечер сейчас, но чувствовала, что для его прихода уже слишком поздно. Внезапная вибрация кровати заставила ее открыть глаза. Казалось, в здании заработала какая-то машина. Секундой позже она засомневалась, слышала ли звук, или он ей почудился.

Мысленно она вычеркнула еще один день.

Это был ее сорок третий день в неволе.

Зачесался нос, и она повернула голову потереться о подушку. Она вспотела, лежа в душной и жаркой комнате. На ней была ночная рубашка, сбившаяся на спине. Приподняв бедро, она смогла подцепить край ткани и потянуть подол вниз, сантиметр за сантиметром. Затем повторила процедуру второй рукой. Но под поясницей расправить ткань не удалось — матрас был неровный, неудобный. Находясь в полной изоляции, она воспринимала все мелочи, на которые в других обстоятельствах ей было бы наплевать, особенно остро. Ремень был затянут достаточно слабо, чтобы она могла изменить позу и лечь на бок, но это не имело смысла, потому что тогда одна рука оставалась за спиной и затекала.

Страха не было. Более того, она испытывала все бóльшую злобу.

С другой стороны, она мучилась от собственных мыслей, постоянно переходящих в жуткие фантазии о том, что ей предстоит перенести. Вынужденная беспомощность была ей ненавистна. Как ни пыталась она сосредоточиться на чем-то ином, чтобы убить время и отвлечься от ситуации, отчаяние настигало ее. Оно обволакивало ее, как газовое облако, угрожало проникнуть в ее поры и отравить все вокруг. Она заметила, что лучшим способом отогнать отчаяние было представить себе что-то, рождающее в ней ощущение собственной силы. Она закрыла глаза и попыталась представить себе, как пахнет бензин.

Он сидел в машине с опущенным дверным стеклом. Она бросилась к автомобилю, плеснула бензина в окно и чиркнула спичкой. Это было делом секунды. Пламя вспыхнуло сразу. Он мучительно корчился, а она слышала его крик, порожденный болью и страхом. Запах горелого мяса, едкий запах пластика и обуглившейся набивки сидений ощущался все сильнее.

Она, вероятно, задремала и не слышала шагов, но проснулась, едва открылась дверь. Свет из дверного проема ослепил ее.

Все же он пришел.

Она не знала, сколько ему лет, но он был явно взрослым человеком высокого роста. У него были лохматые каштановые волосы, очки в черной оправе и редкая бородка, пахнувшая туалетной водой.

Его запах был ей ненавистен.

Он безмолвно стоял у изножия и долго смотрел на нее.

Его молчание было ей ненавистно.

Лицо его находилось в тени света, проникающего из дверного проема, и потому она видела лишь его силуэт. Вдруг он заговорил с ней низким внятным голосом, педантично чеканя слова.

Его голос был ей ненавистен.

Он сообщил, что у нее день рождения и он хочет ее поздравить. Интонации голоса не выражали ни злобы, ни иронии, они оставались нейтральными. Она подозревала, что он улыбается.

Она ненавидела его.

Он подошел ближе и обогнул лавку, встав в изголовье. Затем положил влажную ладонь на ее лоб и провел пальцами по ее волосам жестом, предназначенным для выражения дружелюбия. Это был его подарок ко дню рождения.

Его прикосновения были ей ненавистны.

Он что-то говорил ей, она видела его движущиеся губы, но отключила звук его голоса. Ей не хотелось слушать, не хотелось отвечать. Она поняла, что он повысил голос и в нем появились интонации раздражения из-за ее нежелания реагировать. Он разглагольствовал о взаимном доверии, но через несколько минут умолк. Она же полностью игнорировала его взгляд. Тогда он пожал плечами и стал подтягивать ремни. Затянув петлю у нее на груди потуже, наклонился над ней.

Внезапно она повернулась на левый бок, спиной к нему, так резко, как только позволял ремень. Затем подтянула колени к подбородку и сильно двинула ему в голову. Она целилась в кадык, но попала кончиками пальцев всего лишь куда-то под подбородком. Он был начеку и уклонился, а она лишь чуть дотронулась до него. Она попыталась снова брыкнуть его, но он уже отошел на безопасное расстояние.

Она снова вытянула ноги.

Простыня свисала на пол, а ночная рубашка задралась еще больше наверх, выше бедер.

Он молча, неподвижно постоял, потом обошел кровать и принялся затягивать ремни на ногах. Когда она попыталась поджать ноги, он схватил ее за лодыжку, придавил колено другой рукой и зафиксировал ремень на ноге. Затем обошел кровать и закрепил вторую ногу.

В эту минуту она стала совершенно беспомощна.

Он подобрал простыню с пола и прикрыл ее. Пару минут безмолвно глядел на нее. Несмотря на темноту, она чувствовала его возбуждение, хотя он не притворялся и не демонстрировал его. Эрекция у него наверняка была, и она знала, как ему хочется протянуть руку и дотронуться до нее.

Он повернулся, вышел и закрыл за собой дверь. Она слышала, как дверь заперли на засов, в чем не было никакой необходимости — выбраться из кровати было совершенно невозможно.

Несколько минут она лежала, устремив взгляд на полоску света над дверью, затем заворочалась, пытаясь понять, до какой степени затянуты ремни. Ей удалось чуть подтянуть колени, но ремень на лодыжках сразу натянулся. Она расслабила ноги, лежа неподвижно, уставившись в никуда.

Она выжидала. Ей виделась канистра с бензином и спички.

Она следила, как его заливает бензин, физически ощущала коробок со спичками в руке.

Встряхнув коробок, услышала шорох спичек. Она открыла коробок и выбрала спичку. Ей было слышно, что он что-то сказал, но она отключила слух и не слушала слов. Она видела выражение его лица, когда подносила спичку к коробку, и слышала чиркающий звук головки. Звук этот напоминал долгий раскат грома. Она видела, как вспыхнуло пламя.

Она улыбнулась, стиснув зубы, и внутренне собралась.

Этой ночью ей исполнилось тринадцать лет.

Часть I

Уравнения с особенностями

16–20 декабря

Тип алгебраического уравнения определяется наивысшей степенью входящей в него неизвестной (показателем степени). Если показатель степени равен единице, то это уравнение первого порядка, если показатель двойка, то второго порядка. Неизвестная в уравнениях порядка выше первого имеет несколько значений. Эти значения называются корнями уравнения.

Пример уравнения первого порядка (линейного уравнения): $3x - 9 = 0$. Корень $x = 3$.

Четверг, 16 декабря — пятница, 17 декабря

Лисбет Саландер сдвинула солнечные очки на кончик носа и прищурилась из-под поля шляпы от солнца. Она увидела, как обитательница номера 32 появилась из бокового входа гостиницы и пошла в направлении к полосатым бело-зеленым шезлонгам у бассейна. Взгляд женщины был сосредоточен на дорожке перед ней, а шаги казались неуверенными.

Саландер уже видела ее раньше — издали. Ей было, вероятно, лет тридцать пять, но вид у нее был такой, что можно было дать от двадцати пяти до пятидесяти. Каштановые волосы до плеч обрамляли продолговатое лицо, а зрелое тело словно скопировали из каталога дамского белья. На ней были сандалии, черные бикини и солнечные очки с фиолетовым оттенком стекол. Она была американкой, и в ее речи слышался южный диалект. Подойдя к шезлонгу, женщина бросила рядом свою желтую соломенную шляпу и подала знак бармену из бара Эллы Кармайл.

Лисбет Саландер опустила книгу на колени и сделала глоток кофе из чашки, а затем потянулась за пачкой сигарет. Ей не требовалось поворачивать голову, чтобы перевести взгляд к горизонту. Со своего места на террасе у бассейна она могла видеть проблеск Карибского моря между группой пальм и рододендронов у ограды перед гостиницей. Вдали шла по ветру парусная лодка, курсом на север, к Санта-Лючии или Доминике. А еще дальше виднелись контуры серого грузового судна, направлявшегося на юг к Гайане или какой-то соседней стране. Слабый бриз боролся с утренним зноем, но Лисбет почувствовала, как капля пота медленно стекает к брови. Она не любила загорать до черноты и проводила время по возможности в тени, сидя, как правило, под тентом. И все же ее кожа приобрела цвет ореха. Сегодня на ней были шорты цвета хаки и черная полотняная блузка.

Лисбет прислушалась к необычным звукам музыки в стиле стилпан^[1], доносившимся из громкоговорителя у стойки бара. Музыкой она никогда не интересовалась и в жизни не отличила бы Свена Ингвара и Ника Кейва, но стилпан ее очаровал. Казалось невероятным, что можно настроить бачок из-под масла, и еще менее вероятно, что этот бачок станет издавать контролируемый звук, не похожий ни на какой другой. Лисбет этот звук казался волшебным.

Вдруг что-то ее покорило, и она снова перевела взгляд на женщину, только что получившую стакан с напитком оранжевого цвета.

Лисбет Саландер это, конечно, не касалось, но она не могла понять, почему та женщина остается в гостинице. На протяжении четырех ночей, с самого дня их заезда, Лисбет слышала, как в соседней комнате происходит что-то мучительное. Через стенку доносился плач, сдавленные раздраженные голоса, а иногда и звук пощечин. Лисбет предполагала, что пощечины отвешивает ее муж лет сорока. У него были темные, зачесанные назад волосы со старомодным пробором посередине. Вероятно, он был на Гренаде по делам. Лисбет понятия не имела, что это за дела, но каждое утро мужчина появлялся в баре гостиницы выпить кофе, тщательно одетый в пиджак с галстуком, а затем, прихватив портфель, усаживался в заказанное такси.

Этот человек возвращался в гостиницу вечером, купался и болтал с женой у бассейна. Ужинали они обычно вместе, казалось бы наслаждаясь обществом друг друга в тишине и покое. Женщина выпивала один-два лишних стакана, но опьянение не доставляло

беспокойства окружающим и не бросалось в глаза.

Ругань за стеной в гостинице начиналась как по расписанию — между десятью и одиннадцатью вечера. Примерно в это время Лисбет ложилась в кровать с книгой о таинствах математики. Дело не доходило до грубых побоев. Насколько можно было судить, за стеной происходила затяжная, повторяющаяся перебранка. Движимая любопытством, прошлой ночью Лисбет вышла на балкон. Через открытую балконную дверь соседней ей хотелось услышать, о чем у них идет речь. Не меньше часа муж ходил взад-вперед по комнате, признавая себя негодяем, недостойным ее. Он без конца повторял, что она наверняка считает его лжецом. Женщина каждый раз отрицала это и пыталась его успокоить. Он же распалялся до того, что начинал трясти ее. Наконец она уступала и говорила, как он хотел: «Да, ты лжец». Он тут же использовал выжатое из нее признание как предлог для обвинений жены в дурном поведении и скверном характере. Он обозвал ее шлюхой, а этого слова в свой адрес Лисбет никогда бы не стерпела. Но сейчас ее это не касалось, и потому ей было трудно решить, должна ли она как-то реагировать.

Лисбет изумленно прислушивалась к его нытью, внезапно завершившемуся звуком пощечины. Только она решила выйти в коридор и постучать в дверь к соседям, как у них воцарилась тишина.

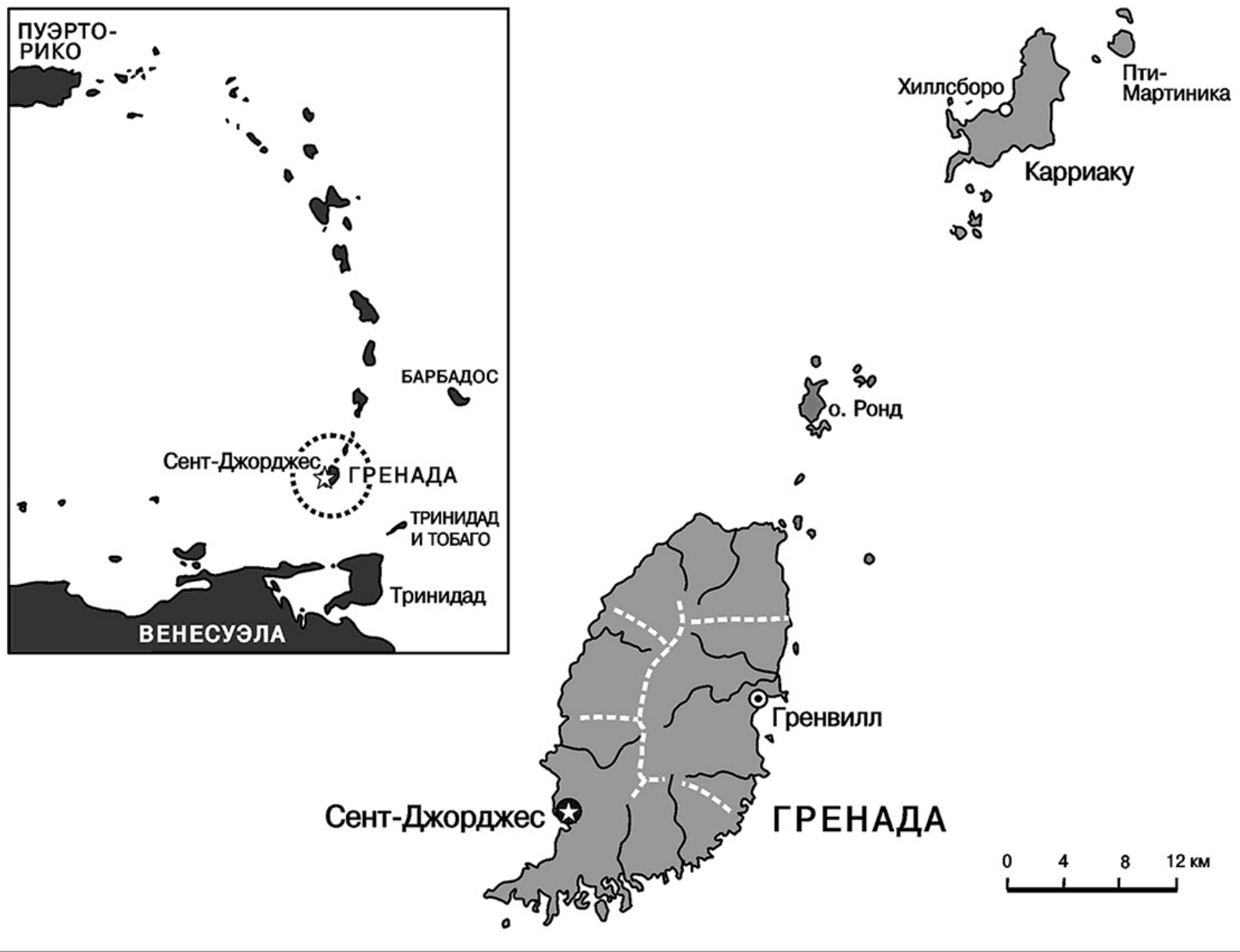
Сейчас, разглядывая ту женщину у бассейна, она отметила синяк на ее плече и царапину на бедре, но других заметных повреждений не обнаружила.

Девять месяцев назад Лисбет прочитала статью в «Попьюлар сайенс» — журнале, забытом кем-то в аэропорту да Винчи в Риме, — и неожиданно попала под очарование такой далекой от нее области, как сферическая астрономия^[2]. Порыв интереса привел ее в университетский книжный магазин в Риме, где она купила несколько трактатов по этой теме. Чтобы разобраться в сферической астрономии, Лисбет была вынуждена засесть за освоение более глубоких тайн математики. В последние месяцы, во время путешествия, она часто заходила в университетские книжные магазины поискать еще что-нибудь нужное.

Большая часть книг лежала в ее дорожной сумке, а занятия носили бессистемный характер без определенной цели. И вот однажды она забрела в университетский магазин в Майами и вышла из него с книгой «Границы математики» доктора Л. К. Парно (Гарвардский университет, 1999). Книга попала ей перед тем, как она выбралась на Флорида-Киз и начала бороздить Карибское море от острова к острову.

Лисбет проехала через Гваделупу, проведя двое суток в забытой богом дыре, Доминике, где приятно расслаблялась в течение пяти дней, Барбадос, на котором ей хватило одних суток в негостеприимном американском отеле, и Санта-Лючию. В последнем месте она прожила девять дней и даже осталась бы еще, если бы не местный хулиган-дебил, заправлявший в баре ее дешевого отеля. Под конец Лисбет вышла из себя,хватила его кирпичом по башке, выписалась из отеля и села на паром, направлявшийся в Сент-Джорджес — столицу Гренады. Об этой стране она вообще никогда не слышала, пока не поднялась на борт парома.

Лисбет причалила на Гренаду в десять утра. Был ноябрь, шел тропический ливень. Из справочника «Карибиэн тревелэр» она почерпнула информацию, что Гренаду называют Spice Island, «островом пряностей», и что это один из крупнейших в мире поставщиков муската. Население острова насчитывало 120 000 человек, а еще примерно 200 000 гренадцев жили в США, Канаде и Англии, что давало представление о рынке труда на самом острове. Ландшафт гористый, в центре его — известный потухший вулкан Гранд-Этан.

Когда-то Гренада была одной из многих второстепенных британских колоний. В 1785 году внимание к ней привлек бывший раб Джулиан Федон. Вдохновившись примером Французской революции, он поднял восстание, давшее английской короне повод послать войска, которые порубили, перестреляли, повешали и изувечили бóльшую часть повстанцев. Пуще всего колониальные власти были поражены тем, что даже некоторые белые из числа бедняков присоединились к повстанцам Федона, наплевав на традиции и расовые барьеры. Восстание разгромили, но Федон не был захвачен — он исчез в горах Гранд-Этан и стал местной легендой уровня Робин Гуда.

Почти двести лет спустя, в 1979 году, адвокат Морис Бишоп стал во главе новой революции, вдохновленной, как утверждалось в путеводителе, коммунистическими диктаторскими режимами на Кубе и в Никарагуа. Впрочем, у Лисбет Саландер сложилась другая картина происшедшего после встречи с Филиппом Кэмпбеллом — учителем, библиотекарем и проповедником-баптистом, у которого она вначале снимала комнату. Коротко говоря, Бишоп был подлинно народным лидером, свергнувшим диктатора, он оказался фанатом НЛО и даже потратил часть скудного национального бюджета на поиски летающих тарелок. Бишоп ратовал за экономическую демократию и ввел закон о равноправии полов. Он был убит в 1983 году.

После этого убийства во время резни еще 120 человек поплатились жизнью, включая министра иностранных дел, министра по делам женщин и несколько известных профсоюзных лидеров. Тогда США вторглись в страну и установили демократию. Для Гренады это означало рост безработицы с шести до пятидесяти процентов и возобновление торговли кокаином до такой степени, что она стала важнейшим источником дохода. Филипп Кэмпбелл покачал головой, увидев текст в путеводителе Лисбет, и дал ей практические советы относительно людей и кварталов, которые ей стоит избегать с наступлением темноты.

Никакого толку для Лисбет в этих советах не было. Устраниться от знакомства с криминальными кругами Гренады ей удалось просто потому, что она без памяти влюбилась в пляж Гранд Анс к югу от Сент-Джорджеса, безлюдную песчаную полосу длиной десять километров, где она могла часами бродить, не нуждаясь в собеседниках и почти никого не встречая. Лисбет перебралась в «Киз», один из немногих американских отелей на Гранд Анс, и прожила там семь недель, главным образом гуляя по пляжу и налегая на местный фрукт чинап, по вкусу напоминавший крыжовник.

Это не было время наплыва отдыхающих, и отель «Киз» заполнился едва на треть. Единственной помехой ее покою и эпизодическим занятиям математикой вдруг стали приглушенные скандалы за стеной.

Микаэль Блумквист нажал указательным пальцем на кнопку звонка в квартиру Лисбет Саландер. Он не ждал, что она откроет, просто у него вошло в привычку проезжать мимо ее дома раз-другой в месяц, проверить, не изменилось ли что-нибудь. Приподняв крышку почтовой прорези в двери, он смутно различил под ней кучу рекламы. Было начало одиннадцатого вечера, и потому слишком темно, чтобы решить, намного ли выросла куча с прошлого раза.

Микаэль нерешительно постоял на лестничной площадке, потом повернулся и вышел из подъезда. Он неторопливо дошел до своего дома на Беллмансгатан, включил кофеварку и развернул газету — при том, что на экране телевизора шли поздние новости. Настроение у него было мрачное, и он недоумевал, куда подевалась Лисбет Саландер. Его одолевало смутное беспокойство, и он терялся в догадках, что же с ней случилось.

Год назад на Рождество Микаэль предложил Лисбет приехать на дачу в Сандхамне. Они часами прогуливались, вполголоса обсуждая последствия тех драматических событий, в которые были вовлечены в течение прошедшего года. Впоследствии Блумквист воспринимал пережитое как кризисный этап в своей жизни. Он был осужден за клевету и провел в тюрьме пару месяцев, его журналистская карьера потерпела крах, и он был вынужден покинуть пост ответственного редактора в журнале «Миллениум», поджав хвост, как пес. Внезапно все изменилось. Задание написать биографию крупного промышленника Хенрика Вангера, которое он воспринял лишь как поразительно высоко оплачиваемую работенку, вдруг обернулось рискованной охотой за неизвестным хитрым серийным убийцей.

Во время этой охоты Микаэль и встретил Лисбет Саландер. Он бессознательно потрогал небольшой шрамик за левым ухом, оставшийся после удавки. Что касается Лисбет, она не только помогла в охоте на убийцу, но и буквально спасла ему жизнь. Сплошь и рядом она поражала его своими способностями: фотографической памятью и феноменальным владением компьютером. Сам Микаэль считал себя весьма компетентным в этом деле, но Лисбет Саландер обходилась с компьютером так, словно у нее заключен пакт с дьяволом. Мало-помалу он понял, что она хакер мирового класса и что в эксклюзивном

международном клубе специалистов по взламыванию компьютеров она была легендарной личностью, известной лишь под псевдонимом Wasp^[3].

Благодаря ее опыту заходить на чужие компьютеры и выходить из них оказался доступен тот материал, который потребовался, чтобы сделать крутой поворот от журналистского поражения к успеху в расследовании дела Веннерстрёма. Оно стало сенсацией, даже год спустя оставалось темой международных полицейских расследований экономических преступлений и привело к регулярным появлениям Микаэля на телеэкране.

Год назад он относился к этой сенсации с огромным удовлетворением, как к средству осуществить личную месть и восстановить свое журналистское реноме. Но удовлетворение быстро иссякло. В течение нескольких недель Микаэль замучился отвечать на одни и те же вопросы журналистов и финансовой полиции. «К сожалению, я не могу обсуждать свои источники», — повторял он. Когда журналист англоязычной газеты «Азербайджан таймс» приехал в Стокгольм с единственной целью задать ему все те же банальные вопросы, терпению Микаэля пришел конец. Он сократил количество интервью до минимума и за последние несколько месяцев появлялся на телевидении, только если «Та, с четвертого канала» звонила и упрашивала его выступить, причем происходило это лишь тогда, когда расследование явно входило в новую стадию.

Сотрудничество Микаэля с «Той, с четвертого канала» имело особый обертон. Она была первой журналисткой, клюнувшей на разоблачение, и без ее содействия в тот вечер, когда «Миллениум» опубликовал сенсацию, история, вероятно, не получила бы такого отклика. Лишь позднее Микаэль узнал, что она была готова, если надо, глотку перегрызть, чтобы редакция выделила эфир для этой истории. Тогда многие решительно сопротивлялись возвышению этого «бедолаги из «Миллениума»». До самого момента выхода передачи в эфир было неясно, пропустит ли ее редакционная команда адвокатов. Несколько старших коллег журналистки предрекали ей поражение и предупреждали, что на ее карьере будет поставлен крест, если она ошибется. Но журналистка оказалась настырной, и так появилась история года.

Первую неделю «Та, с четвертого канала» работала ведущей в студии — по существу, она была единственным журналистом, владевшим материалом. Но где-то ближе к Рождеству Микаэль заметил, что все комментарии и новые повороты событий излагались ее коллегами-мужчинами. К новому году, обходными путями, он уже узнал, что ее выставили из программы под тем предлогом, что столь важную историю должны освещать серьезные репортеры по экономике, а не какая-то пигалица с Готланда, Бергслагена или откуда там ее занесло. Когда Микаэлю в очередной раз позвонили с четвертого канала ТВ и попросили о новых комментариях в эфире, он прямо сказал, что будет отвечать на вопросы тележурналистов, только если задавать их станет она. Несколько дней спустя угрюмое молчание четвертого канала было нарушено капитуляцией его парней.

Ослабление интереса Микаэля к делу Веннерстрёма по времени совпало с исчезновением из его жизни Лисбет Саландер. Он не понимал, почему это произошло.

Они распрощались на второй день Рождества и не встречались до Нового года. Тридцатого он позвонил ей, но она не ответила.

Новогодним вечером Блумквист дважды ходил к Лисбет и звонил в дверной звонок. В первый раз он видел свет в окнах ее квартиры, но она не открыла, а во второй там было темно. Первого января он опять пытался связаться с ней по телефону, но безуспешно, а потом и вовсе лишь слышал сообщение, что абонент недоступен.

В последующие дни Микаэль видел ее два раза. Не дозвонившись Лисбет, он отправился к ее квартире и сел на лестнице перед ее входной дверью. На этот раз он запасся книгой и упорно ждал часа четыре, пока она не вошла в парадную ближе к одиннадцати. В руках у нее была коричневая картонная коробка. Увидев его, она резко остановилась.

— Привет, Лисбет, — сказал он, закрывая книгу.

Она оглядела ее безразличным взглядом, начисто лишенным тепла или дружелюбия, затем обошла его и вставила ключ в замок.

— На кофе не пригласишь? — спросил Микаэль.

Лисбет обернулась к нему и тихо произнесла:

— Уходи. Не хочу тебя больше видеть.

Тут она захлопнула дверь прямо перед носом крайне удивленного Блумквиста, а он услышал, как она запирает дверь изнутри.

Три дня спустя Микаэль увидел ее во второй раз. Он ехал в метро от «Шлюза» к «Г-Сентрален» и, когда поезд остановился на «Гамла стан», увидел ее в окно на платформе, в паре метров от себя. Микаэль заметил ее в тот момент, когда двери вагона закрылись. Секунд пять Лисбет смотрела словно сквозь него, как будто он был из стекла, затем повернулась на каблуках и пропала из вида, когда поезд тронулся.

Смысл этого иносказания был очевиден — Лисбет Саландер не хотела иметь ничего общего с Микаэлем Блумквистом. Она вычеркнула его из своей жизни без объяснений, как будто стерла файл из своего компьютера. Она сменила номер мобильного и не отвечала на электронные письма.

Микаэль вздохнул, выключил телевизор, подошел к окну и стал смотреть на городскую ратушу.

Он задавался вопросом, не совершил ли ошибку, периодически навещая ее в квартиру. Микаэль всегда считал, что должен устраниться, если женщина давала ему знать о своем нежелании даже слышать о нем. Не уважать поданный ему знак было в его глазах все равно что не уважать САМУ ЭТУ ЖЕНЩИНУ.

Микаэль и Лисбет были любовниками. Это произошло по ее инициативе и продолжалось около полугода. Если она решила прекратить их интимные отношения так же внезапно, как и начала их, Микаэль был готов это принять. Выбор оставался за ней. Перейти на роль бывшего бойфренда, если уж таковая была назначена ему теперь, не составляло проблемы для Микаэля. Но то, что Лисбет устранилась от общения полностью, озадачило его.

Он не был влюблен в нее — они не подходили друг другу, как бывает с совершенно разными людьми, — но она ему нравилась, и ему недоставало этой сумасшедшей девчонки. Ему казалось, что их дружеские чувства взаимны, а теперь он чувствовал себя просто-напросто идиотом.

Микаэль еще постоял у окна и наконец принял бесповоротное решение.

Если Лисбет Саландер была о нем столь плохого мнения, что даже не удосужилась кивнуть ему в метро, их дружба подошла к концу. Тут уж ничего не исправить, и не стоит возобновлять контакты с ней.

Лисбет Саландер взглянула на свои наручные часы и констатировала, что вспотела с головы до пяток, хотя неподвижно сидела в тени. Было половина одиннадцатого утра. Она повторила наизусть математическую формулу длиной в три строки и захлопнула книгу

«Границы математики», а потом взяла со столика ключи от своего номера и пачку сигарет.

Ее комната была на втором, последнем этаже гостиницы. Там она разделась и пошла в душ.

Со стены под потолком на нее пялилась зеленая ящерица длиной не меньше двадцати сантиметров. Лисбет тоже на нее посмотрела, но не стала спугивать. Ящериц на острове было полно; они пробирались в комнату через жалюзи на открытых окнах, под дверью или через вентиляцию в ванной. Лисбет хорошо чувствовала себя в этой компании, которая ей не докучала. Под прохладной, но не ледяной водой она простояла минут пять под душем — ей хотелось освежиться.

Вернувшись в комнату, обнаженная Лисбет остановилась у гардеробного зеркала и придирчиво подвергла осмотру свое тело. Она все еще весила сорок килограммов при росте около ста пятидесяти сантиметров, тут уж ничего не поделаешь, и это при ее кукольных конечностях, маленьких ладонях и неказистых бедрах.

Но теперь у нее была грудь.

Всю жизнь Лисбет была плоскогрудая, как девочка, не вышедшая из подросткового возраста. Выглядело это так нелепо, что она всегда стеснялась своего обнаженного тела.

И вдруг у нее появилась грудь. Речь не шла о помпезных шарах — их Лисбет не хотела бы иметь, да и выглядели бы они смешно на ее-то шуплом тельце, — но это была крепкая округлая грудь среднего размера. Метаморфоза была произведена осторожно, а пропорции выбраны разумно. Но перемена оказалась разительной — как для внешности девушки, так и для ее личного самоощущения.

Лисбет провела пять недель в клинике неподалеку от Генуи, где ей сделали пересадку ткани, составившей основу ее новой груди. Она выбрала клинику и врача, имевших самую лучшую и серьезную репутацию в Европе. Ее лечащим врачом оказалась Алессандра Перрини — обаятельная, но трезвомыслящая женщина, констатировавшая, что грудь Лисбет физически недоразвита и что ее наращивание вполне желательно из медицинских соображений.

Нельзя сказать, что операция прошла совершенно безболезненно, однако в результате грудь выглядела и чувствовалась совершенно естественно, а шрамики оказались почти невидимыми. Лисбет ни секунды не жалела о сделанном и осталась довольна. Даже полгода спустя она не могла невозмутимо пройти мимо зеркала с обнаженной грудью, всякий раз с радостью констатируя, что решительно улучшила качество своей жизни.

Лежа в генуэзской клинике, Лисбет также избавилась от одной из своих девяти татуировок — двухсантиметровой осы, сидевшей на правой стороне ее шеи. Лисбет была высокого мнения о всех своих татуировках, а больше всего ценила крупного дракона, занимавшего пространство от лопаток до ягодиц, но все же решила убрать осу — та слишком бросалась в глаза и запоминалась, а Лисбет не хотелось, чтобы она сохранилась в памяти по примете. Татуировку удалили лазером, после чего остался легкий шрамик. Приглядевшись, она увидела, что загар на месте бывшей татуировки чуть светлее, но это оставалось незаметно, если не присматриваться. Лечение в генуэзской клинике стоило ей сто девяносто тысяч крон — эту сумму она могла себе позволить.

Выйдя из мечтательного состояния перед зеркалом, Лисбет надела трусики и бюстгальтер. Два дня спустя после выписки из клиники в Генуе она, впервые за двадцать пять лет своей жизни, зашла в бутик дамского белья и закупила массу того, что ей раньше совершенно не требовалось. Сейчас ей было уже двадцать шесть, и теперь она не без

удовлетворения носила бюстгальтер.

Лисбет надела джинсы и футболку с текстом «Считай, что тебя уже предупредили», нашла сандалии и шляпу от солнца и перекинула через плечо черную нейлоновую сумку.

На выходе из гостиницы у стойки администрации что-то обсуждали несколько человек из числа постояльцев. Лисбет замедлила шаг и прислушалась.

— И насколько она опасна? — спросила темнокожая женщина громким голосом, в котором слышался европейский акцент. Лисбет узнала ее, та прилетела с группой туристов charterным рейсом из Лондона десять дней назад.

Фредди Мак-Бейн, сидящий администратор, обычно встречавший Лисбет дружеской улыбкой, нынче выглядел обеспокоенным. Он объяснил, что все гости отеля будут проинструктированы и что оснований для беспокойства нет, если инструкции будут скрупулезно выполняться. Его ответ вызвал целый поток вопросов.

Лисбет Саландер нахмурилась и пошла к стойке бара, за которой нашла Эллу Кармайкл.

— А в чем там дело? — спросила она, показывая пальцем на группу людей возле администратора.

— Нас угрожает навестить Матильда.

— Матильда?

— Это название урагана, зародившегося недалеко от Бразилии пару недель назад. Утром он пронесся через Парамарибо — столицу Суринама. Трудно сказать, в каком направлении он будет перемещаться, — возможно, дальше на север, в сторону США. Но если он пойдет на запад, то путь его пройдет через Тринидад и Гренаду. Тогда будет сильный ветер.

— Я думала, что сезон ураганов закончился.

— Вообще-то закончился, у нас штормовые предупреждения выпадают на сентябрь и октябрь. Но теперь из-за парникового эффекта и изменения климата столько неприятностей, что заранее ничего не знаешь.

— О'кей, и когда же ожидается «Матильда»?

— Скоро.

— А нужно мне как-то подготовиться?

— Лисбет, ураганы — дело нештучное. Один пронесся у нас в семидесятых годах и причинил Гренаде огромные разрушения. Мне тогда было одиннадцать лет, и мы жили в деревне на высоких склонах Гранд-Этана, по пути в Гренвилль. В жизни не забуду ту ночь.

— Да-а...

— Но ты не волнуйся. В субботу держись поблизости от гостиницы; сложи в сумку самое ценное — например, компьютер, с которым ты обычно сидишь, — и будь готова прихватить эту сумку, когда поступит распоряжение прятаться в штормовом убежище в подвале. Вот и всё.

— Ладно.

— Налить тебе что-нибудь?

Лисбет повернулась и ушла, не попрощавшись. Элла Кармайкл устало улыбнулась ей вслед. Понадобилась пара недель, пока она привыкла к странным манерам этой необычной девочки и поняла, что Лисбет Саландер была не наглой, а просто очень неординарной. При этом она исправно платила за выпитое, оставалась сравнительно трезвой, держалась замкнуто и не ввязывалась в скандалы.

Местный транспорт на Гренаде в основном состоял из причудливо разрисованных микроавтобусов, рейсы которых не слишком связывали себя расписанием и прочими

формальностями. Они, как челноки, сновали туда-сюда в светлое время суток. С наступлением темноты было практически невозможно передвигаться, не имея собственного автомобиля.

Лисбет Саландер потребовалось постоять на дороге к Сент-Джорджесу всего несколько минут, прежде чем перед ней затормозил автобус. Судя по одежде, шофер был растафари, а его магнитофон во всю свою мощностъ выдавал «No Woman No Cry»^[4]. Лисбет отключила слух, уплатила за проезд один доллар и протиснулась между крупной седой женщиной и двумя мальчиками в школьной форме.

Сент-Джорджес лежал на берегу подковообразной бухты с внутренней гаванью Каренаж. Вокруг гавани на крутых склонах стояли жилые дома, старые здания колониального периода, а крепость Руперт возвышалась вдали над крутым обрывом у мыса.

Это был компактно и плотно застроенный городок с узкими улочками и множеством переулков. Дома лепились на склонах, забираясь все выше и выше, и найти горизонтальную поверхность можно было с большим трудом, разве что в сочетании с крикетной площадкой или беговыми дорожками на северной окраине города.

Лисбет сошла с автобуса в центре гавани и направилась к магазину электроники Мак-Интайра на вершине короткого крутого склона. Почти вся продукция, продававшаяся на Гренаде, импортировалась из США или Англии и потому стоила вдвое дороже, чем в других местах. Зато в благодарность за посещение владелец установил в магазине кондиционеры.

Запасной аккумулятор, который Лисбет заказала к своему «Эппл Пауэрбук G4 Титаниум», и семнадцатидюймовый монитор наконец пришли. В Майами она купила портативный компьютер со складной клавиатурой для чтения своей электронной почты. Его было легко засунуть в нейлоновую сумку, вместо того чтобы таскать с собой «Пауэрбук», но это была жалкая подмена семнадцатидюймовому экрану. Первоначальный аккумулятор уже выработался и держался около получаса, после чего его вновь надо было заряжать, а это раздражало, когда Лисбет собиралась посидеть на террасе у бассейна. К тому же энергоснабжение на Гренаде оставляло желать лучшего — дважды, пока Лисбет здесь жила, электричество надолго отключали.

Она расплатилась кредиткой, владельцем которой числилась «Восп энтерпрайзис»^[5], убрала аккумулятор в нейлоновую сумку и, выйдя из магазина, вернулась в полуденную жару.

Зайдя в банк «Барклайз», Лисбет сняла триста долларов наличными, потом спустилась к рынку и купила пучок моркови, полдюжины манго и полторалитровую бутылку минеральной воды. Нейлоновая сумка изрядно потяжелела, а Лисбет, спустившись к гавани, уже ощущала и голод, и жажду. Сначала она направилась в «Мускатный орех», но, увидев у входа в ресторан очередь, пошла дальше. В глубине гавани зашла в более спокойный «Черепаший панцирь», села на веранде и заказала кальмары с жареной картошкой и бутылку местного пива «Кариб». Подвинув к себе забытый кем-то номер местной газеты «Гренадиан войс», полистала ее пару минут. Единственным достойным внимания было предупреждение о возможном приближении «Матильды». Текст сопровождался фотографией разрушенного дома и напоминанием об ущербе, причиненном стране знаменитым ураганом в прошлом.

Лисбет сложила газету, глотнула пива из горлышка и, расслабившись, откинулась на спинку стула. И тут увидела, как из бара на веранду выходит ее сосед, постоялец из тридцать второго номера, с коричневым портфелем в одной руке и большим бокалом кока-колы в другой. Скользнув по Лисбет взглядом и не узнав ее, он направился в противоположный конец веранды, сел и уставился на море, вид на которое открывался из ресторана.

Выражение его лица, видимого Лисбет в профиль, было совершенно отсутствующим. Так он неподвижно просидел минут семь, потом взял бокал и сделал три больших глотка. Потом снова поставил его и продолжил пялиться в никуда. Вскоре Лисбет открыла сумку и достала «Границы математики».

Лисбет всегда любила головоломки и загадки. В девять лет она получила в подарок от мамы кубик Рубика. Ее логические способности подверглись серьезному испытанию, и в течение почти сорока минут она напряженно пыталась понять, как его надо собирать, — пока наконец не поняла. После этого у нее уже не было проблем с ним. Она никогда не допускала ошибок в тестах на сообразительность, публикуемых в газетах, и всегда точно определяла, чем пополнить данную серию из пяти причудливо расположенных фигур.

Лисбет еще не пошла в школу, а уже знала, что такое плюс и минус. Естественным продолжением этого стали умножение, деление и задачи по геометрии. Она без труда проверяла счет в ресторане, цифры в квитанциях и могла рассчитать траекторию артиллерийского снаряда, выпущенного с заданной скоростью под определенным углом. Тут все было очевидно. Пока Лисбет не попала статья в «Попьюлар сайенс», она вообще была равнодушна к математике и даже не задумывалась над тем, что таблица умножения — это тоже математика. Таблицу умножения она запомнила однажды после уроков в школе и удивилась, почему учитель долдонит о ней целый год.

До нее вдруг дошло, что за рассуждениями и формулами в учебниках стоит неоспоримая логика, и это открытие привело ее к полкам с математической литературой в университетском магазине. Но лишь открыв «Границы математики», Лисбет натолкнулась на новый мир. Математика предстала перед ней в виде логических головоломок, существующих в бесчисленном множестве вариантов и загадок, которые можно отгадывать. Дело вовсе не в том, чтобы решать арифметические задачи. Пятью пять всегда двадцать пять. Суть в том, как найти комбинацию разных правил, чтобы решить ту или иную математическую проблему.

«Границы математики» отнюдь не были учебником. На тысяче двухстах страницах этого кирпича излагалась история математики от древних греков до наших дней, включая исследования в области сферической астрономии. Монография считалась своего рода Библией, значение которой вполне сравнимо с тем влиянием, которое в свое время оказала Диофантова «Арифметика».

Впервые открыв книгу «Границы математики» на террасе гостиницы на пляже Гранд Анс, Лисбет внезапно перенеслась в волшебный мир чисел. Автор был наделен как педагогическим талантом, так и способностью увлекать читателя то историческим анекдотом, то заставляющей врасплох проблемой. Лисбет могла следить за развитием математики от Архимеда до ее практического применения в современной лаборатории ракетных двигателей «Джет Пропалшн» в Калифорнии. Она поняла, какими методами они решали свои проблемы.

Теорема Пифагора ($x^2 + y^2 = z^2$), сформулированная примерно пятьсот лет до нашей эры, стала для нее настоящим откровением. Она вдруг поняла смысл того, что запомнила в старших классах школы во время одного из редких уроков, которые не прогуляла. «В прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Еще ее восхитило открытие Евклида, сделанное примерно за триста лет до нашей эры и относящееся к совершенным числам. Совершенными называются натуральные числа, равные

сумме всех своих делителей. Открытие Евклида состояло в том, что произведение двух чисел, одно из которых есть степень двойки, а второе представляет собой разность следующей степени двойки и единицы, будет совершенным, если второй множитель — простое число. Лисбет убедилась в справедливости теоремы Евклида на примерах:

$$6 = 2^1 \times (2^2 - 1)$$

$$28 = 2^2 \times (2^3 - 1)$$

$$496 = 2^4 \times (2^5 - 1)$$

$$8128 = 2^6 \times (2^7 - 1)$$

Именно логика соответствовала ощущению абсолютного у Лисбет. Она с радостью продиралась сквозь труды Архимеда, Ньютона, Мартина Гарднера и дюжины других классиков математики.

Затем Лисбет дошла до главы про Пьера Ферма, чья загадочная теорема озадачила ее на целых семь недель. Вообще-то это был довольно скромный отрезок времени, если учесть, что теорема Ферма сводила математиков с ума почти четыреста лет, пока, наконец, англичанин Эндрю Уайлс не решил ее в 1993 году.

Теорема Ферма формулируется на редкость просто.

Пьер Ферма родился в 1601 году в Бомон-де-Ломань на юго-западе Франции. Как это ни странно, математиком он не был, служил чиновником и предавался математике в свободное время, в качестве необычного хобби. И, тем не менее, он считается одним из самых талантливых математиков-самоучек всех времен и народов. Как и Лисбет Саландер, Ферма любил решать головоломки и загадки. Еще он обожал подшучивать над другими математиками, формулируя проблемы, но не снабжая их решениями. Философ и математик Рене Декарт удостоил его весьма нелестным эпитетом, а английский математик Джон Уоллс и вовсе обозвал «чертовым французом».

В 1630 году вышел французский перевод Диофантовой «Арифметики», содержащий наиболее полную экспозицию теории чисел, сформулированный Пифагором, Евклидом и другими античными математиками. Именно изучение теоремы Пифагора спровоцировало вспышку гениальности у Ферма и привело к формулировке его бессмертной проблемы. Он сформулировал вариант теоремы Пифагора, заменив в формуле $x^2 + y^2 = z^2$ квадраты на кубы: $x^3 + y^3 = z^3$.

Проблема была в том, что новое уравнение, похоже, не имело целочисленных решений x , y , z . Тем самым Ферма с помощью незначительных изменений в равенстве перешел от соотношения с бесчисленным множеством решений к соотношению, не имеющему вообще никаких решений. В этом и состояла его теорема: Ферма утверждал, что в безграничной вселенной чисел не существует таких целых чисел, что куб одного может быть представлен как сумма кубов двух других и что это верно вообще для всех степеней выше двух, то есть случая теоремы Пифагора.

Вскоре другие математики согласились, что дело обстоит именно так. Метод проб и ошибок подсказывал невозможность опровержения теоремы Ферма. Проблема в том, что, даже производя вычисления до окончания века, невозможно перепроверить все числа, ведь их бесконечно много, и потому невозможно быть на сто процентов уверенным, что среди очень больших чисел нет таких, что опровергали бы теорему Ферма. В математике все

утверждения должны быть доказаны строго математически, с применением безусловно верных и доказанных формул. Математик должен быть готовым заявить с трибуны: «Это так-то и так-то, потому что...»

По обыкновению, Ферма показал коллегам что-то вроде фиги в кармане. На полях своего экземпляра «Арифметики» Диофанта этот гений написал формулировку задачи и закончил строками на латыни, ставшими бессмертными в истории математики: «Я нашел поистине чудесное доказательство, но эти поля слишком узки, чтобы его вместить».

Если он хотел тем самым привести своих коллег в негодование, то, надо сказать, у него это отлично получилось. Начиная с 1637 года чуть ли не каждый уважающий себя математик уделял время — иногда изрядное — попыткам найти доказательство теоремы Ферма. Несколько поколений ученых потерпели неудачу, пока не появился Эндрю Уайлс со своим эпохальным доказательством в 1993 году.

Лисбет Саландер была поставлена в тупик.

Ответ ее вообще-то не интересовал. Главным было само решение проблемы. Если ей задавали загадку, она ее отгадывала. До того как Лисбет поняла основные принципы рассуждений, разгадка тайнства чисел отнимала много времени, но девушка всегда получала правильный результат прежде, чем сверялась с ответом.

Прочитав теорему Ферма, она взяла лист бумаги и начала проверять ее на цифрах, но найти доказательство не удалось.

Подглядывать в ответы ей не хотелось, поэтому Лисбет пропустила ту часть текста, где излагалось доказательство Эндрю Уайлса. Поэтому она дочитала «Границы» до конца и удостоверилась, что ни одна из прочих проблем, сформулированных в книге, не вызвала у нее серьезных затруднений. Впоследствии она все с большим раздражением возвращалась к загадке Ферма, плугая из одного тупика в другой и ломая голову над тем, какое именно «чудесное доказательство» имел в виду математик.

Сосед из тридцать второго номера вдруг встал и пошел к выходу. Покосившись на наручные часы, Лисбет отметила, что он неподвижно просидел здесь два часа и десять минут.

Элла Кармайкл поставила бокал перед Лисбет Саландер, отметив, что девушка не интересуется всякой туфтой типа напитков ярко-розового цвета с бумажными зонтиками в бокале. Она всегда заказывала одно и то же — ром с колой. Только однажды вечером Саландер была в каком-то странном настроении и так напилась, что Элле пришлось просить о помощи отнести ее в номер.

Как правило, Лисбет заказывала кофе с молоком, иногда коктейль или местное пиво «Кариб». Обычно она усаживалась за дальним правым концом стойки и открывала книгу с непонятными математическими формулами, что, по мнению Эллы Кармайкл, было странным чтением для девушки ее возраста.

К тому же Лисбет Саландер не проявляла ни малейшего интереса к тем, кто пытался за ней приударить. Те немногие одинокие мужчины, что пытались к ней подъехать, получали вежливый, но решительный отпор, а с одним она обошлась и вовсе не деликатничая. Отшитый ею парень, Крис Мак-Ален, был местным бездельником и давно заслуживал нагоняй. Поэтому Элла не слишком огорчилась, когда он, весь вечер приставая к Лисбет, вдруг как-то странно споткнулся и свалился в бассейн. К чести Мак-Алена следует отметить, что он не отличался злопамятностью. Уже на следующий вечер Крис появился совершенно

трезвым и спросил Лисбет, может ли он угостить ее пивом. Поколебавшись секунду, она согласилась, и с тех пор, случайно столкнувшись в баре, они вежливо здоровались.

— Ну, как, все в порядке? — спросила Элла.

Лисбет кивнула и взяла бокал.

— А что слышно нового про «Матильду»? — поинтересовалась она.

— Двигается в нашу сторону. Гадости от нее можно ожидать в выходные.

— А когда будет точно известно?

— Вообще-то, не раньше, чем когда она пройдет мимо. Она может держать курс прямо на Гренаду, а затем, в последний момент, передумать и свернуть на север.

— А часто у вас бывают ураганы?

— Иногда. Обычно они проходят стороной, иначе от острова уже ничего бы не осталось.

Но ты не волнуйся.

— Я не волнуюсь.

Внезапно послышался громкий взрыв смеха, и они, повернувшись на звук, увидели даму из тридцать второго номера, похоже развеселившуюся от рассказа мужа.

— Кто это такие?

— Доктор Форбс и его жена, американцы из Остина, штат Техас.

Слово «американцы» Элла произнесла чуть неприязненно.

— Я знаю, что американцы. Но что они здесь делают? Он работает врачом?

— Нет, он доктор наук, а не врач, работает в фонде Девы Марии.

— А что это за фонд?

— Они финансируют обучение способных детей. Он приличный человек — ведет переговоры с Министерством образования о постройке новой школы для старшеклассников в Сент-Джорджесе.

— Этот приличный человек бьет свою жену, — заметила Лисбет Саландер.

Элла Кармайкл промолчала и, бросив на Лисбет резкий взгляд, ушла к другому концу стойки подать пиво «Кариб» местным посетителям.

Лисбет посидела в баре еще минут десять, уткнувшись в «Границы». Еще не войдя в подростковый возраст, она поняла, что у нее, в отличие от одноклассников, фотографическая память. Она никому не открывала эту свою особенность, только Микаэлю Блумквисту, да и то в минуту слабости. Текст в «Границах» она знала уже наизусть и носила с собой книгу как вещественное звено, связующее ее с Ферма, как будто книга стала талисманом.

Но в тот вечер ей не удавалось сосредоточиться ни на самом Ферма, ни на его теореме. Вместо этого в голове у нее засел образ доктора Форбса, неподвижно сидящего у залива Каренаж, впериw взгляд в одну точку. Лисбет не могла объяснить, почему она вдруг почувствовала, что с ним что-то не так.

Наконец она захлопнула книгу, ушла к себе в комнату и включила лэптоп. Невозможно было даже подумать о том, чтобы шарить в Интернете — в отеле не было интернет-соединения, — но у нее был встроенный модем, который можно подключить к ее мобильнику фирмы «Панасоник» и таким образом пользоваться электронной почтой. Лисбет быстро напечатала письмо на адрес <plague_hux_666@hotmail.com>^[6]:

Доступа к Интернету нет. Нужна информация о докторе Форбсе, сотруднике фонда Девы Марии, проживающем в городе Остин, Техас. Плачу пятьсот долларов за предоставленные данные. Wasp.

Она приложила ключ своей шифровальной программы, закодировала послание ключом Чумы и отправила сообщение. Взглянув на часы, девушка обнаружила, что полвосьмого уже миновало.

Выключив компьютер и заперев комнату, Лисбет прошла метров четыреста по пляжу, перешла дорогу на Сент-Джорджес и постучала в дверь развалюхи за «Кокосовым орехом». Ее обитателем был шестнадцатилетний Джордж Бленд. Он еще учился в гимназии, собирался стать врачом или адвокатом, а может, астронавтом и был таким же тощим и почти таким же низкорослым, как Лисбет.

Лисбет увидела Джорджа Бленда на пляже во время своей первой недели на Гренаде, на следующий день после того, как приехала в Гранд Анс. Она шла по пляжу и в какой-то момент присела в тени под пальмой. Вдали, у кромки воды, ребяташки играли в футбол. Лисбет раскрыла «Границы математики» и погрузилась в книгу. Тут подошел он, худой чернокожий парнишка в сандалиях, черных брюках и белой рубашке и уселся в нескольких метрах, явно не заметив ее.

Как и она, он раскрыл книгу и с головой ушел в чтение. Это тоже был «кирпич» по математике, четвертый том «Основного курса». Потом его сосредоточенное чтение сменили каракули в задачнике. Минут пять спустя Лисбет кашлянула, тогда Джордж заметил ее и вскочил от удивления. Он начал извиняться за беспокойство и собирался уходить, когда она спросила, трудная ли у него задачка.

Она была по алгебре, и Лисбет нашла основную ошибку в его вычислениях уже через две минуты. А через полчаса они уже покончили с его домашним заданием. Час спустя был готов следующий раздел в задачнике, и Лисбет доходчиво объяснила, в чем суть необходимых вычислений. Парень уставился на нее с почтительным уважением. За два часа он рассказал ей, что его мама живет в Канаде, в Торонто, папа — в Гренвилле, на другом конце острова, а сам он — в развалюхе на пляже чуть подальше отсюда. Еще у него есть три старших сестры.

В его компании Лисбет чувствовала себя на редкость безмятежно. Странное дело. Она почти никогда не вступала в разговор с другими, чтобы просто поболтать. И не потому, что стеснялась. Для нее всякий разговор имел практическое назначение — типа как найти аптеку или сколько стоит комната в гостинице. Еще разговор мог преследовать профессиональные цели. Когда Лисбет собирала материал для Драгана Арманского в фирме «Милтон секьюрити», у нее не было проблем с долгими разговорами при изложении фактов.

Однако Лисбет не выносила личных разговоров, как правило ведущих к копанию в том, что она считала частным делом, и поэтому диалог обычно получался таким:

- Сколько тебе лет?
- Отгадай.
- Тебе нравится Бритни Спирс?
- А кто это?
- Как тебе картины Карла Ларссона?
- Никогда об этом не задумывалась.
- Ты лесбиянка?
- Это тебя совершенно не касается.

Джордж Бленд был неуклюжий и самоуверенный, но вежливый и старался вести с ней интеллектуальный разговор, не пытаясь переспорить ее или залезть в ее частную жизнь. Похоже, ему, как и ей, нравилось быть отшельником. Удивительно, но он воспринимал ее кем-то вроде математического божества, спустившегося на пляж Гранд Анс, и был счастлив

тем, что она готова сидеть рядом в его компании. Проведя на пляже несколько часов, они поднялись — солнце уже спускалось к самому горизонту. Они пошли к гостинице, и Джордж показал ей лачугу, служившую ему жильем, а потом смущенно спросил, не зайдет ли она на чашку чая. Лисбет согласилась, а он, похоже, удивился.

Жилище его было примитивно: оно вмещало потрепанный стол, два стула, кровать и шкафчик для одежды и белья. Освещение состояло из настольной лампы, провод которой тянулся к «Кокосовому ореху», а роль плиты играл походный примус. Джордж накормил Лисбет обедом из риса с овощами, поданным на пластиковых тарелках, и даже храбро предложил ей затянуться местной запрещенной травкой, на что она также согласилась.

Лисбет, конечно, заметила, что произвела на него впечатление и он толком не знает, как себя с ней вести. Она безотчетно решила, что позволит ему себя совратить, однако подготовка к этому шла как-то мучительно и бестолково. Джордж, безусловно, почувствовал ее готовность, но понятия не имел, с чего начать. Он ходил вокруг да около, как кот вокруг сметаны, пока она не потеряла терпение, прижала его к кровати и сдернула с себя одежду.

Лисбет впервые оказалась обнаженной после операции в Генуе, которую покинула с легким чувством паники. Лишь спустя долгое время она поняла, что на нее вовсе никто не глазеет. Обычно Лисбет ничуть не беспокоилась, что о ней думают другие, а тогда удивлялась, что это вдруг она почувствовала себя так неуверенно.

Джордж Бленд отлично подошел для дебютного испытания ее нового самоощущения. Когда он, не без ее помощи, наконец справился с застежкой лифчика, то тут же погасил свет и только тогда начал сам раздеваться. Лисбет поняла, что он смущается, и снова включила лампу. Она внимательно наблюдала за ним, когда он начал неуклюже до нее дотрагиваться. Позже она совершенно расслабилась и поняла, что он воспринимает ее грудь как вполне настоящую. Хотя сравнивать ему, похоже, было не с чем.

Чего Лисбет не планировала на Гренаде, так это завести себе любовника-тинейджера. Она действовала импульсивно и, уходя от него поздно ночью, не думала возвращаться. Однако уже на следующий день она снова встретила его на пляже и почувствовала, что ей приятна компания этого неуклюжего паренька. За семь недель, что Лисбет провела на Гренаде, Джордж Бленд неизменно оставался в ее обществе. Днем они не виделись, вечером гуляли перед заходом солнца, а затем шли к нему в хижину.

Лисбет понимала, что они, прогуливаясь вместе, выглядели как парочка подростков, милых тинейджеров. Джордж, вероятно, считал, что жизнь стала интереснее — ведь он встретил женщину, учившую его и математике, и эротике.

Он открыл дверь и ласково улыбнулся.

— Не помешаю? — спросила она.

Лисбет ушла от Джорджа ночью вскоре после двух. Чувствуя внутри тепло, решила идти к отелю по пляжу, а не по шоссе. Она шла в темноте в одиночестве, но знала, что Джордж, должно быть, идет позади, метрах в ста от нее. Он всегда так делал, ведь она никогда не оставалась у него на всю ночь, и он резко протестовал против того, чтобы она, одинокая женщина, шла ночью к себе в гостиницу. Это был его долг — проводить ее до отеля. Лисбет обычно слушала его доводы, но в конце концов заканчивала дискуссию твердым «нет».

— Я хожу куда хочу и когда хочу. Разговор окончен. И я не нуждаюсь в провожатых.

Обнаружив, что он следует за ней в первый раз, Лисбет ужасно рассердилась. Но затем сочла, что в его желании охранять ее есть некоторый шарм, и потому стала притворяться, что

не знает о том, что он следует за ней и что он повернет домой, как только увидит ее в воротах гостиницы.

«А что бы он сделал, если бы на меня напали?» — подумала Лисбет.

У нее на этот случай был припасен молоток, купленный в магазине Мак-Интайра и хранившийся во внешнем кармане сумки, висевшей у нее через плечо.

В ту ночь ярко светили звезды и полная луна. Лисбет подняла голову и разглядела Регула в созвездии Льва близко у горизонта. Остановилась, почти дойдя до отеля. Вдруг у самой воды на пляже она различила контуры человека. Впервые Лисбет видела живую душу с наступлением темноты. Хотя между ними было почти сто метров, она без труда опознала человека, освещенного лунным светом.

Это был почтенный доктор Форбс из комнаты тридцать два.

Лисбет быстро отошла в сторону, затаившись в тени аллеи. Она оглянулась, но не увидела и Джорджа Бленда. Человек у кромки воды медленно ходил взад-вперед, куря сигарету. Время от времени он останавливался и наклонялся, словно искал что-то на песке. Пантомима продолжалась минут двадцать, как вдруг Форбс изменил направление, быстро двинулся к входу в отель и исчез.

Выждав минуточку-другую, Лисбет пошла к тому месту, где, как маятник, вышагивал доктор Форбс. Медленно сделала полукруг, разглядывая песок под ногами, но не увидела ничего, кроме камешков и ракушек. Через пару минут она прекратила осмотр пляжа и пошла в гостиницу.

У себя на балконе Лисбет перегнулась через разделяющую решетку и проскользнула на балкон соседней. Царили тишина и покой. Ежевечерняя перебранка, очевидно, уже закончилась. Потом она вернулась к себе, взяла сумку, достала бумагу и свернула косячок из запасов, которыми поделился с ней Джордж Бленд, села на балконный стул и уставилась на темную воду Карибского моря, покуривая и размышляя.

Лисбет ощущала себя как радарную установку, способную в любой момент уловить сигнал тревоги.

Пятница, 17 декабря

Нильс Эрик Бьюрман, пятидесятипятилетний адвокат, поставил на столик кофейную чашку и стал наблюдать за людьми, движущимися мимо окон «Хедон» на Стюреплан. Он видел их всех как единый поток, не различая по отдельности. Его мысли крутились вокруг Лисбет Саландер. Он часто о ней думал.

От этих мыслей он буквально закипал.

Лисбет Саландер разделалась с ним. Он никогда не забудет тот момент, когда она завладела им и унизила. Она надругалась над ним, оставив буквально неизгладимый след на его теле, а точнее, на двух квадратных дециметрах в нижней части живота, что находится прямо над его членом. Крепко привязав к его собственной постели, она жестоко расправилась над ним и сделала татуировку, текст которой не допускал толкований и возможностей вытравления. Он гласил: Я САДИСТСКАЯ СВИНЬЯ, ПОДОНОК И НАСИЛЬНИК.

В свое время Стокгольмский суд признал Лисбет Саландер юридически недееспособной. Бьюрман же был назначен ее опекуном, что ставило девочку в прямую зависимость от него. Уже после первой встречи с Лисбет Саландер у него начались связанные с нею эротические фантазии. Он не мог понять, чем же она его провоцировала.

Разумом Нильс Бьюрман понимал, что совершил нечто непозволительное и осуждаемое обществом. Он знал, что допустил грубую ошибку, неприемлемую с юридической точки зрения. Но для его чувств доводы разума не играли никакой роли. Лисбет Саландер свела его с ума с первого момента их встречи два года назад в декабре. Законы, правила, мораль, ответственность утратили всякое значение.

Она была странная девушка: взрослая, но с внешностью подростка. Ее жизнь оказалась у него под контролем, он распоряжался ею. Противостоять такому искушению было невозможно.

Раз она была признана недееспособной, то при ее биографии никто ей не поверил бы, вздумай она протестовать. Кроме того, речь не шла о насилии над невинным ребенком — из ее дела выяснилось, что у нее немалый опыт и она сексуально распушена. В отчете одного из социальных работников указывалось, что Лисбет Саландер, возможно, предлагала сексуальные услуги за деньги в семнадцатилетнем возрасте. Поводом к этому донесению стало сообщение полицейского патруля, что неизвестного пьянчугу застали вместе с молодой девушкой на скамейке в парке Тантолунд. Полицейские припарковались и попытались выяснить, кто они такие, но девица отказалась отвечать на вопросы, а пьяный мужик не был способен выразиться членораздельно.

Для адвоката Бьюмана вывод был очевиден: Лисбет Саландер — шлюха, оказавшаяся на низшей ступени общественной лестницы. И при этом в его власти. Он же ничем не рисковал. Даже если бы она обратилась в управление опекунского совета с жалобой, он, при его-то безукоризненной репутации и заслугах, выставил бы ее лгуней.

Это была прекрасная игрушка — взрослая, сексуально раскрепощенная, безграмотная в социальном плане и полностью зависящая от его произвола.

Впервые в своей практике Бьюрман злоупотребил отношениями с одним из своих клиентов. Раньше он даже подумать не мог, чтобы эксплуатировать кого-либо из них. Чтобы

ублажать себя специальными сексуальными играми, он брал проституток. Это он делал украдкой, осторожно и не скупясь, но с проститутками все было игрой, а не всерьез. Однажды он оплатил услуги профессионалки, которая стонала, охала и играла нужную роль, но все это было очевидной фальшью.

Бьюрман пытался доминировать над женой, когда еще был женат, и она не возражала, но и это было всего лишь притворство.

Лисбет Саландер подходила ему идеально: беззащитная, без родни и друзей, настоящая безответная жертва. На ловца и зверь бежит.

И вдруг она разделалась с ним.

Она нанесла ему удар с такой силой и решительностью, какой он от нее не ожидал. Она унизила его, мучила физически, чуть не уничтожила.

Жизнь Нильса Бьюрмана полностью изменилась за последние два года. Первое время после визита Лисбет Саландер он был словно парализован, не способный ни думать, ни действовать. Он заперся дома, не отвечал по телефону и не поддерживал контактов со своими клиентами. Две недели спустя Бьюрман взял больничный лист. Текущей корреспонденцией занималась секретарша в его конторе, она отменяла назначенные ранее встречи и пыталась отвечать на вопросы раздраженных клиентов.

Каждый день, хотелось ему того или нет, он видел свое тело в зеркале в ванной. В конце концов он снял зеркало.

Нильс Бьюрман вернулся в контору лишь к началу лета. Рассортировав клиентов, он направил большинство из них к коллегам. Себе он оставил предприятия, юридические дела которых можно было вести по переписке, без личного участия. Фактически его единственным клиентом оставалась Лисбет Саландер — каждый месяц Бьюрман должен был подавать сводку ее экономического положения вместе с общим рапортом в управление опекунского совета. Он делал в точности, как она требовала, — писал вымышленные рапорты, свидетельствующие о том, что она не нуждается в опеке.

Каждый рапорт приносил горечь напоминания о ее существовании. Но что было делать?

Лето и осень Бьюрман провел в размышлениях, сопровождавшихся параличом действия. В декабре он наконец взял себя в руки и отправился в отпуск во Францию, где зарезервировал время для посещения клиники косметической хирургии под Марселем, чтобы посоветоваться с врачом, как лучше всего удалить татуировку.

Доктор удивленно осмотрел его обезображенный живот и наконец предложил способ лечения. Наилучшим вариантом виделась лазерная обработка, но площадь поврежденной кожи оказалась столь велика, а проникновение иглы — столь глубоким, что доктор предложил серию пересадок кожи. Правда, это было дорого и требовало много времени.

За прошедшие два года Бьюрман видел Лисбет Саландер всего один раз.

В ту ночь, когда она напала на него и подчинила себе его жизнь, она также взяла себе запасные ключи от его конторы и квартиры. И сказала, что собирается следить за ним и появляться, когда он меньше всего этого ожидает. Десять месяцев спустя Бьюрман уже почти решил, что это была пустая угроза, но все же не осмелился поменять замки. Ее условие было недвусмысленно четким: если она хоть раз застанет его с женщиной в постели, то сделает достоянием гласности девяностоминутную запись насилия, которое он над ней совершил.

Однажды в середине января, спустя почти год, Бьюрман вдруг проснулся в три часа ночи, не соображая отчего. Он зажег лампу на прикроватной тумбочке и чуть не заорал от ужаса, увидев Лисбет у изножия кровати. Она была словно привидение, внезапно

материализовавшееся в его спальне. Ее бледное лицо ничего не выражало, а в руках она держала этот проклятый электрошокер.

— Доброе утро, адвокат Бьюрман, — наконец произнесла она. — Извини, что на этот раз разбудила.

«Господи, неужели она здесь и раньше бывала, пока я спал?» — подумал он.

Нильс Бьюрман так и не понял, был ли это блеф. Он откашлялся и открыл рот, но она жестом прервала его.

— Я вот почему тебя разбудила. Скоро я уеду на долгое время. Ты же должен продолжать писать рапорты о моем благоденствии по-прежнему каждый месяц, но вместо отправки копий на мой домашний адрес посылай их на мой адрес в Hotmail. — Она достала из кармана куртки сложенный кусок бумаги и положила на край кровати. — Если управление опекунским советом захочет со мной свидеться или мое присутствие зачем-либо понадобится, пиши на этот электронный адрес. Понял?

— Понял...

— Заткнись. Не хочу слышать твой голос.

Бьюрман стиснул зубы. Он вообще не осмеливался с ней связываться, потому что в противном случае она обещала ознакомить с фильмом средства массовой информации. Уже несколько месяцев опекун продумывал, что скажет ей, когда Лисбет с ним свяжется. Ему было ясно, что сказать в свое оправдание фактически нечего, и единственное, что ему оставалось, — это взывать к ее великодушию. Если бы Лисбет дала ему шанс высказаться, он попытался бы убедить ее, что действовал в состоянии временного умопомрачения, что он раскаивается и хочет искупить свою вину. Он был готов ползать перед ней на коленях, лишь бы растрогать ее и тем самым отвести опасность, исходящую от нее.

— Я должен сказать... — жалобно начал он, — я хочу просить у тебя прощения.

Лисбет подозрительно прислушалась к его неожиданной мольбе, потом наклонилась над спинкой кровати и смерила его ненавидящим взглядом.

— Слушай, ты, скотина. Я тебя никогда не прощу. Но если будешь вести себя как надо, отпущу тебя на все четыре стороны в день, когда моя недееспособность будет отменена.

Она выждала, пока опекун не опустил глаза. «Она заставляет меня ползать на коленях», — подумал он.

— Все, что я сказала тебе год назад, остается в силе. Если не подчинишься моим условиям, сделаю фильм достоянием гласности. Попробуешь связаться со мной не так, как я тебе сказала, обнародую фильм. Если погибну от несчастного случая, о фильме станет известно. Тронешь меня еще раз — убью.

Бьюрман верил ей. Места для сомнений или переговоров не оставалось.

— И вот что еще. Когда я тебя отпущу, можешь делать, что хочешь. Но до того дня не смей даже показываться в марсельской клинике. Поедешь туда и начнешь курс лечения — получишь новую татуировку, только я набью ее тебе на лоб.

«Черт, как она пронюхала?..» — подумал он.

В следующую секунду ее уже не было. Бьюрман услышал легкий щелчок, когда она поворачивала ключ во входной двери. Вот уж точно, будто привидение.

С этого мгновения он возненавидел Лисбет Саландер столь пламенно, словно в его мозгу запылал раскаленный металл. Он стал одержим жадной уничтожить ее. Он представлял себе, как она умирает, как он заставляет ее ползать перед ним на коленях и как она молит о пощаде. Но он будет неумолим. Он представлял себе, как стиснет руками ее шею

и станет душить, пока она не задохнется. Или как выдавит глаза из глазниц, вырвет сердце из грудной клетки. Как он сотрет ее с лица земли.

Удивительно, но в этот самый момент Бьюрман почувствовал, что к нему возвращается способность действовать, что он поразительным образом обрел душевное равновесие. Он все еще был одержим Лисбет Саландер, и на ее существовании фокусировалась каждая секунда его бодрствования. Но он осознал, что вновь способен рационально мыслить. Чтобы уничтожить ее, ему нужно привести в порядок свой разум. Так в его жизни появилась новая цель.

В тот день, когда он перестал представлять ее смерть, но начал планировать ее.

Микаэль Блумквист прошел всего в двух метрах за спиной адвоката Нильса Бьюрмана в кафе «Хедон», лавируя между столиками с двумя стаканами обжигающе горячего кофе с молоком, и направился к Эрике Бергер. Ни он, ни Эрика никогда не слышали об адвокате и не обратили на него никакого внимания.

Сморщив нос, она отодвинула пепельницу, освобождая место для стаканов. Микаэль повесил пиджак на спинку стула, придвинул пепельницу на свой край стола и закурил. Эрика терпеть не могла табачный дым и бросила на мужчину страдальческий взгляд. Тот деликатно выпустил струю дыма в сторону.

— Я думала, ты уже бросил, — сказала она.

— Временный рецидив.

— Я буду избегать сексуальных партнеров, пахнущих дымом, — пообещала она и очаровательно улыбнулась.

— No problem, есть и другие девушки, не столь капризные, — возразил Микаэль и улыбнулся в ответ.

Эрика осуждающе возвела взгляд к потолку.

— Так в чем у тебя дело? Я ведь встречаюсь с Чарли через двадцать минут. Мы идем в театр.

Чарли — это Шарлотта Розенберг, Эрикина подруга детства.

— Меня беспокоит наша практикантка. Она — дочка какой-то твоей подруги, у нас уже две недели и проработает в редакции еще восемь недель. Я ее уже просто не выдерживаю.

— Я заметила, что она бросает на тебя плотоядные взгляды, но надеюсь, что ты, естественно, ведешь себя как джентльмен.

— Эрика, девушке семнадцать лет по паспорту и десять по уму, да и то с лихвой.

— Видимо, она под впечатлением от встречи с тобой, и ей, вероятно, свойственно идолопоклонничество.

— Вчера вечером, в половине одиннадцатого, она позвонила мне в домофон и хотела подняться ко мне с бутылкой вина.

— Ух ты! — воскликнула Эрика.

— Вот так-то. Был бы я лет на двадцать моложе, не мешкал бы ни секунды. Но ты подумай: ей семнадцать, а мне скоро сорок пять.

— И не напоминай. Мы же ровесники.

Микаэль Блумквист откинулся на спинку стула и стряхнул пепел с сигареты. Конечно, он отдавал себе отчет в том, что дело Веннерстрёма придало ему звездный статус. За прошедший год он получал приглашения на разные празднества и помпезные мероприятия из самых невероятных мест. Было очевидно, что его приглашали для того, чтобы вписать в

круг своих знакомых. Теперь при встрече с ним обменивались поцелуями те, с кем раньше он едва здоровался за руку, а также те, кто хотел бы изображать из себя его верного друга и соратника.

Это относилось не к его коллегам-журналистам — их он уже хорошо знал и был с ними либо в отличных, либо в плохих отношениях, — а главным образом к так называемым деятелям культуры, актерам, ведущим разных теледебатов и полужнаменитостям. Это было престижно — заполучить Микаэля Блумквиста в качестве гостя на презентации или на частном обеде. Приглашения и попытки вовлечения то в одно, то в другое мероприятие сыпались на него целый год. У Микаэля уже вошла в привычку формулировка: «Был бы очень рад, но, к сожалению, уже занят на другом мероприятии».

Это, конечно, была палка о двух концах. К неприятным моментам относилось усиленное распространение сплетен. Один знакомый вдруг позвонил, озабоченный слухами о том, что Микаэль обращался к врачам за помощью по поводу наркотической зависимости. На самом деле весь его наркотический опыт сводился к тому, что он подростком выкурил пару сигарет с марихуаной, а лет пятнадцать назад попробовал кокаин вместе с одной голландской девушкой, певшей в рок-группе. У него было больше опыта в потреблении алкоголя, но он напивался всего несколько раз на ужинах или вечеринках. В ресторанах и барах иногда заказывал крепкое пиво, но охотно пил и некрепкое. В домашнем баре держал водку и несколько подаренных бутылок виски, но доставал их до смешного редко.

Микаэль был холост, и о его случайных связях и романах было хорошо известно как в кругу его знакомых, так и за его пределами, что давало повод к сплетням. Его многолетний роман с Эрикой Бергер часто служил поводом для досужих домыслов. За последний год эти байки пополнились новыми: что он порхает из кровати в кровать и пользуется своей известностью, чтобы перетрахать всех, кого встретит в стокгольмских ресторанах. Один малознакомый журналист даже спросил у него как-то, не следует ли Микаэлю обратиться за помощью к сексопатологу, и добавил, что один известный американский актер уже наблюдался в клинике в связи с таким же недугом.

У Микаэля в самом деле было много мимолетных связей, иногда одновременных. Почему — и сам не знал. Он отдавал себе отчет в том, что выглядит неплохо, но к неотразимым себя не причислял. И все же ему часто доводилось слышать, что в нем есть что-то притягательное для женщин. Эрика Бергер как-то объяснила ему, что он излучает уверенность и надежность и обладает способностью внушить женщине, что она привлекательна своей слабостью и безыскусностью. Оказаться с ним в постели было нетрудно, безопасно и необременительно, а кроме того, непритязательно и приятно в эротическом отношении, как это и должно быть, согласно мнению Микаэля.

Вопреки мнению большинства его знакомых, Блумквисту не было свойственно домогаться женщины. Обычно он давал понять, что не прочь, но всегда предоставлял инициативу женщине, и занятие сексом становилось естественным завершением нового знакомства. Женщины, с которыми он оказывался в постели, редко были одноразовыми незнакомками. Хотя такое тоже случалось, результатом оказывались примитивные упражнения без всякого удовольствия. Наилучшие эротические отношения у него складывались с теми, кого он знал и кто был ему симпатичен. Не случайно, что с Эрикой Бергер его связывали двадцатилетние отношения — они были друзьями, их притягивало друг к другу.

Его известность последнего времени возбудила повышенный интерес у женщин. Ему

этот интерес казался непостижимо странным. Больше всего Микаэля удивляли молодые женщины, переходившие в импульсивную атаку в совершенно неожиданных обстоятельствах.

Микаэль отнюдь не увлекался восторженными девицами с впечатляющими фигурками в коротеньких юбочках. В молодости его приятельницы часто были старше, а в некоторых случаях существенно старше и опытнее его. Пока он вырос, одновременно сокращалась и разница в возрасте. Связь с двадцатилетней Лисбет Саландер означала заметное падение по шкале возраста.

Это и было причиной срочной встречи с Эрикой.

Ее знакомая попросила взять в «Миллениум» практиканткой ученицу гимназии с профилем обучения «Средства массовой информации». Ничего необычного в этом не было — каждый год в редакции появлялись несколько практикантов. Микаэль вежливо приветствовал новенькую семнадцатилетнюю девушку, но довольно скоро понял, что к журналистике она питает весьма слабый интерес, если не считать мечты «мелькать на голубом экране». К тому же Микаэль допускал, что числиться в «Миллениуме» теперь стало престижно.

Очень скоро он обратил внимание на то, что девушка всячески старается сойтись с ним поближе. Попытки сделать вид, что он не замечает ее очевидной атаки, привели лишь к ее удвоенным усилиям. Все это уже стало так тягостно...

Эрика Бергер вдруг рассмеялась.

— Душенька, да ты никак стал жертвой сексуальных домогательств на рабочем месте.

— Рикки, дело скверное! Я же не хочу обидеть ее или поставить в неловкое положение. Но она так же «застенчива», как кобыла во время течки. Я просто пугаюсь, что от нее еще можно ожидать.

— Да она просто влюбилась в тебя и не знает, как это выразить, — слишком незрелая.

— Ну нет, ошибаешься. Она чудовищно зрелая по части демонстрации своих намерений, но ведет себя неестественно и раздражается, что я не клюю на крючок. Не хватало еще новой волны слухов, выставляющих меня падким на девочек Миком Джаггером в поисках свежатинки.

— Ладно. Проблема ясна. Итак, вчера вечером она позвонила тебе в дверь...

— Ага, прихватив бутылку вина. Сказала, что просто была на вечеринке у знакомых неподалеку, пытаюсь сделать вид, что ее появление — чистая случайность.

— А что ты ей сказал?

— Во-первых, не впустил, а во-вторых, соврал, что она появилась некстати, у меня в гостях дама.

— И как она к этому отнеслась?

— Страшно разозлилась, но отчалила.

— Ну, и чего ты от меня хочешь?

— Get her off my back^[7]. В понедельник я думаю серьезно с ней поговорить. Либо она оставит меня в покое, либо я выставлю ее из редакции.

Эрика Бергер задумалась.

— Нет, не нужно. Я сама с ней поговорю.

— У меня просто нет выбора.

— Мне кажется, она ищет друга, а не любовника.

— Уж не знаю, кого она ищет, но...

— Микаэль, я через это тоже прошла. Я с ней потолкую.

Подобно многим телезрителям или читателям вечерних газет, Нильс Бьюрман слышал о Микаэле Блумквисте. В лицо он его не знал, а если бы и знал, не обратил бы внимания — ведь он не подозревал о существовании связи между «Миллениумом» и Лисбет Саландер.

К тому же он был слишком погружен в собственные мысли, чтобы замечать что-либо вокруг.

Выйдя из ментального паралича, адвокат мало-помалу начал анализировать свое положение и думать над тем, как ему уничтожить Лисбет Саландер.

В этом деле существовал камень преткновения. В руках у Лисбет был девяностоминутный фильм, заснятый ею на скрытую камеру и детально зафиксировавший, как он ее насиловал. Этот фильм Бьюрман видел. Никаких толкований в его пользу эта запись не оставляла. Если этот фильм когда-либо попадет в руки обвинения в суде или, что еще хуже, окажется в когтях средств массовой информации, его карьере, свободе и жизни придет конец. Зная статьи уголовного кодекса, предусматривающие наказание за жестокое насилие, подчинение себе зависящего от него лица и причинение грубых повреждений, он прикинул, что должен получить лет шесть лишения свободы. Какой-нибудь воинственный обвинитель мог бы даже интерпретировать один из эпизодов фильма как попытку убийства.

Насиловывая в тот раз, он чуть не задушил ее, от возбуждения прижав ее лицом к подушке. Жаль, что совсем не придушил. Они же не поймут, что она все время играла продуманную роль, провоцировала его, зыркала своими детскими глазками, соблазняла телом, которое сошло бы за двенадцатилетнее. Она предоставила ему возможность изнасиловать ее. Она сама виновата. Они никогда не поймут, что на самом деле все это было театральным представлением, в котором она оказалась режиссером. Она планировала...

Что бы он ни задумал предпринять, он должен прежде всего заполучить фильм и удостовериться, что других копий не существует. В этом суть проблемы.

Вряд ли можно усомниться в том, что ведьма вроде Лисбет Саландер нажила себе врагов с течением времени. В этом отношении у адвоката Бьюрмана было преимущество. Тем, что ставило его в особое положение по сравнению с другими, кто по той или иной причине мог испытывать к ней злобу, был неограниченный доступ к ее медицинской карте, отчетам социальных работников и психиатрическим заключениям. Бьюрман был одним из немногих в Швеции, кому известны все ее самые потаенные секреты.

Личное дело Лисбет Саландер, переданное ему опекуном советом, когда Бьюрман согласился стать ее опекуном, было кратким, но емким. Всего на пятнадцати страницах уместились ее взрослая жизнь, краткая выписка из диагноза, сделанного психиатрической экспертизой, решение стокгольмского суда о передаче ее под опеку, а также финансовый отчет за прошлый год.

Он снова и снова перечитывал заключение. Затем начал планомерно собирать данные о прошлом Лисбет Саландер.

Как и любой адвокат, Бьюрман хорошо знал, куда надо обращаться, чтобы получить информацию из разных учреждений. У него не было проблем с доступом к ее медицинской карте — на него, опекуна, секретность не распространялась. Он был одним из немногих, кто мог получить любой материал, касающийся Лисбет Саландер.

Однако у него ушло несколько месяцев на то, чтобы составить картину ее жизни, собирая деталь за деталью, начиная с записей, сделанных о ней в младших классах, и кончая рапортами социальных работников, полиции и суда. Он лично встретился с доктором

Иеспером Х. Лёдерманом и обсудил ее состояние. Именно этот врач-психиатр рекомендовал Саландер в закрытое лечебное учреждение, когда ей исполнилось восемнадцать лет. Бьюрман тщательно изучил соображения, легшие в основу рекомендации психиатра. Все старались ему помочь, а одна работница социальной службы даже восхитилась рвением, выходящим за пределы стандартного, с которым Бьюрман вникал во все аспекты жизни Лисбет Саландер.

Но настоящий клад информации обнаружился в двух тетрадях с толстым переплетом, лежавших в картонной коробке, пылившейся у одного из сотрудников управления опекунского совета. В этих тетрадях вел записи предшественник Бьюрмана, адвокат Хольгер Пальмгрен. Он-то, очевидно, знал Лисбет Саландер лучше, чем кто-либо. Каждый год Пальмгрен добросовестно представлял короткий рапорт в управление, сопровождая своими собственными соображениями в форме дневника. О последнем, как подозревал Бьюрман, Лисбет Саландер ничего не знала. Это, очевидно, были личные рабочие материалы Пальмгрена. Два года назад с ним случился инсульт, его записи попали в управление опекунского совета и пролежали там, никем не читанные.

Это были оригиналы, и копий не существовало.

Отлично!

Пальмгрен нарисовал совсем другой портрет Лисбет Саландер, не похожий на тот, что вырисовывался из донесений социального ведомства. Теперь он мог проследить мучительный путь Лисбет от неуправляемого подростка к молодой женщине на службе в частном охранном агентстве «Милтон секьюрити» — туда она попала благодаря связям Пальмгрена. Бьюрмана охватывало все большее удивление, когда он узнал, что Лисбет Саландер отнюдь не была умственно отсталой работницей, в обязанности которой входило размножать бумажки на копировальном аппарате да варить кофе. Напротив, она выполняла квалифицированные поручения Драгана Арманского, директора «Милтона», по сбору и анализу информации. Было также очевидно, что Арманский и Пальмгрен знакомы и обменивались новостями о своей подопечной.

Имя Драгана Арманского Нильс Бьюрман взял на заметку. Среди всех людей, принимавших участие в судьбе Лисбет Саландер, только двое в каком-то смысле могли считаться ее друзьями, и оба, похоже, считали ее своей подопечной. Пальмгрен в счет не шел, а от Арманского Бьюрман решил держаться подальше и не разыскивать его.

Записные книжки многое прояснили. Теперь Бьюрман понял, откуда Лисбет Саландер так много о нем знает. Однако он все еще не мог догадаться, как ей удалось узнать о посещении клиники пластической хирургии во Франции, ведь об этой поездке он никому не говорил. Но многое в жизни Лисбет, ранее покрытое мраком, теперь прояснилось. У Арманского она занималась копанием в личной жизни людей. Адвокат сразу понял, что должен соблюдать осторожность в своих собственных поисках. Раз уж Лисбет Саландер может в любой момент нагрянуть к нему в квартиру, держать там документы, касающиеся ее жизни, неразумно. Он собрал все эти бумаги, сложил в коробку и отвез к себе на дачу в Сталлархольме, где он проводил все больше времени в одиноких раздумьях.

Чем больше Бьюрман читал о Лисбет Саландер, тем крепче становилась его уверенность в том, что она патологически больна. Его пробирала дрожь при воспоминании, как она приковала его наручниками к собственной кровати, полностью подчинив своей власти. Бьюрман не сомневался: случись ему дать хоть какой-то повод, она без колебаний

приведет в исполнение свою угрозу убить его.

Для нее не существовало никаких правил, регулирующих поведение в обществе, она жила без тормозов. Это была опасная для окружающих проклятая психопатка, граната с сорванной чекой, шлюха.

Дневник Хольгера Пальмгрена помог найти ключ к последней загадке. Несколько раз опекун оставлял в дневнике записи глубоко личного характера о своих беседах с Лисбет Саландер. Выживший из ума старикашка! В паре записей он ссылался на ее выражение «Когда Случилась Вся Та Жуть». Ясно, что Пальмгрен непосредственно цитировал Лисбет Саландер, но что она вкладывала в это — неясно.

Озадаченный Бьюрман взял на заметку выражение «Вся Та Жуть». Когда и что это было? Годы, проведенные ею в приемной семье? Какое-то конкретное насилие? Что-то об этом должно быть в обширной документации, к которой он уже имел доступ?

Он открыл отчет о судебно-психиатрической экспертизе, выполненной, когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать лет, и педантично прочел его в пятый или шестой раз. Вдруг он понял, что в его знаниях о жизни Лисбет Саландер есть пробел.

У него имелись выписки из учительских журналов, когда она училась в начальной школе, справка, удостоверяющая, что мать Лисбет неспособна ее воспитывать, отчеты нескольких приемных семей в годы, предшествовавшие совершеннолетию, и заключение психиатра в связи с восемнадцатилетием.

Что-то стало поводом к ее безумию, когда ей было двенадцать лет.

Нашлись и другие пробелы в биографии. Бьюрман с удивлением обнаружил, что у Лисбет Саландер есть сестра-близняшка, о которой ничего не упоминалось в материалах, собранных им ранее. Господи, их было двое! Но каких-либо сведений о судьбе ее сестры он не нашел.

Отец неизвестен, и не было никаких объяснений, почему мать оказалась не в состоянии ее воспитывать. Раньше Бьюрман исходил из гипотезы, что Лисбет заболела и в связи с этим начался процесс, закончившийся детской психиатрической клиникой. Теперь он уверился в том, что с Лисбет Саландер что-то случилось, когда ей было двенадцать-тринадцать лет, «Вся Та Жуть», какое-то потрясение. Но в чем состояла «Вся Та Жуть», оставалось неясным.

В отчете судебно-психиатрической экспертизы он наконец нашел ссылку на документ, которого нигде не видел. Это был номер рапорта о полицейском расследовании 12 марта 1991 года. Этот номер был приписан от руки на полях копии, найденной им в управлении социального обеспечения. Когда он попытался запросить этот рапорт, то наткнулся на непреодолимое препятствие — расследование оказалось засекречено по указу шведского короля. Это можно было бы обжаловать, но только через правительство.

Нильс Бьюрман был в замешательстве. С одной стороны, нет ничего странного в том, что полицейское расследование, касающееся двенадцатилетней девочки, оказалось засекречено. Это соответствовало охране неприкосновенности личности. С другой стороны, он как опекун Лисбет Саландер мог затребовать любой материал о ней. Непонятно, почему расследование было так засекречено, что доступ к нему можно получить только через запрос в правительство.

Такой запрос Бьюрман сделал на автомате, потом ждал два месяца — и, к своему крайнему изумлению, получил отказ. Он был не в состоянии понять, что такого особенного могло содержаться в полицейском расследовании пятнадцатилетней давности, касавшемся двенадцатилетней девочки. Что делало его таким секретным, как будто это касалось ключей

от дома правительства в Росанбаде?

Он вернулся к дневникам Хольгера Пальмгрена, перечитал их строчку за строчкой и постарался понять, что скрывается за словами «Вся Та Жуть». Текст не давал зацепок. Хольгер Пальмгрен и Лисбет Саландер об этом явно говорили, но в записях не осталось следа. Упоминание о «Всей Той Жути» появилось в самом конце пространный дневника. Вероятно, Пальмгрен просто-напросто не успел сделать подробную запись, прежде чем его разбил инсульт.

Все это повернуло мысли Бьюрмана в новое русло. Хольгер Пальмгрен был опекуном Лисбет Саландер с ее тринадцатилетнего возраста до восемнадцатилетия. Это означало, что Пальмгрен был рядом с ней вскоре после того, как случилась «Вся Та Жуть» и Саландер поместили в детскую психиатричку. Значит, он, скорее всего, знал, что с ней произошло.

Бьюрман снова пошел в архив управления опекунского совета. На этот раз он запросил не документы, относящиеся к делу Лисбет Саландер, а описание поручения Пальмгрену в связи с решением, принятым службой социального обеспечения об опекунстве над Саландер. Он получил на первый взгляд совершенно разочаровывающие материалы — всего две страницы. Сообщалось, что мать Саландер не способна воспитывать своих дочерей, и в связи с особыми обстоятельствами девочек необходимо разделить. Камиллу Саландер передали в приемную семью, а Лисбет положили в детскую психиатрическую клинику Святого Стефана. Другие варианты не обсуждались. Но почему?

Формулировка была таинственной: «В связи с событиями, произошедшими 12 марта 1991 года, служба социального обеспечения постановляет...» После этого снова приводился номер рапорта того полицейского расследования, которое засекретили. На этот раз сообщалась одна деталь — имя полицейского, занимавшегося расследованием.

Адвокат Нильс Бьюрман изумленно уставился на это имя. Оно ему было знакомо, слишком хорошо знакомо.

Теперь дело вырисовывалось в совершенно другом свете.

Ему потребовалось еще два месяца, чтобы совсем другими путями получить доступ к материалам расследования. Это был толково написанный рапорт на сорока семи страницах формата А4, сопровождавшийся приложениями почти на шестьдесят страниц, отражавшими последующие шесть лет.

Сначала Бьюрман не понял, как связать концы с концами. Затем снова достал снимки, прилагавшиеся к судебно-медицинскому исследованию, и опять проверил имя.

«Боже мой... этого не может быть», — промелькнуло у него в голове.

Он вдруг понял, почему дело оказалось засекречено. Адвокат Нильс Бьюрман сорвал куш в лотерею.

Внимательно перечитав материалы полицейского еще раз, он понял, что нашел еще одного человека, у которого есть причина ненавидеть Лисбет Саландер так же страстно, как у него самого.

Бьюрман оказался не одинок.

Он раскопал союзника, самого невероятного союзника, какого только можно вообразить.

Тогда он начал неторопливо продумывать план действий.

Размышления Нильса Бьюрмана прервались, когда на его столик в кафе «Хедон» легла тень. Он поднял взгляд и увидел какого-то блондина. «Великан» — вот единственное слово,

которое ему подходило.

На секунду адвокат даже отпрянул, прежде чем снова пришел в себя. С высоты более двух метров на него смотрел вниз мужчина сверхмощного сложения. Явно культурист. Бьюрман не обнаружил ни малейших признаков жира или вялости в его фигуре. В целом он создавал ощущение пугающей физической силы.

Это был блондин с короткой стрижкой и овальным лицом с неожиданно мягкими чертами. Зато голубые, как лед, глаза мягкости не выражали. Одет он был в укороченную черную кожаную куртку и черные брюки, а из-под распахнутого ворота виднелась голубая рубашка с черным галстуком. Последнее, что адвокат Бьюрман отметил для себя, были руки незнакомца. Даже для такого крупного человека они были непомерно огромны.

— Адвокат Бьюрман? — спросил он.

Мужчина говорил с заметным акцентом, но таким неожиданно писклявым голосом, что Бьюрман на секунду усмехнулся, но кивнул.

— Мы получили ваше письмо, — сообщил он.

— А вы кто такой? Я хотел встретиться с...

Мужчина с гигантскими ручищами проигнорировал вопрос и уселся напротив Бьюмана, прервав его:

— Вместо него вам придется поговорить со мной. Выкладывайте, что вам надо.

Адвокат Бьюрман заколебался. Ему была невыносима мысль о том, чтобы раскрыться перед совершенно чужим человеком. Но ничего не поделаешь. Он вновь напомнил себе, что не одинок в ненависти к Лисбет Саландер. Союзники ему необходимы. И он, предварительно понизив голос, начал объяснять, по какому делу появился.

Пятница, 17 декабря — суббота, 18 декабря

Лисбет Саландер проснулась утром в семь часов, приняла душ и спустилась к стойке администратора в холле. Она спросила сидевшего там Фредди Мак-Бейна, нет ли в гостинице свободного багги^[8], чтобы взять на день напрокат. Через десять минут все было готово: залог внесен, сиденье и зеркало заднего вида подогнаны, зажигание и бензин проверены. Лисбет зашла в бар, заказала кофе с молоком и бутерброд на завтрак, а бутылку с минеральной водой — с собой. За завтраком она исписала салфетку каракулями цифр, думая о задаче $x^3 + y^3 = z^3$.

В самом начале девятого в бар спустился доктор Форбс, свежесвыбритый, в темном костюме и белой рубашке с голубым галстуком. Он заказал яйца, тост, апельсиновый сок и черный кофе. Ровно в половине девятого поднялся и пошел к ожидавшему его такси.

Лисбет последовала за ним на некотором расстоянии. Доктор Форбс отпустил такси чуть ниже Морской панорамы в начале бухты Каренаж и пошел вдоль набережной. Лисбет проехала вперед мимо него, припарковалась в середине приморского бульвара и терпеливо подождала, пока он пройдет, прежде чем вновь тронуться за ним.

Четыре часа подряд ходила она за ним то вверх, то вниз по улицам Сент-Джорджеса. К часу дня Лисбет уже вся взмокла, а ноги опухли. Прогулка шла в неторопливом темпе, но без остановок, а многочисленные крутые подъемы и спуски уже начинали «откладываться» в мышцах. Оставалось только поражаться энергии Форбса. Допивая последний глоток минеральной воды, Лисбет подумала, уже не бросить ли ей затеянное, как доктор вдруг направился к «Черепашьему панцирю».

Спустя десять минут Лисбет тоже зашла в ресторан и уселась на веранде. Они заняли в точности те же места, что и за день до этого, а он так же тянул кока-колу и не отрывал взгляда от воды в заливе.

На Гренаде Форбс был одним из тех немногих эксцентриков, кто носил пиджак и галстук. Казалось, он не чувствует жары.

Размышления Лисбет прервались в три часа, когда доктор заплатил по счету и покинул ресторан. Сначала он шел прогулочным шагом вдоль бухты Каренаж, а потом вскочил в микроавтобус, направлявшийся в Гранд Анс. Лисбет припарковалась у отеля «Киз» за пять минут до того, как Форбс сошел с автобуса.

У себя в номере она налила в ванну прохладную воду и вытянулась в ней. Ноги ныли, а лоб прочертили морщины.

Сегодняшние физические упражнения кое-что выявили. Каждое утро доктор Форбс покидал отель свежесвыбритый, строго одетый, с портфелем под мышкой. Весь день он ровным счетом ничего не делал, только убивал время. Какова бы ни была цель его приезда на Гренаду, к строительству новой школы она явно не имела никакого отношения. Но ведь почему-то он хотел сделать вид, что приехал сюда по делам.

«К чему весь этот театр?» — подумала Лисбет.

Единственным человеком, от которого Форбс хотел что-то скрыть в связи с этим, была его жена. Он хотел произвести на нее впечатление человека, чрезвычайно занятого целый день. Но почему? Неужели дело пошло плохо и он из гордости не мог признаться в этом? А может быть, он приехал в Гренаду с другой целью? Не ждет ли он здесь кого-нибудь или что-

нибудь?

При проверке электронной почты оказалось, что Лисбет Саландер получила четыре письма на «Хотмейл». Первое было от Чумы и отправлено примерно через час после его получения. Сообщение было зашифровано и содержало всего два слова: «Ты жива?» Чума никогда не был склонен к длинным душевным посланиям. Лисбет, впрочем, тоже.

Два следующих письма были отправлены в два часа ночи. Первое из них, тоже от Чумы, содержало зашифрованную информацию о том, что один знакомый по сети по имени Бильбо, живущий в Техасе, клюнул на его запрос. Чума приложил адрес Бильбо и PGP-ключ^[9]. А через несколько минут пришло послание, подписанное Бильбо. Оно было коротким и сообщало о намерении выслать информацию о докторе Форбсе в течение суток.

Последнее письмо, также от Бильбо, было послано поздно вечером. Оно содержало зашифрованный номер банковского счета и FTP-адрес. Лисбет зашла по адресу и нашла zip-файл на 390 килобайт. Она сохранила его и раскрыла. Там была папка, содержащая четыре фотографии плохого качества и пять документов в текстовом формате. На двух фотографиях был снят Форбс, один раз с женой на премьере в театре, а на другой — в церкви, говорящим с кафедры.

Первый из документов был отчетом Бильбо на одиннадцати страницах, второй насчитывал восемьдесят четыре страницы и содержал материал, скачанный из Интернета. Следующие два документа содержали сканированные вырезки из местной газеты «Остин америкэн стейтмент», а последний представлял собой обзор деятельности общины Форбса. Название общины было «Пресвитерианская церковь Южного Остина».

Если не считать Третью Книгу Моисея, которую Лисбет знала вдоль и поперек — в прошлом году у нее были причины штудировать библейский свод законов, — запас ее знаний религиозной истории оставался весьма скромным. Она весьма смутно представляла себе, в чем разница между иудейской, пресвитерианской и католической церковью, хотя еврейская, конечно, должна называться синагогой. «Уж не придется ли входить в тонкости теологии?» — испугалась она сначала. Но потом решила, что ей до лампочки, к какой церкви принадлежит доктор Форбс.

Форбсу, время от времени именуемому преподобным Рихардом Форбсом, было сорок два года. Домашняя страничка церкви Южного Остина информировала, что в церкви семь постоянных служителей. Первым в списке значился преподобный Дункан Клегг, являвшийся, скорее всего, главным богословом церкви. С фотографии смотрел крепкий мужчина с седой копной волос и ухоженной седой бородой.

Рихард Форбс стоял в списке третьим и отвечал за вопросы образования. Рядом с именем в скобках стояло «Фонд святой воды».

Лисбет прочитала вступительную часть церковного обращения:

«Через молитву и благодарение мы будем служить прихожанам Юного Остина, чтобы укоренять стабильность, богословие и идеологию надежды, которые ставит во главу угла Пресвитерианская церковь Америки. Слуги Христовы, мы даем приют страждущим и надежду на прощение через молитву и баптистское благословение. Возрадуемся любви Господа! Долг наш в том, чтобы устранить преграды между людьми, разрушить препятствия на пути любви Господней!»

Непосредственно после вступления указывался номер банковского счета церкви и содержался призыв претворить любовь к Богу в благодеяния.

Бильбо предоставил Лисбет короткую, но прекрасно написанную биографию Рихарда

Форбса. Она узнала, что тот родом из Сидарс-Блафф, Невада, работал в сельском хозяйстве, был коммерсантом, завхозом в школе, корреспондентом местной газеты в Нью-Мехико и менеджером христианского рок-ансамбля. В тридцать один год он примкнул к церкви Южного Остина. У него было законченное образование ревизора и незаконченное — архитектора. Никаких следов формально полученного звания доктора Бильбо не отыскал.

Джеральдина Найт была прихожанкой той же церкви и единственной дочерью владельца ранчо Уильяма Найта, одного из тех, кто задавал тон в той церкви Южного Остина. Рихард и Джеральдина поженились в 1997 году, и с тех пор церковная карьера Форбса быстро пошла вверх. Он возглавил фонд Девы Марии, ставивший целью «вкладывать божьи деньги в образовательные проекты для нуждающихся».

Форбса арестовывали дважды. Первый раз, в 1987 году, когда ему было двадцать пять лет, он обвинялся в причинении тяжелых телесных повреждений, нанесенных во время автомобильной аварии. Но суд его оправдал. Судя по газетным вырезкам, Форбс и впрямь был не виноват. В 1995 году он обвинялся в присвоении денег христианской рок-группы, менеджером которой являлся. Но его оправдали и на этот раз.

В Остине Форбс стал весомой фигурой, членом городского совета по образованию. Кроме того, он был членом демократической партии, активно участвовал в благотворительных мероприятиях и собирал средства для оплаты школьного обучения детей из малоимущих семей. В частности, церковь Южного Остина уделяла большое внимание поддержке испаноговорящих семей.

В 2001 году против Форбса выдвигались обвинения в экономических нарушениях, связанных с деятельностью фонда Девы Марии. Согласно одной из газетных статей, Форбс подозревался в том, что вложил в прибыльные фонды бóльшую часть поступлений, чем это позволялось уставом. Церковь выступила с опровержением этих обвинений, а пастор Клефт твердо встал на сторону Форбса в последовавших дебатах. Официальное обвинение предъявлено не было, а ревизия никаких замечаний не сделала.

Особенно вдумчиво Лисбет изучила отчет о личных доходах Форбса. Его годовой доход составлял шестьдесят тысяч долларов, это была его зарплата. Других источников дохода у него лично не имелось. Финансовую стабильность в семье гарантировала Джеральдина Форбс. В 2002 году умер ее отец, и она стала единственной наследницей состояния в почти сорок миллионов долларов. Детей у нее с мужем не было.

Из этого можно было заключить, что Рихард Форбс зависел от своей супруги. Лисбет нахмурила бровь. Каковы же тогда мотивы избиения жены?

Лисбет зашла в Интернет и послала Бильбо лаконичное зашифрованное послание, поблагодарив за материалы, а также перевела пятьсот долларов на указанный им счет.

Она вышла на балкон и прислонилась к перилам. Солнце склонялось к горизонту. Поднявшийся ветер шелестел кронами пальм, росших вдоль стены вокруг отеля. Гренада лежала на периферии следования «Матильды». Лисбет последовала совету Эллы Кармайкл и уложила компьютер, «Границы математики», смену одежды и разные мелочи в нейлоновую сумку, а потом поставила ее на полу у кровати. Затем спустилась в бар и заказала на ужин рыбу и бутылку «Кариба».

Ничего примечательного Лисбет не увидела, кроме доктора Форбса, одетого в светлую футболку, шорты и спортивную обувь. Тот задавал Элле Кармайкл вопросы о «Матильде», стоя у бара. Судя по всему, он не тревожился. На шее у него висел крестик на золотой цепочке, а сам он выглядел бодро и привлекательно.

В результате целого дня унылого хождения по Сент-Джорджесу Лисбет Саландер была совершенно вымотана и поэтому после ужина решила чуть-чуть пройтись. Но дуло так сильно и настолько похолодало, что она вернулась к себе в номер и улеглась в постель уже около девяти вечера. За окном бушевал ветер. Лисбет хотела немного почитать, но почти сразу же заснула.

Проснувшись она от сильного грохота. Бросив взгляд на наручные часы, увидела, что сейчас четверть двенадцатого. Вылезла из постели и открыла балконную дверь. Ее встретил такой порыв ветра, что она отступила на шаг назад. Держась за дверной косяк, осторожно выдвинулась вперед и огляделась.

Висящие вокруг бассейна лампы раскачивались на ветру, порождая беспокойные тени, мечущиеся по саду. В проеме ворот Лисбет увидела несколько проснувшихся постояльцев, уставившихся в сторону пляжа. Другие сгрудились возле бара. На севере виднелись огни Сент-Джорджеса. Небо затянуло тучами, но дождя не было. Шум волн невидимого в темноте моря доносился намного громче, чем обычно. Заметно похолодало. Впервые с тех пор, как Лисбет оказалась на Карибах, ее охватила дрожь.

Она все еще стояла на балконе, когда кто-то громко постучал ей в дверь. Лисбет завернулась в простыню и открыла. Фредди Мак-Бейн выглядел озабоченным.

— Извините за беспокойство, но, похоже, приближается шторм.

— «Матильда»?

— «Матильда», — подтвердил он. — Ранним вечером она свирепствовала над Тобаго, и мы получили сообщение о больших разрушениях.

Лисбет пошарила в закромах своих познаний по географии и метеорологии. Тринидад и Тобаго находились примерно в двухстах километрах к юго-востоку от Гренады. Тропический ураган может без труда покрыть площадь радиусом сто километров, а центр его — перемещаться со скоростью тридцать-сорок километров в час. Значит, в данный момент «Матильда» стояла у дверей Гренады и могла постучаться в любую минуту. Все зависело от того, в какую сторону она движется.

— Непосредственной опасности нет, — продолжал Мак-Бейн, — но лучше подстраховаться. Я хочу, чтобы вы собрали самые ценные вещи в сумку и спустились вниз, к стойке регистратора. Можете рассчитывать на кофе и бутерброды за счет отеля.

Лисбет последовала его совету. Она ополоснула лицо, чтобы сбросить остатки сна, надела джинсы, ботинки и фланелевую рубашку, а через плечо перекинула нейлоновую сумку. Прежде чем выйти из номера, подошла к ванной комнате, открыла дверь и зажгла свет. Зеленой ящерицы не было видно — наверное, забилась в какую-то щелку. Вот умница.

В баре Лисбет поплелась к своему обычному месту и оттуда наблюдала, как Элла Кармайкл приказывает персоналу наполнять термосы горячим питьем. Немного спустя она подошла к Лисбет.

— Привет. Недавно проснулась?

— Да, я спала. А что теперь будет?

— Посмотрим. На море шторм, и мы получим предупреждение об урагане из Тринидада. Если будет хуже и «Матильда» пойдет в нашу сторону, спустимся в подвал. Ты не сможешь?

— А что надо делать?

— В подсобке администраторов лежат сто пятьдесят одеял, их нужно снести в подвал. И

вообще нужно убрать много всякой всячины.

Все последующее время Лисбет помогала носить одеяла в подвал, собирать цветочные горшки, столики, стулья и прочие мелочи вокруг бассейна. Когда Элла сказала «хватит» и отпустила ее, Лисбет прошла к пляжу, встала в проеме ограды и вгляделась во тьму. Море грозно шумело, а порывы ветра хлестали столь яростно, что ей пришлось упереться ногами, чтобы удержаться. Пальмы вдоль ограды бешено раскачивались.

Лисбет вернулась в гостиницу, заказала в баре кофе с молоком и села у стойки. Полночь уже наступила. На лицах постояльцев отеля и персонала было написано беспокойство. Сидящие за столиками обменивались приглушенными репликами, время от времени всматриваясь в происходившее за окнами. Всего в отеле «Киз» в ту ночь было тридцать два постояльца и несколько человек обслуживающего персонала. Лисбет обратила внимание, что за дальним столиком с бокалом в руке сидит Джеральдина Форбс и на лице у нее застыло напряженное выражение, но мужа ее не было видно.

Лисбет, попивая кофе, только начала раздумывать о теореме Ферма, как Фредди Мак-Бейн вышел из конторки и встал в центре холла.

— Внимание! Я только что получил сообщение, что шторм ураганной силы приблизился к острову Пти-Мартиника. Прошу всех незамедлительно спуститься в подвал.

Пресекая любые попытки задать вопрос или вступить в разговор, Мак-Бейн направлял присутствующих к лестнице, расположенной за стойкой администратора и ведущей в подвал. Пти-Мартиника была небольшим островком, относящимся к Гренаде и находящимся в нескольких морских милях от главного острова страны. Лисбет исподтишка наблюдала за Эллой Кармайкл и наострила уши, когда та подошла к Фредди.

— Ну, что, плохо дело? — спросила Элла.

— Не знаю. Телефонная связь нарушена, — приглушенным голосом ответил Мак-Бейн.

Лисбет спустилась в подвал и положила сумку на одеяло в углу. На секунду задумалась, а потом пошла наверх, против потока спускающихся людей. Она увидела Эллу Кармайкл и спросила, не нужна ли еще помощь. Элла покачала головой. Лицо ее выражало тревогу.

— Посмотрим, что там еще выкинет эта стерва «Матильда», — сказала она.

С улицы торопливо зашли в холл пятеро взрослых с десятком детей. Фредди Мак-Бейн принял их и направил в подвал.

Вдруг Лисбет пришла в голову тревожная мысль.

— Как вы думаете, сейчас все на острове прячутся в подвалы? — спросила она.

Элла Кармайкл проводила взглядом семейство, спускавшееся вниз.

— На Гранд Анс прискорбно мало подвалов, наш — один из немногих. Надо ожидать, что к нам еще подойдут люди — прятаться.

Лисбет пристально взглянула на Эллу:

— А как же другие?

— У кого нет подвала? — с горечью переспросила Элла. — Забаррикадируются у себя дома или поищут какое-нибудь укрытие — и будут уповать на Бога.

Лисбет развернулась, пересекла холл и выбежала наружу.

«Джордж Бленд! — мелькнуло у нее в голове; она слышала, как Элла кричит ей вслед, но не остановилась. — Он живет в захудалой лачуге, которая рассыплется к чертям собачьим от первого же порыва урагана».

Только она вышла на дорогу из Сент-Джорджеса, как зашаталась от ветра, с силой навалившегося на ее тело, но упрямо зашагала вперед. Порывы встречного ветра заставляли

ее сгибаться. Почти десять минут ушло на то, чтобы пройти четыреста метров до хижины Джорджа Бленда. По дороге она не увидела ни души.

Вдруг полил ледяной дождь, хлынул, как из шланга. В этот момент Лисбет уже сворачивала к развалюхе Джорджа. Сквозь щель в окне тускло светила керосиновая лампа. Буквально за секунду девушка промокла до нитки, а видимость понизилась до нескольких метров. Лисбет забарабанила в дверь. Джордж Бленд открыл ее, вытаращив на нее глаза.

— Ты зачем пришла? — заорал он, пытаясь перекрыть ветер.

— Пошли. К нам в отель. Там есть подвал.

Джордж потрясенно глядел на нее. Дверь вдруг захлопнулась от порыва ветра, и он несколько секунд пытался отжать ее от косяка. Лисбет схватила парня за рубашку и потянула на себя. Затем отерла воду с лица, мертвой хваткой вцепилась в его ладонь и побежала.

Обратный путь они выбрали по пляжу — это метров на сто короче, чем по шоссе, которое здесь загибалось дугой, уходя от воды. Где-то на полдороге Лисбет поняла, что это, вероятно, было ошибкой — на пляже вообще не было укрытия. Удары ветра и дождя были такой силы, что им пришлось несколько раз останавливаться. В воздух поднялись обломанные ветки и песок, слышался жуткий грохот. Похоже, прошла целая вечность, пока Лисбет наконец увидела ограду гостиницы и прибавила шагу. Было уже рукой подать до ворот и долгожданной безопасности, когда она оглянулась через плечо в сторону пляжа и остолбенела.

Сквозь пелену дождя Лисбет вдруг разглядела две фигуры метрах в пятидесяти на пляже. Джордж Бленд тянул ее за руку — быстрее в ворота, — но она выдернула руку и прислонилась к ограде, пытаясь получше всмотреться. На секунду пара исчезла из вида, скрытая дождем, но вдруг небо ярко осветила молния.

Теперь уже она знала, что это Рихард и Джеральдина Форбс. Они были примерно на том месте, где она видела прошлым вечером расхаживавшего взад-вперед Рихарда Форбса.

Когда молния вновь вспыхнула, она увидела, как Форбс тащит за собой изо всех сил упирающуюся жену.

Тут все куски головоломки легли на свои места. Финансовая зависимость, обвинения в экономических злоупотреблениях в Остине, его безостановочное хождение по городу и погруженное в мысли сидение в «Черепашьем панцире»...

«Он задумал убить ее. Сорок миллионов на кону. Ураган — его прикрытие. И сейчас у него отличный шанс», — пронеслось у нее в голове.

Лисбет Саландер пихнула Джорджа Бленда в ворота отеля, оглянулась вокруг и увидела полосатый пляжный стул, на котором обычно сидел ночной сторож. Этот стул забыли убрать перед штормом. Она схватила его, с силой ударила по ограде и вооружилась оставшейся в руках ножкой. Изумленный Джордж кричал ей вдогонку, когда она помчалась к пляжу.

Ураганный ветер валил Лисбет с ног, но она держалась, шаг за шагом продвигаясь вперед. Она уже почти добралась до Форбсов, когда в блеске очередной молнии увидела пляж и Джеральдину на коленях у кромки воды. Рихард Форбс навис над нею, рука его была занесена для удара чем-то вроде железного прута. Лисбет видела, как этот прут, описав дугу, обрушился на голову женщины и та перестала барахтаться.

Рихард Форбс так и не успел увидеть Лисбет Саландер. Она засадила ему ножкой стула по затылку, и он повалился ничком.

Нагнувшись, Лисбет ухватила Джеральдину и перевернула ее на спину. Струи дождя хлестали не переставая. Лисбет вдруг увидела кровь у себя на руках — у Джеральдины

Форбс была глубокая рана на виске. Тело ее было таким тяжелым, словно налитое свинцом, и Лисбет, оглядевшись безысходным взглядом, стала прикидывать, как ей дотащить это тело до ограды отеля. И тут рядом возник Джордж Бленд. Он что-то крикнул, но Лисбет не расслышала из-за шума ветра.

Она покосилась на Рихарда Форбса, стоявшего к ней спиной на четвереньках. Забросив левую руку Джеральдины вокруг своей шеи, сделала знак Джорджу проделать то же самое с правой рукой женщины, и они поволокли тело по пляжу.

На полпути к гостинице Лисбет почувствовала себя вконец вымотанной, будто силы полностью ее оставили. И тут она вдруг очнулась, ощутив, как ее схватили за плечо. Освободившись от Джеральдины, она развернулась и с силой пнула Рихарда Форбса в промежность. Тот рухнул на колени, и Лисбет, разбежавшись, врезала ему ногой в лицо. Тут она поймала испуганный взгляд Джорджа. Не тратя на него времени, вновь подхватила Джеральдину и потащила ее дальше.

Чуть погодя, оглянувшись назад, Лисбет увидела, как Рихард Форбс плетется сзади шагах в десяти, шатаясь, как пьяный, под шквальным ветром.

Еще одна молния расколола небо, и Лисбет выпучила глаза. Впервые в жизни она почувствовала, что парализована страхом.

За спиной Рихарда Форбса, в ста метрах от берега, над водой высвечивался перст Божий.

В блеске молнии, как на моментальном снимке, возник угольно-черный столб и тут же исчез из поля зрения, взмыв вверх.

«Матильда!»

Быть этого не может!

Ураган — да.

Но торнадо — немыслимо!

Гренада никогда не была в зоне торнадо.

Бредовый шторм в месте, где торнадо не должны проходить.

Торнадо не формируются над водой.

Это против законов природы.

Это что-то невиданное.

Уж не за ней ли оно было послано?

Джордж Бленд тоже увидел торнадо. Они в один голос прокричали друг другу: «Скорей!», но понять, что крикнул другой, были не в состоянии.

Вот уже двадцать метров до ограды. Десять. Лисбет споткнулась и рухнула на колени. Пять. В воротах, бросив последний взгляд через плечо, она увидела, как силуэт Рихарда Форбса исчезает в воде, как будто втянутый невидимой рукой. Совместными усилиями они с Джорджем Блендом втащили Джеральдину в ворота ограды. Когда они, едва волоча ноги, передвигались через задний двор, Лисбет услышала звон разбившихся оконных стекол и жалобный скрип погнутого листового железа. Оторвавшаяся доска пролетела перед самым ее носом. В следующую секунду она ощутила болезненный удар в спину. Напор ветра ослаб, только когда они были у самого входа в вестибюль.

Лисбет придержала Джорджа Бленда, схватив его за ворот, и, пригнув его голову, крикнула ему прямо в ухо:

— Мы нашли ее на пляже. Мужа не видели. Понял?

Он кивнул.

Они протащили Джеральдину Форбс по лестнице вниз, и Лисбет ногой постучала в

дверь подвала. Открывший дверь Фредди Мак-Бейн недоуменно уставился на них, затем подхватил их ношу и, впустив, захлопнул за ними дверь.

В один миг рев урагана стих, и вместо невыносимого грохота в подвале были слышны лишь постукивание и приглушенный шорох. Лисбет с облегчением вздохнула.

Элла Кармайкл налила Лисбет кружку кофе, но та чувствовала себя такой изможденной, что была не в состоянии поднять руку. Она сидела на полу, обмякнув и прислонившись к стене. Кто-то закутал Джорджа Бленда в одеяло. Лисбет вымокла до нитки, из раны под коленкой сильно текла кровь. На джинсах зияла десятисантиметровая дыра, но откуда она взялась, память не сохранила. Безучастным взглядом девушка наблюдала, как Фредди Мак-Бейн и кто-то из постояльцев занимались Джеральдиной Форбс, накладывая повязку ей на голову. До Лисбет долетали обрывки слов, и она поняла, что среди присутствующих есть врач. Отметила, что подвал набит битком и что, кроме гостей отеля, здесь много посторонних.

Наконец Фредди Мак-Бейн подошел к Лисбет и присел на корточки.

— Она будет жить.

Лисбет не отреагировала.

— Что с ней случилось? — спросил он.

— Мы нашли ее на пляже.

— Когда я пересчитал здесь постояльцев гостиницы, не хватало троих — тебя и супругов Форбс. Элла сказала, что ты выскочила как ненормальная, как раз когда начался шторм.

— Я побежала за своим другом Джорджем, — объяснила Лисбет и кивнула в сторону молодого человека. — Он живет в лачуге неподалеку, но от нее, вероятно, ничего не осталось.

— Это, конечно, смело, хотя и безрассудно, — заметил Фредди Мак-Бейн и покосился на Джорджа Бленда. — А ее мужа, Рихарда Форбса, вы не видели?

— Нет, — безучастно ответила Лисбет. Джордж взглянул на нее и тоже покачал головой.

Элла Кармайкл склонила голову к плечу и пристально взглянула на Лисбет, но та не отвела безучастного взгляда.

Джеральдина Форбс пришла в сознание в три часа ночи. В это время Лисбет уже спала, прислонившись к плечу Джорджа Бленда.

Каким-то чудом Гренада уцелела в эту ночь. Ураган затих к рассвету, переродившись в проливной дождь, самый ужасный, какой Лисбет когда-либо довелось видеть.

Фредди Мак-Бейн выпустил всех из подвала.

Гостинице «Киз» требовался основательный ремонт: как и всё на побережье, она подверглась страшным разрушениям. Бар Эллы Кармайкл возле открытого бассейна исчез без следа, так же как и одна из веранд. По всему фасаду зияли пустые окна, а крыша над выдвинутым крылом гостиницы была погнута. В вестибюле валялись кучи хлама.

Прихватив Джорджа Бленда, Лисбет заковыляла к себе в комнату, где занавесила пустой оконный проем одеялом, чтобы уберечься от дождя. Джордж перехватил ее взгляд.

— К нам будет меньше вопросов, если мы не видели ее мужа, — сказала она, не вдаваясь в обсуждения.

Джордж кивнул. Лисбет стянула с себя одежду и бросила ее кучей на полу, а потом

похлопала ладонью по краю кровати. Он понял, снова кивнул, потом разделся и проскользнул к ней под одеяло.

Лисбет проснулась днем, когда солнце уже светило сквозь просветы в тучах. Боль чувствовалась в каждой частичке тела, а колено так распухло, что почти не сгибалось. Она выкарабкалась из постели, встала под душ и поискала глазами зеленую ящерицу. Та уже вернулась обратно. Натянув шорты и майку, Лисбет, прихрамывая, вышла из комнаты, не будя Джорджа.

Элла Кармайкл была все еще на ногах. Выглядела она очень уставшей, но бар уже открыла, устроив его в вестибюле. Лисбет села за столик рядом со стойкой, заказала кофе и бутерброд. Покосившись на окно с выбитыми стеклами рядом со входом, увидела подъехавшую полицейскую машину. Только она получила кофе, как из своей конторы появился Фредди Мак-Бейн, а вслед за ним полицейский в форме. Заметив ее, Мак-Бейн что-то обронил полицейскому, и они направились к столику Лисбет.

— Это констебль Фергюсон. Он хочет задать вам несколько вопросов.

Лисбет вежливо кивнула. Констебль выглядел усталым. Вынув блокнот и ручку, он записал имя и фамилию Лисбет.

— Мисс Саландер, мне сообщили, что вы и ваш друг нашли миссис Форбс ночью во время урагана.

Лисбет кивнула.

— Где вы нашли ее?

— На пляже, как только выйдешь из ограды, — ответила Лисбет. — Мы прямо-таки наткнулись на нее.

Фергюсон записал ее слова.

— Она что-нибудь сказала вам?

Лисбет только покачала головой.

— Она была без сознания?

На этот раз Лисбет кивнула.

— У нее глубокая рана на голове, — заметил констебль.

Лисбет снова кивнула.

— Вы не знаете причину происхождения этой раны?

Лисбет покачала головой. Фергюсон казался несколько разочарованным скудностью ее реплик.

— В воздухе носилось видимо-невидимо разных обломков, — произнесла она, стараясь помочь. — Я сама чуть не получила планкой по голове.

Фергюсон кивнул, соглашаясь.

— Вы повредили ногу? — спросил он, показывая пальцем на повязку. — Как это случилось?

— Не знаю. Я увидела рану, только спустившись в подвал.

— Вы были вместе с молодым человеком.

— Да, с Джорджем Блендом.

— Где он живет?

— В лачуге за «Кокосовым орехом», это по дороге на аэропорт. То есть живет, если она еще стоит на месте.

Лисбет решила не уточнять, что в данный момент Джордж Бленд спит в ее постели этажом выше.

— А вы видели ее супруга, Рихарда Форбса?

Лисбет покачала головой.

Казалось, констеблю Фергюсону не приходило в голову больше вопросов, и он захлопнул блокнот.

— Спасибо, мисс Саландер. Я должен написать рапорт о летальном случае.

— Так она умерла?

— Миссис Форбс? Нет, она в больнице в Сент-Джорджесе. Вероятно, свою жизнь она обязана вам и вашему другу. Умер ее муж. Его нашли на автостоянке у аэропорта два часа тому назад.

Это примерно шестьсот метров к югу от гостиницы.

— Он был в плачевном состоянии, — пояснил Фергюсон.

— Печально, — заметила Лисбет, не выказывая ни малейших признаков потрясения.

Когда Мак-Бейн и констебль Фергюсон ушли, появилась Элла Кармайкл и под села за столик Лисбет. Она поставила две рюмки с ромом и увидела вопросительный взгляд Лисбет.

— После такой ночи следует подзаправиться. Я угощаю, и завтраком тоже.

Женщины обменялись взглядами, подняли рюмки и чокнулись.

«Матильде» надолго суждено было стать объектом научных исследований и дискуссий метеорологов стран Карибского моря и США. Торнадо такого масштаба, которое сопровождало «Матильду», были неизвестны в этом регионе. Теоретически считалось невозможным, чтобы торнадо могло сформироваться над поверхностью воды. Постепенно эксперты пришли к единодушному мнению, что необычное нагромождение и столкновение погодных фронтов привело к возникновению «псевдоторнадо» — не настоящего торнадо, а его подобия. Инакомыслящие выдвигали теории, базирующиеся на парниковом эффекте и нарушенном экологическом балансе.

Теоретические дискуссии Лисбет Саландер не увлекали. Она помнила то, что видела, и решила в будущем по возможности избегать братьев и сестер «Матильды».

В ту ночь несколько человек получили повреждения, но, как ни удивительно, погиб лишь один.

Постояльцы отеля терялись в догадках, что могло заставить Рихарда Форбса покинуть гостиницу в самый разгар урагана. Вероятнее всего, это было очередным проявлением беспечности, столь свойственной американским туристам. Джеральдина Форбс была не в состоянии пролить свет на случившееся. В результате тяжелого сотрясения мозга у нее остались лишь бессвязные воспоминания о событиях той ночи.

При всем при том она стала безутешной вдовой.

Часть 2

From Russia with Love

10 января — 23 марта

Обычно уравнение содержит одно или несколько так называемых неизвестных, часто обозначаемых буквами x , y , z . Значения этих неизвестных, при которых обе части уравнения тождественно равны, называют решениями уравнения или говорят, что они удовлетворяют уравнению.

Пример: уравнение $3x + 4 = 6x - 2$ имеет решение $x = 2$.

Понедельник, 10 января — вторник, 11 января

Лисбет Саландер приземлилась в аэропорту Арланда в половине седьмого утра. Поездка длилась уже двадцать шесть часов, девять из которых пришлось просидеть в аэропорту Грэнтли Адамс на Барабадосе. «Бритиш эруэйз» не разрешали вылета самолету, в котором сидела Лисбет, пока не была предотвращена потенциальная угроза террористического акта и пассажир с арабской внешностью не был эскортирован для допроса. Прилетев в лондонский аэропорт Гатвик, она узнала, что последний в тот день самолет на Швецию уже в воздухе. Ей поменяли билет на самолет, вылетающий следующим утром, и девушке снова пришлось ждать несколько часов.

Лисбет чувствовала себя как мешок бананов, перележавших на солнце. Ничего, кроме ручного багажа с ноутбуком, «Границами математики» и уграмбованной одеждой, у нее не было. Беспрепятственно пройдя «зеленый коридор» таможни, она вышла к автобусам и сразу почувствовала себя дома — об этом напомнило снежное месиво под ногами.

В нерешительности Лисбет задумалась на секунду. Всю жизнь она должна была довольствоваться самым дешевым и до сих пор не могла привыкнуть к мысли, что у нее есть почти три миллиарда крон. Она присвоила их способом, комбинирующим интернет-грабеж со старым добрым мошенничеством. Минутой позже Лисбет решила пренебречь своими старыми правилами и взяла такси. Сообщив таксисту адрес на Лундагатан, она чуть ли не сразу заснула на заднем сиденье.

Едва такси остановилось на Лундагатан и шофер похлопал ее по плечу, Лисбет поняла, что дала ему неверный адрес. Исправив ошибку, она сказала ему ехать дальше, на Гётгатсбакен. Оставив таксисту хорошие чаевые в американских долларах, вышла из машины и попала ногой прямо в лужу у водосточного люка. Лисбет была одета в джинсы, майку и тонкую курточку, на ногах — сандалии и носочки. Она доплелась до «Севен-илевен»^[10], купила шампунь, зубную пасту, мыло, молоко, сыр, яйца, хлеб, замороженные булочки с корицей, кофе, липтоновский чай в пакетиках, маринованные огурцы, яблоки, большую упаковку полуфабриката пиццы и блок сигарет «Мальборо лайт», расплатившись карточкой «Виза».

Выйдя на улицу, Лисбет заколебалась, какой дорогой идти домой. Она могла пойти вверх по Свартенсгатан или выбрать Хёкенсгатан в сторону Шлюза. Недостатком Хёкенсгатан было то, что на ней располагалась редакция «Миллениума», стало быть, велик риск встретиться лицом к лицу с Микаэлем Блумквистом. Наконец Лисбет решила не ходить в обход только ради того, чтобы не встретиться с ним. Она поспешно направилась в сторону Шлюза, хотя вообще-то этот путь был чуть длиннее, а потом свернула направо и по Хёкенсгатану дошла до площади Мосебакке. Пройдя наискосок мимо статуи Сестер у «Южного театра», она поднялась по ступенькам к Фискаргатан. Там остановилась и невесело взглянула на дом. Но ощущения «вот я и дома» у нее не возникло.

Она оглянулась по сторонам. Это был тихий закоулок в центре Сёдермальма, одного из самых престижных районов Стокгольма. Здесь не было широких проезжих улиц, что ее очень устраивало. Здесь было легко следить за тем, что делается в округе. Летом эта улица являлась популярным местом прогулок, но зимой по ней ходили лишь те, кто жил здесь или кого приводили сюда дела. Обычно тут не было ни души, а главное — никого, кого она бы

знала или кто мог знать ее. Лисбет поставила пакет с покупками прямо в снежную слякоть и поискала ключи. Затем доехала на лифте до последнего этажа и открыла дверь с табличкой «В. Кюлла».

Одной из первых забот Лисбет, когда она стала обладательницей большой суммы денег и тем самым обеспечила себе финансовую независимость на всю оставшуюся жизнь (или пока не подойдут к концу три миллиарда крон), было найти себе подходящее жилье. Квартирные дела стали для нее совершенно новым опытом. Никогда раньше ей не приходилось вкладывать деньги во что-то большее, чем отдельные потребительские товары, за которые она платила наличными или в рассрочку, если та была необременительна. Наибольшие затраты в ее «бухгалтерии» относились к разного рода компьютерам и легкому мотоциклу «Кавасаки». Последний она купила по бросовой цене — за семь тысяч крон. Почти столько же выложила за запчасти, а затем потратила несколько месяцев на то, чтобы полностью перебрать его и привести в порядок. Ей хотелось бы иметь машину, но она не решалась на подобную покупку, так как не знала, как собрать такие деньги.

Войдя в подробности, Лисбет осознала, что покупка квартиры — дело намного более сложное. Сначала она просматривала объявления о продаже квартир в газете «Дагенс нюхетер», выложенной в Сети, но вскоре поняла, что даже это для нее — китайская грамота.

Объявления содержали совершенно непостижимые обозначения и сокращения, так что Лисбет, почесав в затылке, решила позвонить по нескольким объявлениям, даже не зная, как и о чем расспрашивать. Вскоре она осознала, что это полная глупость, и прекратила свои попытки. Следуя новой тактике, в первое воскресенье января Лисбет посетила две квартиры, где был день открытых дверей. Одна располагалась на острове Реймерсхольм, на улице Виндрагавеген, а вторая находилась на улице Хеленеборгсгатан, в районе Хорнстюль. Первая квартира оказалась четырехкомнатной, светлой, в здании, выходящем на Лонгхольмен и Эссинген. Пожалуй, она бы ей подошла. Вторая, на Хеленеборгсгате, оказалась просто убогой каморкой с видом на соседний дом.

Проблема была в том, что Лисбет сама не знала, где хочет жить, как должна выглядеть квартира и какие требования она может предъявлять при покупке. Никогда раньше Лисбет не задумывалась о жилье лучше, чем ее сорок семь «квадратов» на Лундагатан, где она провела детство и на которую стараниями Хольгера Пальмгрена получила права собственности по исполнению восемнадцати лет. Приземлившись на продавленный диван в комнате, совмещавшей функции гостиной и кабинета, Лисбет задумалась.

Квартира на Лундагатан выходила окнами во двор, была тесной и безрадостной. К тому же из окна спальни была видна лишь пожарная лестница на торцевой стене другого дома. Окна кухни смотрели на заднюю часть соседнего дома, стоящего фасадом на улицу, и на вход в подвал. Оставалась гостиная, из которой можно было рассмотреть уличный фонарь и несколько веток березы.

Поэтому первым ее требованием к будущему жилью стало наличие привлекательного вида.

Ей не хватало балкона: она всегда завидовала более состоятельным соседям с верхнего этажа, которые имели возможность в жаркие летние дни посидеть под маркизой на балконе, попивая холодное пиво. Итак, вторым требованием к новому жилью стал балкон.

Как же должна выглядеть квартира? Лисбет вспомнилось жилье Микаэля Блумквиста на Беллмансгатан. Перестроенная мансарда представляла собой единую большую комнату площадью шестьдесят пять квадратных метров с видом на Ратушу и Шлюз. Там было

бесподобно. Ей хотелось иметь уютную, не захламленную мебелью квартиру, которую было бы легко убирать. Это стало ее третьим требованием.

Лисбет годами жила в тесноте. В кухне площадью десять квадратных метров хватало места лишь на кухонный стол и два стула. Гостиная была размером двадцать квадратных метров, а спальня — двенадцать. Ее четвертым требованием стала просторность квартиры и множество встроенных гардеробов. Еще желательно иметь впечатляющий кабинет и большую спальню, чтобы было где развернуться.

Ее нынешняя ванная комната представляла собой конуру без окон, с полом, выложенным дешевой серой плиткой, с малоудобной сидячей ванной и обоями из пластика, которые никогда не выглядели чистыми, сколько их ни скреби. Ей хотелось кругом кафель и большую ванну и чтобы в ванной приятно пахло и работала вентиляция. А еще хорошо бы, чтобы стиральная машина стояла в квартире, а не в занюханном подвале для общего пользования жильцами подъезда.

Итак, поразмыслив, Лисбет зашла в Интернет и посмотрела список контор, предлагавших услуги маклеров по недвижимости. Встав пораньше на следующий день, она направилась в контору агентства «Нобель», считавшегося многими лучшим в Стокгольме. Одета в потертые черные джинсы, грубые сапоги и черную кожаную куртку, она остановилась у одной из стоек и сначала рассеянно наблюдала за тридцатипятилетней блондинкой, выкладывавшей снимки квартир на домашней страничке «Нобель». Наконец к ней подошел толстячок лет сорока с поредевшими рыжеватыми волосами. Когда она спросила, какие квартиры есть у них в наличии, он на секунду недоуменно уставился на нее, а затем произнес тоном доброго дядюшки:

— А что, милая барышня, ваши родители знают о вашем намерении покинуть отчий кров?

Лисбет смерила его холодным взглядом, пока он не закончил хихикать, и выразилась более четко:

— Мне нужна квартира.

Он кашлянул и покосился на свою коллегу.

— Я понимаю. И какого же типа?

— Мне нужна квартира в районе Сёдер, с балконом, видом на воду, не менее четырех комнат, ванная желательно с окном, и еще нужно место для стиральной машины. Кроме того, необходимо помещение для мотоцикла с замком в двери.

Женщина за компьютером прервала свою работу и, повернув голову, с любопытством уставилась на Лисбет.

— Мотоцикл? — переспросил рыжеволосый толстяк.

Лисбет Саландер кивнула.

— Простите, — запинаясь, начал мужчина, — а как вас зовут?

Лисбет представилась и тоже спросила его имя. Оказалось, Иоаким Перссон.

— Тут вот какое дело, квартира в Стокгольме чего-то да сто́ит, — продолжил он.

Эту реплику Лисбет оставила без внимания — она ведь спросила, какие у них предлагаются квартиры, а напоминание, что они стоят денег, вообще излишне и неуместно.

— А кем вы работаете?

Лисбет на секунду задумалась. Формально она единоличный предприниматель, а фактически она работала только у Драгана Арманского в «Милтон секьюрити», да и то в последний год совершенно нерегулярно, а последние три месяца вообще ничем у него не

была занята.

— Сейчас у меня нет определенной работы, — начистоту ответила она.

— Та-ак... наверное, ходишь в школу?

— Нет, не хожу.

Иоаким Перссон обогнул стойку, за которой стоял, дружелюбно обхватил Лисбет за плечи и учтиво повернул к двери на выход.

— Вот что, юная дама: милости просим к нам через несколько лет, но тогда тебе нужно иметь в распоряжении немного больше денег, чем помещается в свинье-копилке. Тут, видишь ли, карманных денег не хватит, — пояснил он и добродушно ущипнул ее за щеку. — Так что возвращайся когда-нибудь, мы и тебе квартирку подыщем.

Лисбет Саландер постояла на улице перед агентством «Нобель» несколько минут, задумчиво прикидывая, как понравилось бы этому Иоакиму Перссону, если бы ему в витрину засадили бутылку с коктейлем Молотова. Потом пошла домой и включила компьютер.

Десять минут спустя она уже зашла во внутреннюю сеть агентства «Нобель», используя пароль, который нечаянно увидела, когда женщина за конторкой набирала его перед размещением фотографий. А еще через три минуты обнаружила, что компьютер, на котором работала та дама, в сущности, выполнял работу сервера всего агентства. «Вот дебилы», — подумала Лисбет. Ей понадобилось еще три минуты, чтобы получить доступ ко всем четырнадцати компьютерам, составлявшим локальную сеть. Через два часа, прочесав бухгалтерию Иоакима Перссона, она заключила, что он утаил от налоговой службы почти семьдесят пять тысяч крон черного нала за последние два года.

Скачав все необходимые файлы, она послала их в налоговую службу с анонимного электронного адреса, сервер которого размещался в США. Вслед за тем она раз и навсегда выбросила из головы Иоакима Перссона.

Теперь Лисбет могла посвятить остаток дня изучению реестра элитного жилья, предлагаемого «Нобелем». Самым дорогим оказался небольшой замок около Марнефреда, где у нее не было ни малейшего желания обосноваться. Решив пойти ва-банк, она выбрала следующий по дороговизне объект — шикарную квартиру у площади Мосебакке.

Лисбет долго разглядывала фотографии и планировку. Наконец она пришла к заключению, что квартира на Мосебакке с избытком удовлетворяет всем требованиям ее списка. Раньше квартирой владел один из директоров компании АВВ, но он отошел в тень вскоре после того, как покинул пост и получил отступные чуть ли не в миллиард крон, что привлекло много внимания и вызвало возмущение в средствах массовой информации.

Вечером Лисбет позвонила по телефону Джереми Мак-Миллану, совладельцу адвокатской конторы «Мак-Миллан и Маркс» в Гибралтаре. Ей уже доводилось иметь дело с Мак-Милланом. В свое время он хорошо заработал на том, что основал ряд фиктивных предприятий, открывших счета для того, чтобы заправлять состоянием, которое она увела у финансового олигарха Ханса Эрика Веннерстрёма.

Ей снова понадобились услуги Мак-Миллана. На этот раз она дала ему указание вступить в переговоры с агентством «Нобель» от имени ее предприятия «Уосп энтерпрайзис» о покупке той самой вожеленной квартиры на Фискаргатан у Мосебакке. Переговоры продолжались четыре дня, и от окончательной цены, проставленной в документах, у Лисбет глаза полезли на лоб. Плюс еще пять процентов Мак-Миллану за посредничество. К концу недели Лисбет уже перевезла две картонные коробки с одеждой, постельное белье, матрас и кухонную утварь. Почти три недели она спала на матрасе в новой

квартире, а тем временем искала клинику пластической хирургии и завершала незаконченные дела (включая ночной разговор с адвокатом Нильсом Бьюрманом), а еще платила вперед за жилье, электричество и по другим текущим расходам.

Доведя все дела до конца, Лисбет заказала билет и уехала в клинику в Италии. Закончив лечение и выписавшись из клиники Генуе, она отправилась в Рим, где сидела в своей комнате в отеле и размышляла, что ей делать дальше. Надо бы вернуться в Швецию и как-то устроить свою жизнь, но ей даже думать не хотелось о Стокгольме, и тому было несколько причин.

Во-первых, у нее не было профессии. Никакого будущего в «Милтон секьюрити» она для себя не видела. Вины Драгана Арманского в этом не было: он-то хотел взять ее в штат, ведь она была проверенным и ценным винтиком в структуре его фирмы. Но ей было уже двадцать пять, и ее отнюдь не привлекала перспектива до пятидесяти лет копать в разных данных о жуликах на высоких постах. Это годилось как хобби, а не как жизнедеятельность.

Второй причиной нежелания возвращаться в Стокгольм был Микаэль Блумквист. Так она точно рискует наткнуться на «чертова Калле Блумквиста»^[11], а этого ей хотелось бы в последнюю очередь. Ведь он обидел ее. Следует честно признать, что сделал он это неумышленно. Это был отличный мужик, и ее вина, что она в него «влюбилась». Даже самое это слово звучало как бред собачий, когда оно относилось к этой «чертовой курице Лисбет Саландер».

Микаэль Блумквист имел репутацию дамского угодника. Лисбет была для него милой забавой, к которой он снизошел, когда она была рядом и никого лучше под рукой не оказалось, но кого он быстро выбросил из головы, когда попал в более интересное общество. Она винила саму себя за то, что ослабила самозащиту и впустила его в свою жизнь.

Когда Лисбет опомнилась и взяла себя в руки, все контакты с Микаэлем были прерваны. Не так легко ей это далось, но она держалась железно. В последний раз Лисбет видела его, стоя на перроне в метро на станции «Гамла стан», когда он сидел в вагоне на пути к центру. Она смотрела на него целую минуту и сказала себе, что у нее не осталось ни капли чувств к нему, так как иначе наступил бы конец от полной потери крови. «Пошел ты...» — подумала она. Микаэль заметил ее в тот момент, когда закрывались двери, и непрерывно глядел на нее, пока она не повернулась и не ушла, а поезд все еще не тронулся.

Лисбет не понимала, почему он так упрямо пытается установить с ней контакт, как будто исходил из сугубо общественных побуждений. Она была в бешенстве от того, что он столь недогадлив, и каждый раз, когда она получала от него письма по электронной почте, удаляла их не читая, стиснув зубы.

Итак, Стокгольм ничуть ее не привлекал. Кроме почасовой работы на «Милтон секьюрити», нескольких бывших сексуальных партнеров и участниц рок-группы «Персты дьявола», она никого и ничего не знала во всем родном городе.

Единственным человеком, к которому Лисбет питала уважение, был Драган Арманский. Трудно сказать, какие чувства она испытывала к нему. Ее даже несколько удивляло, что ее к нему немного тянет. Не будь он женатым, таким старым и в придачу консервативным в своих взглядах на общество, она бы, пожалуй, попробовала пойти на сближение.

Подводя черту под размышлениями, Лисбет достала календарь и открыла раздел с картами. Она никогда не была в Австралии и Африке, читала, но не видела пирамид и храма в Ангкор-Ват, не ездила на пароме «Стар ферри» между Коулуном и Викторией в Гонконге, не плавала с маской в Карибском море, не загорала на пляжах в Таиланде. Кроме нескольких

коротких командировок по работе в Прибалтику, соседние скандинавские страны, а еще в Цюрих и Лондон, она за всю жизнь почти никуда не ездила за пределы Швеции.

Лисбет посмотрела в окно своей комнаты. Гостиница находилась на улице Гарибальди. Рим напоминал груды развалин. Она решила, надела куртку, спустилась в вестибюль и спросила у администратора, нет ли недалеко туристического агентства. Потом заказала билет до Тель-Авива в одну сторону и ближайшую ночь провела, бродя по Старому городу в Иерусалиме, прогуливаясь к мечети Аль-Акса и Стене Плача, с недоумением поглядывая на вооруженных солдат на перекрестках.

Затем она вылетела в Бангкок и продолжала путешествовать весь остаток года.

У нее оставалось еще одно дело, в связи с которым она дважды летала в Гибралтар. В первый раз для того, чтобы присмотреться к человеку, которому доверила управление своими финансами, а второй раз — проконтролировать, как он с этим справляется.

Открывать ключом дверь собственной квартиры после долгого отсутствия было как-то не по себе.

Лисбет поставила сумку с продуктами в прихожей и набрала четырехзначный код для отключения сигнализации. Затем стянула с себя всю мокрую одежду и бросила кучей на полу. Зайдя в кухню, включила холодильник и расставила в нем продукты, а потом прошла в ванную, пустила душ и простояла под ним минут десять. Потом, разогрев пиццу в микроволновке, заела ее дольками яблок, раскрыла коробку и достала подушку, простыню и одеяло, от которых слегка пахло после года хранения в нераспакованном виде, и постелила себе на матрасе в комнате, смежной с кухней.

Прислонив голову к подушке, Лисбет почти тотчас заснула и проспала почти двенадцать часов, до полуночи. Проснувшись, она включила кофеварку, обмоталась одеялом и, подложив подушку, уселась на подоконнике. Затянувшись сигаретой, устремила взгляд к Юргордену и Сальтшё. Зачарованная огнями и темнотой, Лисбет задумалась над своей жизнью.

Следующий день у нее был полностью расписан. В семь утра она уже повернула ключ в замке своей входной двери, а на лестничной площадке открыла окно и примотала запасной ключ на медной проволоке к задней стенке водосточной трубы. По опыту Лисбет знала, как удобно иметь под рукой запасной ключ на всякий случай.

На улице ее обдало ледяным холодом. Лисбет была одета в старые, заношенные джинсы, прохуdivшиеся под задним карманом, так что можно было разглядеть голубые трусики. Поверх майки она надела джемпер со стоячим воротником, но тот уже вытянулся и не облегал шею. Помимо этого, Лисбет отыскала свою старую кожаную куртку с заклепками на плечах. Надевая ее, она отметила про себя, что куртку надо бы отнести в починку: заменить продранную, почти исчезнувшую подкладку в карманах. Теплые чулки и ботинки грели ноги. «В общем, все это обеспечит мне приличное тепло», — подумала она.

Лисбет прошла по Санкт-Паульсгатан в сторону Цинкенсдамм, а потом к Лундагатан, где была ее старая квартира. Там прежде всего проверила, на месте ли ее «Кавасаки» в подвале. Похлопав стального коня по седлу, она пошла по лестнице вверх, к своей бывшей квартире, и смогла зайти в прихожую, лишь переступив через огромную кучу рекламы у двери.

Лисбет колебалась относительно того, что ей делать с квартирой. Накануне отъезда из Швеции она наконец решила, что проще всего заказать автоматические выплаты за

коммунальные услуги. Здесь у нее оставалась вся ее мебель, по-хозяйски подобранная в разных мусорных контейнерах, а также выщербленные чашки, два старых компьютера и кучи бумаги. В общем, ничего ценного.

Лисбет принесла из кухни черный пластиковый мешок для мусора и минут пять сортировала кучу на две: почту и рекламу. Подавляющее большинство составляла реклама, и она летела сразу в черный мешок. Почта на ее имя состояла в основном из банковских выписок, копий данных, передаваемых в налоговое управление в связи с ее работой в «Милтон секьюрити», и разного рода скрытой рекламы. Одним из преимуществ иметь опекуна было в том, что ей не надо было заполнять налоговую декларацию — такого рода бумаги ей не приходили. В целом, за весь год она получила всего три личных письма.

Первое прислал адвокат Грета Моландер, доверенное лицо ее матери. Письмо коротко информировало, что оставшиеся от матери деньги были разделены пополам между Лисбет и ее сестрой Камиллой и что каждой причитается по девять тысяч триста двенадцать крон. Эта сумма переведена на банковский счет фрёкен Саландер, и ее просят подтвердить получение. Лисбет убрала это письмо во внутренний карман куртки.

Второе письмо пришло от госпожи Микаэльссон, заведующей домом для престарелых в Эппельвикене. Это письмо напоминало, что у них все еще хранится коробка с вещами, оставшимися после ее матери, и содержало просьбу связаться с дирекцией дома для престарелых и дать указания, как поступить с этими вещами. Заведующая сообщала, что содержимое коробки будет выброшено, если Лисбет или ее сестра, адресом которой они не располагают, не дадут о себе знать до конца года. Письмо было датировано июнем, и поэтому Лисбет решила сразу отреагировать по мобильнику. Через две минуты она уже знала, что коробка цела. Лисбет извинилась за то, что не дала о себе знать раньше, и пообещала забрать вещи завтра же.

Последнее личное письмо было от Микаэля Блумквиста. Поколебавшись секунду, Лисбет решила не открывать его и метким броском направила в мешок с мусором.

Наполнив большую картонную коробку разрозненными предметами и всякой дребеденью, которую ей хотелось сохранить, она взяла такси и вернулась на квартиру у Мосебакке. Там нанесла макияж, надела очки, светлый парик с волосами до плеч и прихватила норвежский паспорт на имя Ирене Нессер. Бросив взгляд в зеркало, отметила, что Ирене Нессер, с одной стороны, здорово похожа на Лисбет Саландер, а с другой — кажется совершенно другим человеком.

Наскоро перекусив багетом с сыром бри и кофе с молоком в кафе «Эдем» на Гётгатам, Лисбет направилась к агентству на Рингвеген, предоставляющему машины напрокат. Взяв «Ниссан Микра», Ирене Нессер поехала в ИКЕА в районе «Кунгенс курва» и не заметила, как провела там три часа. Она прошла чуть ли не по всему ассортименту, записывая номера необходимых ей товаров. Часто она принимала мгновенные решения.

Чего только не было куплено: два дивана модели «Карланда» песочного цвета, пять мягких кресел с низкой посадкой, два круглых лакированных столика из березы, журнальный столик «Свансбу», а также несколько причудливых столиков марки «Лак». В отделе полок и шкафов ей приглянулась пара закрытых гарнитуров и две книжные полки, а также тумба для телевизора и закрытые полки. Этот список дополнили трехстворчатый гардероб «Пакс нексус» и два небольших комода «Мальм».

Выбору кровати Лисбет отвела много времени и в конце концов остановилась на широченной «Хемнес» с матрасом и всеми полагающимися принадлежностями. На всякий

случай она купила кровать поменьше модели «Миллехаммер» в гостевую комнату. Лисбет не рассчитывала когда-либо принимать гостей, но, имея гостевую комнату, почему бы не обставить и ее?

Ванная в новой квартире ей досталась полностью оборудованной, включая настенный шкафчик, полки для полотенец и стиральную машину, оставшуюся от прежнего владельца. Единственное, что она докупила, была корзина для грязного белья.

Кухня, напротив, требовала мебелировки. Взвесив все «за» и «против», Лисбет приобрела массивный кухонный стол из бука марки «Росфорс», поверхность которого покрывало толстое закаленное стекло, и четыре ярких кухонных стула.

Конечно, ей нужна была мебель для кабинета, и она, раскрыв глаза, разглядывала «рабочие установки» с замысловатыми приставками для компьютеров и клавиатуры. Наконец покачала головой и остановилась на обычном письменном столе «Галант», облицованном буком, с наклонной поверхностью и скругленными углами, а также шкафе для бумаг. Особенно долго она выбирала стул — в нем ей придется провести немало часов, — и наконец выбрала самую дорогую модель «Верксам».

Под конец Лисбет совершила завершающий круг и сделала приличный запас простыней, наволочек, полотенец, покрывал, одеял, подушек, столовых приборов, кухонной посуды, кастрюль, разделочных досок, а кроме того, три больших ковра, несколько настольных ламп и солидный ассортимент канцелярских принадлежностей, в частности папок, корзин для бумаги, ящиков и прочего.

Закончив путешествие по отделам, Лисбет направилась со своим списком к кассе, где расплатилась карточкой, выписанной компанией «Уосп энтерпрайзис» на имя Ирене Нессер. Доставку и сборку мебели она тоже оплатила. Все вместе стоило ей чуть больше девяноста тысяч крон.

К себе в район Сёдер Лисбет вернулась около пяти часов вечера и успела заглянуть в магазин домашней электроники Аксельссона, где купила восемнадцатидюймовый телевизор и радиоприемник. Уже под самое закрытие она проскользнула в магазин электроприборов и приобрела пылесос. Универсам «Мариахаллен» был открыт, и Лисбет купила щетку и ведро для мытья полов, моющие средства, мыло, зубные щетки и большую упаковку рулонов туалетной бумаги.

В результате этого бешеного магазинного разгула Лисбет страшно устала, но была довольна. Запихав мелкие покупки в «Ниссан», она как сноп свалилась на верхнем этаже кафе «Ява» на Хорнгатан. Подвинув к себе газету, оставленную на соседнем столике, уяснила, что правящей партией по-прежнему являются социал-демократы и что ничего существенного за время ее отсутствия в стране вроде не произошло.

Она была дома около восьми вечера, в темноте выгрузила из машины все, что загрузила, и подняла в лифте в квартиру, на которой значилось «В. Кюлла». Скинув все в одну кучу в прихожей, вернулась в машину и потратила полчаса, прежде чем смогла припарковаться в соседнем переулке. Дома она пустила воду в джакузи, в которой чувствовали бы себя вполне просторно не меньше трех человек.

Ей вдруг пришел в голову Микаэль Блумквист. Лисбет не вспоминала о нем несколько месяцев, пока ей не попалось в глаза его письмо сегодня. Интересно, он сейчас дома или вместе с Эрикой Бергер?

Через секунду она глубоко вздохнула, повернулась лицом вниз и ушла с головой под воду. Положив руки на грудь и крепко сжав соски, задержала дыхание на три минуты, пока не

почувствовала боль в легких.

Редактор Эрика Бергер покосилась на часы, когда Микаэль Блумквист появился с пятнадцатиминутным опозданием на освященный традицией редакционный совет, заседания которого проходили в десять утра каждый второй вторник месяца. На этих заседаниях обсуждалось приблизительное содержание следующего номера, а также планировалось вперед несколько номеров «Миллениума».

Микаэль Блумквист извинился за опоздание и пробормотал что-то в свое оправдание, но этого никто не слышал и уж во всяком случае не запомнил. Кроме Эрики, участниками заседания были секретарь редакции Малин Эрикссон, совладелец и художественный редактор Кристер Мальм, репортер Моника Нильссон и занятые неполный день Лотта Карим и Хенри Кортес.

Микаэль Блумквист сразу отметил, что семнадцатилетней практикантки среди присутствующих нет, но что группа пополнилась совершенно незнакомым лицом, сидящим за столом для совещаний. Это было тем более странно, что Эрика не допускала посторонних к обсуждению будущих номеров «Миллениума».

— Это Даг Свенссон, — представила Эрика мужчину. — Он внештатный журналист. Мы собираемся приобрести его текст.

Микаэль кивнул и пожал руку мужчине, голубоглазому, коротко подстриженному блондину с трехдневной щетиной на щеках. Ему было лет тридцать, и он выглядел явно хорошо тренированным.

— Каждый год мы обычно выпускаем два-три тематических номера, — продолжала Эрика. — Вашу вещь я хочу дать в майский номер. Типография принимает наши заказы до двадцать седьмого апреля. Значит, у нас есть три месяца на подготовку текста.

— А о чем текст? — спросил Микаэль и налил себе кофе из термоса на столе.

— На прошлой неделе Даг Свенссон принес мне аннотацию, и я пригласила его на редакционное заседание. Может быть, сами расскажете? — предложила Эрика.

— Доставка секс-услуг, — сказал Даг Свенссон, — то есть торговля сексом и девочками. У меня материал главным образом по поставкам из Прибалтики и Восточной Европы. Мой первоначальный замысел — написать об этом книгу. Вот почему я обратился к Эрике, ведь у вас теперь свое небольшое издательство.

Все оживились. В издательстве «Миллениум» до сих пор вышла только одна книга — прошлогодний «кирпич» Микаэля Блумквиста, разоблачавший финансовую империю миллиардера Веннерстрёма. В Швеции книга выдержала шесть изданий и была переведена на норвежский, немецкий и английский языки. Сейчас заканчивался перевод на французский. Цифры продаж были просто невообразимыми, принимая во внимание, что материал уже был известен по бесчисленным газетным публикациям.

— Размах нашего книгопечатания не столь уж большой, — осторожно вставил Микаэль. Даг Свенссон улыбнулся:

— Знаю. Но ведь у вас есть свое издательство.

— Есть более крупные, — возразил Микаэль.

— Безусловно, — согласилась Эрика Бергер. — Но мы уже год обсуждаем, не создать ли нам издательскую нишу помимо нашей основной деятельности. Эту тему мы уже затрагивали на двух заседаниях правления, и все были настроены позитивно. Мы пришли к соглашению об издательской деятельности малого объема — три-четыре книги в год,

главным образом репортажного характера. Другими словами, решили выпустить типичную журналистскую продукцию, а это — хорошая книга для начала.

— Доставка секс-услуг... — повторил Микаэль Блумквист. — Расскажите.

— Я уже четыре года копаю в этой области. Я влез туда с подачи моей подруги Миа Бергман. Она занимается криминологией и гендерными исследованиями, раньше работала в совете по предотвращению преступности и проводила расследования по обвинению в сексуальной эксплуатации.

— Я с ней встречалась, — вмешалась вдруг Малин Эрикссон, — брала у нее интервью два года назад, когда она сделала сообщение, содержащее сравнительный анализ того, как в судах рассматриваются дела мужчин и женщин.

Даг Свенссон кивнул и улыбнулся.

— Да, это вызвало недовольство, — сказал он. — Но вот уже пять или шесть лет она исследует доставку секс-услуг. Это нас и познакомило. Я писал очерк о торговле сексуальными услугами в Интернете, и мне подсказали, что она кое-что знает об этом. А она действительно знала. Короче, мы начали работать вместе — я как журналист, а она как исследователь; часто встречались, а через год съехались. Она пишет докторскую диссертацию и весной будет защищаться.

— Значит, она пишет докторскую, а ты...

— А я пишу популярную версию на основе диссертации и моих собственных «раскопок». Кроме того, готовлю короткую версию в виде статьи, которую уже отдал Эрике.

— Ладно, вы работаете единой командой. И каков же ваш сюжет?

— Наше правительство ввело закон, запрещающий приобретение сексуальных услуг, наша полиция следит за тем, чтобы закон соблюдался, и наши суды, осуждающие преступников, всюду заседают. Клиентов, покупающих секс-услуги, мы называем секс-преступниками, потому что покупка сексуальных услуг карается законом, и наши средства массовой информации публикуют тексты, выражающие моральное возмущение в связи с этим. Вместе с тем Швеция принадлежит к числу стран, покупающих наибольшее количество проституток, приезжающих из России и Прибалтики, на душу населения.

— И вы можете подкрепить это цифрами?

— Это отнюдь не секрет и даже не новость. Ново здесь совсем другое. Мы встречались и разговаривали с дюжиной девушек вроде героини фильма «Лилия навсегда». Большинство из них в возрасте пятнадцати-двадцати лет, из неблагополучных семей, родом из восточноевропейских стран. Их заманивают в Швецию обещанием какой-то работы, но попадают они в когти отпетой секс-мафии. То, что пережили эти девушки, не идет ни в какое сравнение с «Лилией навсегда», на их фоне фильм — просто развлечение для семейного круга. Точнее говоря, пережитое этими девушками не годится вообще ни для какого фильма.

— Ясно.

— На этом сфокусирована диссертация Миа, но не моя книга.

Слушатели в ожидании затаили дыхание.

— Миа брала у девушек интервью, а я систематически изучал поставщиков и потребителей.

Микаэль улыбнулся. Он никогда раньше не встречал Дага Свенссона, но сразу понял, что это журналист близкого ему стиля, пристально вглядывающийся в суть дела. Для Микаэля одно из основных журналистских правил гласило, что в любом деле есть те, кто несет ответственность, the bad guys^[12].

— И вы добыли интересные факты?

— Могу, например, привести документированные доказательства, что один чиновник министерства юстиции, привлекавшийся к разработке закона о покупке секс-услуг, сам использовал по крайней мере двух девушек, попавших сюда через посредничество секс-мафии, причем одной из них было пятнадцать лет.

— Вот это да!

— Уже три года я отдаю часть своего рабочего времени этой теме. В книге будут описываться конкретные покупатели секса. Например, трое полицейских, один из которых работает в военной службе безопасности, а другой — в отделе полиции по борьбе с проституцией; пять адвокатов, один прокурор и один судья. Кроме того, трое журналистов, один из которых опубликовал несколько заметок о секс-торговле. В частной жизни он развлекается играми в насилие с несовершеннолетней проституткой из Таллинна. Вряд ли речь здесь идет об играх по обоюдному согласию. Я собираюсь назвать их всех по имени, ведь у меня все задокументировано.

Микаэль Блумквист даже присвистнул, и улыбка сошла с его лица.

— Раз уж я снова стал ответственным редактором, то хочу тщательно просмотреть, как задокументирован материал, — сказал он. — В прошлый раз моя халатность в отношении источников стоила мне трех месяцев тюрьмы.

— Если вы решите опубликовать мой очерк, то получите любую документацию, какую пожелаете. Но у меня есть условие, при котором я соглашусь продать свой материал «Миллениуму».

— Даг хочет, чтобы мы издали его книгу, — разъяснила Эрика Бергер.

— Точно! Нужно, чтобы публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы, а сейчас «Миллениум» — самый незапятнанный и независимый журнал в стране. Сомневаюсь, что у нас нашлось бы много других издательств, способных набраться храбрости и выпустить книгу такого рода.

— Итак, не только статья, но и книга, — подытожил Микаэль.

— По-моему, это замечательно, — воскликнула Малин Эрикссон, а Хенри Кортес что-то одобрительно пробурчал.

— Бремя, связанное с публикацией статьи и книги, принципиально разное. В первом случае ответственность ложится на Микаэля, а во втором — на автора, — заметила Эрика.

— Я знаю, — заверил Даг Свенссон. — Меня это не тревожит. Как только книга выйдет из печати, Миа заявит в полицию на всех тех, кого я называю в книге поименно.

— Представляю, какой переполох начнется, — заметил Хенри Кортес.

— Но это еще только половина материала, — продолжил Даг Свенссон. — Я также постарался разобраться с сетью, или хотя бы ее частью, которая зарабатывает на секс-торговле. А это значит, что речь идет об организованной преступности.

— И кого вы там нашли?

— В том-то и дело, что секс-мафия — это убогая кучка шестерок. Уж не знаю, чего я ожидал в начале своих поисков, но почему-то все мы — во всяком случае, я — введены в соблазн представлять себе «мафию» шикарнейшей бандой, затесавшейся в верхи общества и разъезжающей в элегантных лимузинах. Скорее всего, этому способствовали американские фильмы. Ваша публикация о Веннерстрёме, — Даг Свенссон покосился на Микаэля, — показывает, что такое вполне может быть. Но Веннерстрём в каком-то смысле исключение. Я-то наткнулся на шайку грубых садистов, ни на что не годных, едва умеющих читать и

писать, полных кретинов в организационных и стратегических вопросах. В какой-то степени они связаны с байкерами и другими, чуть более организованными кругами, но в целом секс-торговлей пробавляется какая-то кучка придурков.

— Это отчетливо прочитывается в вашей статье, — заметила Эрика Бергер. — У нас есть законодательство, полицейский корпус, органы правосудия, ежегодно получающие миллионы из налоговых отчислений для того, чтобы разобраться с секс-торговлей... А в итоге они не могут справиться даже с кучкой каких-то недоумков.

— Это неслыханное нарушение прав человека, и девчонки, которые в это втянуты, находятся на столь низкой ступени общества, что правовая система их не замечает. Они не голосуют, почти не говорят по-шведски, если не считать словарного запаса, необходимого им по роду занятий. Девяносто девять целых и девять десятых процента всех преступлений, относящихся к секс-торговле, не предаются огласке, о них не заявляют в полицию, а если и заявляют, дело до суда обычно не доходит. Это наверняка самый крупный айсберг в шведском криминальном мире. Будь это ограбление банка, о подобном отношении к происшедшему даже подумать было бы нельзя. Я пришел к заключению, что такую ситуацию не потерпели бы ни дня, если бы правосудие действительно хотело бы с ней покончить. Насилие над несовершеннолетними девчонками из Таллинна и Риги не относится к числу проблем первостепенного значения. Шлюхи есть шлюхи — это компонент системы.

— Да об этом каждый дурак знает, — заметила Моника Нильссон.

— Ну, что скажете? — спросила Эрика Бергер.

— Мне нравится, — откликнулся Микаэль Блумквист. — Эта публикация поднимет волну, а разве не ради этого мы когда-то запустили «Миллениум»?

— Ради этого я и работаю до сих пор в нашем журнале. Ответственный редактор должен время от времени делать сальто, — сказала Моника Нильссон.

Все, кроме Микаэля, засмеялись.

— Он единственный, кто стал ответственным редактором по глупости, — заметила Эрика Бергер. — Мы пустим ваш материал в майский номер и одновременно издадим книгу.

— А книга готова? — спросил Микаэль.

— Нет, — ответил Даг, — готова подробная аннотация, но книга написана лишь наполовину. Если вы согласны на ее издание и готовы выдать мне аванс, я мог бы работать над ней все свое время. Исследовательская работа уже почти закончена. Осталось лишь кое-что изменить — главным образом подтвердить то, что я уже знаю, — а также встретиться с покупателями секс-услуг, которых я собираюсь выставить на обозрение.

— Давайте сделаем так же, как с книгой о Веннерстрёме, — предложил Кристер Мальм. — Одна неделя необходима для создания макета книги, две — для печати тиража. Встречи с секс-потребителями проведем в марте и апреле и подготовим пятнадцать завершающих страниц. Значит, рукопись должна быть полностью готова к пятнадцатому апреля, так что мы успеем проверить все источники.

— А как насчет контракта и тому подобного? — спросил Даг.

— Я еще ни разу не готовила контракт на книгу, так что сначала поговорю с адвокатом, — сказала Эрика, сосредоточенно сморщив лоб. — Но я предлагаю оформить вас на четырехмесячный проект с февраля по май. Повышенных ставок у нас нет.

— Ладно, я согласен. Мне нужна стабильная зарплата, чтобы я мог сконцентрироваться на работе над текстом, не отвлекаясь, — отозвался Даг Свенссон.

— Что касается гонорара, то наше основное правило — делить прибыль, оставшуюся

после вычета всех расходов на публикацию, пополам. Вам это подходит? — спросила Эрика.

— Да это просто потрясающе! — согласился Даг.

— Теперь переходим к распределению обязанностей, — продолжила Эрика Бергер. — Малин, я предлагаю тебе быть редактором тематического выпуска. Это будет твоей главной работой начиная со следующего месяца. Ты будешь работать с Дагом Свенссоном и редактировать его статью. Лотта, для тебя это будет означать, что с марта по май ты станешь исполнять обязанности секретаря редакции. Ты сможешь работать на полную ставку, а Малин или Микаэль, если надо, окажут тебе помощь.

Малин Эрикссон согласно кивнула.

— Микаэль, я хочу, чтобы ты был редактором книги, — начала Эрика и взглянула на Дага Свенссона. — Микаэль — классный редактор и, как никто, умеет анализировать информацию, хотя и не любит выставлять свои способности напоказ. Он посмотрит под микроскопом каждый слог в вашей книге, в каждую деталь вцепится, как ястреб. Мне льстит ваше намерение издать книгу у нас, но у «Миллениума» есть специфические проблемы: враги, которые спят и видят, как сжить нас со свету. Уж если мы высунемся с публикацией, она должна быть стопроцентно безошибочной. Погрешности недопустимы.

— Да и я не хочу ничего другого, — согласился Даг.

— Хорошо. Но сможете ли вы продержаться всю весну, когда у вас все время будут стоять над душой и постоянно критиковать ваш текст?

Даг ухмыльнулся и взглянул на Микаэля:

— Заметано.

Тот кивнул.

— Раз уж мы планируем тематический номер, нам нужно больше статей. Тебе, Микаэль, я хочу поручить заметку об экономической стороне секс-торговли. Каков их ежегодный оборот в кронах? Кто главным образом зарабатывает на секс-торговле и где оседают деньги? Возможно ли, что часть денег попадает в государственную казну? Моника, тебя я прошу заняться обзором по сексуальному насилию в целом. Обратись в дежурные кризисные женские центры, пообщайся с учеными, врачами и представителями власти. Вы двое и Даг даете основные тексты. Хенри, я хочу, чтобы ты взял интервью у подруги Дага Миа Бергман, самому Дагу этого не следует делать. Подготовь ее портрет: кто она, какова область ее исследований, каковы их выводы. Кроме того, ознакомься с полицейскими расследованиями и изучи конкретные случаи. Кристер, фотографии за тобой. Не знаю, как это все проиллюстрировать. Подумай сам.

— Ну, для иллюстраций это простая тема. Без проблем.

— Я вот что еще хотел добавить, — вмешался Даг Свенссон. — Среди полицейских есть исключительно добросовестные. Можно получить интересный материал, если взять интервью у кого-нибудь из них.

— А у вас есть фамилии? — спросил Хенри Кортес.

— И номера телефонов, — подтвердил Даг, кивнув.

— Отлично, — подытожила Эрика Бергер. — Тема майского номера — торговля сексуальными услугами. Основной лейтмотив в том, что поставка секс-услуг — преступление против прав человека, а значит, организаторов и исполнителей надо вывести на чистую воду и установить с них спрос как с военных преступников, как с участников эскадронов смерти, как с палачей. За дело!

Среда, 12 января — пятница, 14 января

Эппельвикен казался чужим и незнакомым, когда Лисбет впервые за восемнадцать месяцев подъезжала к нему на взятой в прокате «Ниссан Микра». С пятнадцати лет она не меньше двух раз в год приезжала в приют, куда поместили ее мать, после того как случилась «Вся Та Жуть». Хотя она редко там бывала, Эппельвикен занимал особое место в жизни Лисбет. Именно здесь ее мать прожила последние десять лет и, наконец, скончалась от кровоизлияния в мозг всего лишь в сорок три года.

Ее звали Агнета София Саландер. Все последние четырнадцать лет жизни она страдала от многократных слабых кровоизлияний, которые привели ее к неспособности заботиться о себе в повседневной жизни. Временами мать становилась некоммуникабельной и с трудом узнавала Лисбет.

Мысли о матери порождали ощущение беспомощности и беспросветного мрака. В юности Лисбет часто мечтала, что мать выздоровеет и у них наладятся какие-то отношения. Но разумом она понимала, что этому не бывать.

Мать была маленького роста, худенькой, но отнюдь не такой щуплой, как Лисбет. Можно сказать, что она была по-настоящему красивой и хорошо сложенной, прямо-таки как сестра Лисбет.

Камилла...

Думать о сестре Лисбет не хотелось. Есть в этом какая-то ирония судьбы, что она и ее сестра так поразительно непохожи, при том что они двойняшки, появившиеся на свет с интервалом двадцать минут.

Лисбет была первой, а Камила — красивой.

Из-за полного несходства казалось невероятным, что они зародились в одном и том же чреве. Если бы не какой-то дефект в генетическом коде Лисбет, она могла бы стать такой же потрясающей красавицей, как сестра.

И, возможно, такой же глупенькой.

С раннего детства Камила была общительной, всеми любимой отличницей в школе. Лисбет же оказалась тихой, замкнутой и неохотно отвечающей на вопросы учителей, что не замедлило отразиться на ее оценках самым неблагоприятным образом. Уже в младших классах Камила старалась отделаться от Лисбет; дошло до того, что девочки ходили в школу разными дорогами. Как учителя, так и одноклассники обратили внимание на то, что сестры не общаются и рядом никогда не садятся. Начиная с третьего учебного года они учились в параллельных классах. С двенадцати лет, когда случилась «Вся Та Жуть», они воспитывались в разных приемных семьях. С тех пор как им исполнилось по семнадцать лет и их встреча закончилась синяком под глазом у Лисбет и разбитой губой у Камиллы, Лисбет понятия не имела, где сейчас находится сестра, и даже не пыталась это выяснить.

Любви между близняшками Саландер не было.

Лисбет считала Камиллу лживой, испорченной девчонкой, склонной манипулировать людьми. Впрочем, судебное решение о психическом отклонении от нормы относилось именно к Лисбет.

...Она поставила машину на парковке для посетителей и застегнула на все пуговицы потрепанную кожаную куртку — шел дождь. Направляясь к главному входу, остановилась у

той самой садовой скамейки, где в последний раз сидела с матерью восемнадцать месяцев назад. В тот раз поездка в Эппельвикен была незапланированной; они заехали по пути на север, собираясь помочь Микаэлю Блумквисту в преследовании расчетливого, но параноидального серийного убийцы. Тогда мать была в беспокойном состоянии и словно не узнавала дочь, но все же не хотела ее отпускать. Она крепко держала Лисбет за руку и недоуменно смотрела на нее. Время уже поджимало. Лисбет вырвала руку, обняла мать, и они с Микаэлем унеслись прочь на мотоцикле.

Похоже, директриса Агнес Микаэльссон была рада видеть Лисбет. Она приветливо поздоровалась и проводила девушку в кладовку, где они нашли картонную коробку. Лисбет подняла ее и почувствовала, что там веса не больше двух килограммов.

Не слишком много скопила мать за всю свою жизнь.

— Я не знала, что делать с вещами твоей мамы, — сказала директриса, — но я всегда интуитивно чувствовала, что ты когда-нибудь сюда заедешь.

— Я уезжала далеко отсюда, — пояснила Лисбет.

Она поблагодарила за то, что коробку сохранили, отнесла ее в машину и покинула Эппельвикен навсегда.

В начале первого Лисбет вернулась к себе в квартиру на Мосебакке и внесла коробку с вещами. Оставив ее в кладовке в прихожей, снова вышла.

Открывая дверь подъезда, она увидела полицейскую машину, медленно проехавшую мимо. Лисбет остановилась и опасливо взглянула на представителей власти, появившихся рядом с ее местом жительства. Но полиция не проявила подозрительных намерений, и Лисбет решила про себя: «Пусть катятся колбаской...»

Время после обеда она провела в магазинах «Хеннес и Мауритц» и «КапАль» в поисках новой одежды. Закупила кучу самой обычной одежды — брюк, джинсов, кофт и носков. Дорогая фирменная одежда ее не интересовала, но она почувствовала явное удовольствие от того, что может не задумываясь купить разом полдюжины джинсов. Экстравагантнее всего она отоварилась в магазине нижнего белья «Твильфит». Сначала опять накупила базовую подборку трусиков и бюстгалтеров, а еще через полчаса робкого блуждания поддалась соблазну и купила комплект, показавшийся ей «сексуальным», если не сказать «порнографическим». Раньше Лисбет и в голову не пришло бы покупать такое. Примеряя этот комплект дома вечером, она почувствовала себя донельзя глупо. Зеркало отражало загорелую татуированную девчонку в каком-то бредовом наряде. Лисбет сняла это белье и выбросила в мусорное ведро.

В обувном магазине «Дин ску» Лисбет купила пару крепких зимних сапог и две пары туфель. Под настроение она приобрела еще пару черных сапожек на высоком каблуке, делавшем ее на несколько сантиметров выше. Под конец облюбовала теплую зимнюю куртку из коричневой замши.

Оставив дома покупки и подкрепившись кофе с бутербродами, Лисбет поехала возвращать машину в агентство около Рингена. Домой она шла пешком, а потом, поздно вечером, сидела на подоконнике, глядя на воду залива Сальтшё.

Миа Бергман, докторантка в сфере криминологии, резала чизкейк и украшала его сверху малиновым вареньем. Сначала она протянула порции Эрике Бергер и Микаэлю Блумквисту, а потом взяла себе и Дагу Свенссону. Малин Эрикссон решительно отклонила предложенный

десерт и довольствовалась черным кофе, поданным в оригинальных старинных чашках в цветочек.

— Этот сервиз мне достался от бабушки, — пояснила Миа, заметив, что Малин рассматривает чашку.

— Она панически боится разбить эти чашки и достает их только к приходу особо важных гостей, — заметил Даг Свенссон.

Миа улыбнулась.

— Я росла у бабушки несколько лет, и этот сервиз — единственное, что у меня от нее осталось.

— Какие славные! — восхитилась Малин. — У меня-то в кухне стопроцентная ИКЕА.

Интереса к кофейным чашкам с цветочками Микаэль Блумквист не разделял, зато чизкейк притягивал его взгляд все сильнее. Он уже подумывал, не ослабить ли ремень на одну дырочку. Эрику Бергер, очевидно, мучил тот же соблазн.

— Ну просто нет сил, хотя мне стоило бы воздержаться от десерта, — сказала она, виновато покосившись на Малин, но решительно взялась за ложку.

Вначале планировалось устроить простой рабочий ужин, отчасти чтобы закрепить начатое сотрудничество, а с другой стороны, продолжить обсуждение тематического номера «Миллениума». Даг Свенссон предложил собраться у него дома и скромно поужинать. Но Миа Бергман приготовила такую вкусную курицу в кисло-сладком соусе, какой Микаэлю в жизни не приходилось пробовать. За ужином были выпиты две бутылки красного испанского вина, а к десерту Даг Свенссон припас «Талламор Дью»^[13]. Все согласились, а Эрика Бергер сгупила и отказалась. Даг достал рюмки.

Даг Свенссон и Миа жили в двухкомнатной квартире в Эншеде, южном пригороде Стокгольма. Они встречались год, а потом решились и съехались. В Эншеде они жили уже год.

Все собрались в шесть вечера, но до десерта, поданного в половине девятого, не было сказано ни слова о том, что было целью их встречи. Микаэль при этом понял, что Даг Свенссон и Миа Бергман ему нравятся и что их общество ему приятно.

Наконец Эрика Бергер направила разговор в нужное русло и заговорила о том, что они планировали обсудить. Миа Бергман принесла отпечатанный экземпляр своей диссертации и положила на стол перед Эрикой. Название работы было неожиданно ироничным — «From Russia with love»^[14], что, естественно, напоминало название классического романа Яна Флеминга об агенте 007. В подзаголовке стояло: «Поставка секс-услуг, организованная преступность и ответные меры общества».

— Следует различать мою диссертацию и книгу, которую пишет Даг, — начала она. — Книга Дага — крик возмущения, направленного против тех, кто наживается на трафикинге^[15]. Моя диссертация содержит статистику, личные наблюдения, цитаты из законов и анализ того, как общество и суды обращаются с жертвами.

— То есть с девушками.

— Молоденькими, обычно пятнадцати-двадцати лет, из рабочих семей, малообразованными. Довольно часто это выходцы из неблагополучных семей, и в той или иной форме они подвергались насилию уже в детстве. Их заманивают в Швецию с помощью лжи и дутых обещаний.

— И занимаются этим торговцы сексом.

— В этом отношении есть гендерный момент, и ему я уделяю внимание в диссертации.

Это большая редкость, чтобы роли участников распределялись так четко: девушки — жертвы, мужчины — преступники. За исключением нескольких случаев, когда именно женщины получали доход от торговли сексом, ни одна разновидность противозаконной деятельности не содержит гендерных предпосылок для преступлений.

— И все же, насколько я знаю, в Швеции довольно жесткое законодательство в отношении трафикинга и торговли сексом, — заметила Эрика.

— Да это же курам на смех. Точной статистики нет, но примерно несколько сотен девушек ежегодно перевозят в Швецию для занятий проституцией, то есть для предоставления своего тела систематическому насилию. С тех пор как был введен закон, карающий за трафикинг, обвинения доходили до суда считаное количество раз. Первый раз это произошло в апреле две тысячи третьего года, когда судебное разбирательство касалось одной придурковатой бандерши, хирургически сменившей пол. И, разумеется, ее оправдали.

— Погодите, мне кажется, ее осудили.

— Да, признали виновной в содержании борделя, но оправдали по обвинению в трафикинге. Дело в том, что девушки, бывшие ее жертвами, дали свидетельские показания в ходе расследования, а потом уехали обратно в Прибалтику. Власти пытались их вернуть для выступлений в суде, даже подключили Интерпол. Их искали несколько месяцев, но не смогли найти.

— А что с ними случилось?

— Ничего. Телевизионная программа «Взгляд изнутри» решила провести собственные поиски и послала своих репортеров в Таллинн. В результате всего пары часов интенсивного поиска они обнаружили, что две девушки живут со своими родителями, а третья перебралась в Италию.

— Другими словами, таллиннская полиция оказалась не слишком эффективной.

— После этого была еще пара случаев, закончившихся обвинительными приговорами суда, но они относились исключительно к лицам, арестованным за другие преступления, или же к столь придурковатым прохвостам, что их не могли не задержать. Закон — это только дымовая завеса, он не применяется.

— Ясно.

— Все дело в том, что преступление здесь — грубое насилие, часто сопровождающееся телесными повреждениями, тяжкими увечьями и угрозой убийства, а в некоторых случаях и незаконным насильственным заточением, — пояснил Даг Свенссон. — Будни многих девушек состоят в том, что их, сильно накрашенных и одетых в мини-юбки, отвозят куда-нибудь на виллу в пригороде. Проблема в том, что у них нет выбора: либо они едут и трахаются с пьяными мужиками, либо рискуют быть избитыми и искалеченными сутенером. Сбежать они не могут: не зная языка, законов и порядков, они понятия не имеют, куда им обращаться. Домой им тоже не уехать: первым делом у них отбирают паспорта, а в случае бандерши их заперли в квартире.

— Похоже на лагерь для рабов. А девушки что-то получают за работу?

— Не без этого, — вмешалась Миа Бергман. — В утешение за мучения им кое-что достается с барского стола. Приходится отпахать несколько месяцев, прежде чем им разрешат вернуться домой. Случается, что они увозят с собой изрядную сумму денег — двадцать, а то и тридцать тысяч крон, что в российской валюте целое состояние. Но при этом они обзаводятся тяжкими привычками к алкоголю или наркотикам, а также к стилю жизни, когда деньги мгновенно проматываются. Из-за этого вся система функционирует на

самоокупаемости: какое-то время спустя девушки возвращаются к старому ремеслу, можно сказать, добровольно подчиняясь своим мучителям.

— А каков годовой доход в этой области? — спросил Микаэль.

Миа Бергман покосилась на Дага Свенссона, подумала, а потом ответила:

— Трудно дать правильный ответ на ваш вопрос. Мы много раз считали и пересчитывали, но многие наши цифры приблизительны.

— Ну, хотя бы грубая прикидка.

— Ладно. Известно, например, что бандерша, осужденная за сводничество и оправданная по обвинению в трафикинге, за два года вывезла тридцать пять женщин из Восточной Европы. Они пробыли здесь разное время: от нескольких недель до нескольких месяцев. Во время судебного разбирательства установили, что за два года они заработали около двух миллионов крон. Это значит, что вклад каждой девушки — почти шестьдесят тысяч крон в месяц. Из этой суммы нужно вычесть примерно пятнадцать тысяч на поездки, одежду, жилье и прочее. Живут они далеко не в роскошных условиях, ютятся в тесноте в какой-нибудь квартире, арендуемой бандой. Из оставшихся сорока пяти тысяч у них забирают от двадцати до тридцати тысяч. Половину суммы берет себе главарь банды, а остальные распределяются между прочими пособниками: шоферами, охранниками и другими. Девчонкам достается десять-двенадцать тысяч крон.

— А если в месяц?..

— Допустим, на шайку работают две или три девушки. Тогда они приносят доход почти двести тысяч в месяц. Каждая группировка состоит в среднем из двух-трех человек, живущих за счет этого. Таков примерный бюджет у насильников.

— И сколько человек заняты этим... я имею в виду, если взять по максимуму?

— Можно считать, что в каждый конкретный момент существует примерно сотня девушек, в той или иной степени ставших жертвами сексуального рабства. Это значит, что общий оборот во всей Швеции каждый месяц достигает почти шесть миллионов крон. При этом речь идет только о девушках, задействованных через трафикинг.

— Ну, просто мелочь...

— Да, мелочь. И чтобы получить эту, в общем-то, небольшую сумму, почти сотню девушек насилуют. Меня это приводит в ярость.

— Объективное исследование в ваших словах трудно различить. Но если на одну девушку приходится три бандита, значит, за счет этого бизнеса в целом кормится пятьсот-шестьсот человек.

— Вероятно, меньше. Я думаю, примерно три сотни мужчин.

— Не такая уж неразрешимая проблема, — отметила Эрика.

— Мы принимаем законы, возмущаемся в средствах массовой информации, но почти никто никогда не говорил с проституткой из Восточной Европы и понятия не имеет, как она живет.

— А как это все осуществляют на практике? Не так уж легко вывезти из Таллинна шестнадцатилетнюю девушку, чтобы это осталось незамеченным. И что происходит после ее приезда сюда? — спросил Микаэль.

— В начале исследования мне представлялось, что делом заправляет какая-то невероятно хорошо организованная группа, что-то вроде мафии, каким-то искусным образом переправляющая девушек через границу.

— А оказалось иначе? — спросила Малин Эрикссон.

— Их деятельность хорошо организована, но понемногу я поняла, что речь идет о нескольких мелких плохо управляемых группах. Какие там костюмы от Армани и спортивные машины, забудьте о них! Обычная банда состоит из двух-трех членов, половина из них — русские или прибалты, а половина — шведы. Главарь выглядит так: сорок лет, сидит в нижней рубашке, пьет пиво и чешет пузо. Он без образования, может считаться социально неполноценным, и всю жизнь его преследуют проблемы.

— До чего романтично!

— У него допотопный взгляд на женщин, он склонен к грубому насилию, часто пьян и врежет всякому, кто будет перечить. В банде царит кулачное право, и подчиненные часто боятся его.

Мебель, купленную Лисбет, доставили из ИКЕА через три дня, утром в половине десятого. Два парня недюжинной силы пожали руку блондинке по имени Ирене Нессер, заговорившей по-норвежски. Затем они сделали несколько челночных поездок вверх-вниз на тесном лифте и стали собирать столы, шкафы и кровати. Дело спорилось у них в руках; чувствовалось, что они занимались этим и раньше. Ирене Нессер спустилась в магазин «Сёдерхалларна» и купила греческой еды на вынос, а потом позвала всех на обед.

К пяти вечера парни из ИКЕА закончили, а Лисбет Саландер смогла снять парик и походить по квартире, прикидывая, будет ли ей хорошо в новом доме. Кухонный стол оказался слишком элегантным, чтобы быть в ее вкусе. Комната, примыкающая к кухне, вход в которую был как из холла, так и из кухни, стала ее новой гостиной, где разместились современные диваны и группа кресел вокруг журнального столика у окна. Спальной она осталась довольна. Осторожно уселась на край кровати «Хемнес» и пощупала матрас.

Зайдя в кабинет, откуда открывался вид на Сальтшё, Лисбет сказала себе: «Отлично. То, что надо. Здесь можно и поработать».

В сущности, она не знала, над чем будет работать, да и в отношении мебели у нее зародились некоторые сомнения, когда она огляделась.

«Ладно, там видно будет».

Остаток вечера ушел на распаковку и раскладывание приобретенного. Лисбет застелила постель, разложила полотенца, простыни и наволочки в бельевой шкаф. Потом открыла пакеты с одеждой и развесила все в гардеробах. Хотя она накупила массу всего, места оставалось еще много. Поставив где надо лампы, Лисбет занялась кухней: разместила кастрюли, каждодневную посуду и столовые приборы в кухонных шкафах.

Окинув голые стены критическим взглядом, она поняла, что не хватает постеров, картин или чего-нибудь подобного — того, что обычно висит у людей. Наверное, горшок с цветами тоже не помешал бы.

Следующими на очереди стояли коробки, привезенные с Лундагатан. Лисбет рассортировала книги, журналы, вырезки и записи, относящиеся к старым расследованиям, хотя их-то, вероятно, стоило выбросить в мусор. Широким жестом она выкинула старые поношенные кофты и дырявые носки. Неожиданно наткнулась на фаллоимитатор, все еще нераспакованный. Лисбет криво усмехнулась — этот дурацкий подарок на день рождения она получила от Мимми, целиком и полностью забыла о его существовании и даже ни разу не попробовала его. Теперь она решила исправить ошибку и поставила игрушку на комод у кровати.

Тут Лисбет задумалась. Вспомнив Мимми, она почувствовала укол совести. Целый год

они были близки, а потом Лисбет предпочла ей Микаэля Блумквиста и даже ничего не объяснила, не попросилась и не сказала, что уезжает из Швеции. Точно так же, не попрощавшись и не известив, она рассталась с Драганом Арманским и девицами из «Перстов дьявола». Они, возможно, решили, что она умерла, или просто забыли о ней — она в этой группе никогда не была центральной фигурой. Она просто-напросто повернулась спиной ко всем. Лисбет вдруг вспомнила, что не попросилась с Джорджем Блендом на Гренаде, и подумала, уж не ходил ли он искать ее на пляже. Ей пришли на ум слова, сказанные как-то раз Микаэлем Блумквистом о том, что дружба строится на уважении и доверии. «Я разбрасываюсь друзьями, — рассудила она. — Интересно, как там Мимми? Может быть, мне дать о себе знать?»

Поздним вечером и ночью Лисбет сортировала свои бумаги в кабинете, устанавливала компьютер и блуждала по Интернету. Проверила, как окупаются ее вклады, и обнаружила, что за прошедший год стала еще богаче.

Ставший рутинным контроль за компьютером адвоката Нильса Бьюрмана ничего интересного в его корреспонденции не выявил, и Лисбет сделала вывод, что он оставался в предписанных рамках.

Она не нашла никаких признаков поисков опекуном контактов с клиникой в Марселе. Похоже, что Бьюрман свел свою профессиональную и личную жизнь к нулю. Электронной почтой он пользовался редко, а если и выходил в Интернет, то главным образом посещал порносайты.

Где-то ближе к двум часам ночи Лисбет отключилась от Сети. Пройдя в спальню, она разделась и положила одежду на стул. Потом пошла в ванную помыться. Там, в углу у входа, было зеркало от пола до потолка. Лисбет долго разглядывала себя, сначала присмотревшись к угловатому лицу с неправильными чертами, затем к новой груди и большой татуировке на спине. Это были красивые очертания длинного извивающегося дракона, сделанные красной и зеленой тушью, начинавшиеся у плеча, продолжавшиеся через правую ягодицу и заканчивавшиеся на бедре. Пока она путешествовала, ее волосы отросли до плеч, но в последнюю неделю на Гренаде Лисбет взяла ножницы и коротко подстриглась. Волосы все еще торчали в разные стороны.

Внезапно она подумала, что в ее жизни произошло — или происходит прямо сейчас — какое-то серьезное изменение. Может быть, все дело в том, что она внезапно стала обладательницей миллиардов и ей не нужно считать каждую крону? Или мир старших наконец-то вторгся в ее мир? А может быть, смерть матери означала конец ее детству?

За год путешествий она избавилась от пирсинга в нескольких местах. В частности, в клинике в Генуе ей убрали кольцо из соска на груди по чисто медицинским соображениям перед операцией. Затем убрали еще одно, на нижней губе, а на Гренаде — кольцо, сидевшее на левой половине половых губ. Оно только и делало, что натирало, и она сама не знала, для чего ей его насадили.

Лисбет открыла рот и вывинтила колышек, которым ей проткнули насквозь язык семь лет назад, а потом положила его в мисочку на полке у раковины. Во рту стало как-то пусто. Итак, кроме сережек в ушах, у нее оставалось лишь два пирсинга: одно кольцо в левой брови и второе — в пупке.

В конце концов она ушла в спальню и заползла под новое одеяло. Оказалось, что купленная ею кровать — просто гигантских размеров и что ей нужна лишь малая часть всей поверхности, как будто она лежала у края футбольного поля. Лисбет обмотала одеяло вокруг

себя и долго лежала, размышляя.

Воскресенье, 23 января — суббота, 29 января

Агентство «Милтон секьюрити» разместилось на трех верхних этажах пятиэтажного офисного здания около Шлюза. Лисбет Саландер поднялась на лифте из гаража на пятый этаж. Ступив в темный коридор, она машинально взглянула на свои часы и отметила, что сейчас десять минут четвертого в ночь на воскресенье. Ночной дежурный всегда сидел у пульта охранной сигнализации на третьем этаже, и Лисбет знала, что на пятом этаже наверняка будет одна.

Она в очередной раз изумилась, как профессиональное охранное агентство может быть столь беспечным в отношении собственной безопасности.

За прошедший год коридор пятого этажа мало изменился. Сначала Лисбет подошла к бывшему своему кабинету — небольшому кубу со стеклянной дверью, куда ее поместил свое время Драган Арманский. Дверь оказалась незаперта. Уже через несколько секунд Лисбет могла сделать заключение, что в ее комнате ничего не изменилось, если не считать картонной коробки с бумажным мусором, выставленной у двери. В комнате были рабочий стол, стул, корзина для бумаг и пустая книжная полка. Из технических средств стоял только старый компьютер «Тошиба» 1997 года с ничтожным по объему жестким диском.

Похоже, Драган никому не передал эту комнату, что, с одной стороны, можно было трактовать как добрый знак, но, с другой, ничего особенного это не значило. Для конуры площадью около четырех квадратных метров трудно найти какое-то разумное применение.

Лисбет прикрыла дверь и потихоньку пошла по коридору проверить, не заработался ли здесь какой-нибудь полуночник. Но она была одна. Остановившись у кофейного автомата, налила капучино в пластмассовый стаканчик и пошла дальше, к кабинету Драгана Арманского. Дверь она открыла пиратской копией ключа.

Как всегда, кабинет Арманского поражал непереносимо идеальным порядком. Лисбет быстро обошла его, заглянула на полку и села за письменный стол.

Включив компьютер, она вынула компактный диск из своей новой замшевой куртки и вставила в дисковод. Затем запустила программу «Асфиксия 1.3». Программу она написала сама, и ее единственной функцией было снабжение браузера «Интернет Эксплорер» на жестком диске компьютера новой, современной версией. Эта процедура заняла всего пять минут.

Закончив, Лисбет вынула компактный диск и перезапустила компьютер вместе с новой версией «Эксплорера». Обновленный браузер вел себя так же, как его предшественник, был чуть больше по объему, но работал на микросекунду медленнее. Все параметры оставались прежними, включая дату инсталляции, так что от нового файла не осталось и следа.

Лисбет набрала FTP-адрес сервера в Голландии и получила окно с промптом. Дав команду копирования, она написала имя «Armanskij/MiltSec» и нажала ОК. Компьютер тут же начал копировать жесткий диск Арманского на сервер в Голландии. Часы на экране показывали, что этот процесс займет тридцать четыре минуты.

Пока шло перекачивание, Лисбет достала запасной ключ к столу Арманского из декоративной вазы на книжной полке. Следующие полчаса она провела, штудируя папки, лежавшие в верхнем правом ящике письменного стола, где всегда хранились текущие и срочные дела. Когда компьютер пискнул в знак завершения операции, она вернула папки в

точности на их прежние места.

Лисбет выключила компьютер, погасила настольную лампу, прихватила пустой стаканчик из-под капучино и покинула агентство «Милтон секьюрити» точно так же, как зашла в него. На часах было четыре двенадцать, когда она вышла из лифта.

Домой на Мосебакке Лисбет вернулась пешком, включила свой «Пауэрбук» и подсоединилась к серверу в Голландии. Там она запустила копию «Асфиксии 1.3». Когда программа была запущена, открылось окно, где спрашивалось, какой жесткий диск открыть. У Лисбет был выбор из примерно сорока дисков, стоявших по списку. Просматривая этот список, она прошла мимо диска «Нильс Бьюрман», который обычно проверяла примерно раз в два месяца. На секунду она поколебалась у дисков «Мик. Блум./лэптоп» и «Мик. Блум./рабочий кабинет». Эти диски она не открывала больше года и даже подумывала, не стереть ли их вовсе. Однако из принципиальных соображений решила сохранить их: когда-то она вскрывала компьютеры в поисках информации, и теперь было бы глупо стирать то, что, может быть, понадобится в будущем. То же самое касалось и ресурса «Веннерстрём», который она уже давным-давно не открывала. Человек с этим именем был мертв. Последней иконкой в списке была «Арманский/Милт. Сек.». По времени создания она стала последней.

Лисбет могла клонировать его жесткий диск когда угодно ранее, но не давала себе труда сделать это, потому что работала на «Милтон» и имела доступ к информации, которую Арманский хотел бы скрыть от внешнего окружения. Ее вторжение в его компьютер не имело злого умысла: Лисбет просто хотелось знать, над чем сейчас работает агентство и как идут его дела. Она кликнула мышью и открыла папку с новой иконкой «Armanskij HD». Проверив жесткий диск, поняла, что все файлы на месте.

За компьютером Лисбет просидела до семи утра, читая докладные Арманского, финансовые отчеты, электронную почту. Под конец она задумчиво кивнула и выключила компьютер. В ванной почистила зубы, а потом пошла в спальню, разделась, бросив одежду прямо на пол, заползла в постель и проспала до половины первого пополудни.

Ежегодное отчетное собрание правления «Миллениума» происходило всегда в последнюю пятницу января. Среди присутствующих были кассир издательства, внешний ревизор и четыре совладельца: Эрика Бергер (тридцать процентов), Микаэль Блумквист (двадцать процентов), Кристер Мальм (двадцать процентов) и Харриет Вангер (тридцать процентов). На собрание также пригласили секретаря редакции Малин Эрикссон, как представителя персонала и председателя профсоюза издательства. Членами этого профсоюза, кроме нее, были Лотта Карим, Хенри Кортес, Моника Нильссон и Соня Магнуссон — менеджер по маркетингу. Малин впервые принимала участие в заседании правления.

Собрание началось в четыре часа и закончилось часом позже. Большую часть времени заняли доклады об экономическом состоянии дел в издательстве и отчет ревизора. Доклады свидетельствовали о стабильной экономической основе «Миллениума», в особенности по сравнению с кризисной ситуацией, в которой предприятие находилось два года назад. Ревизионный отчет продемонстрировал, что издательство получило прибыль в размере двух миллионов ста тысяч крон, из которых примерно миллион составил доход от продажи книги Микаэля Блумквиста о Веннерстрёме.

По инициативе Эрики Бергер было принято решение отложить один миллион на случай возможных кризисов в будущем, ассигновать двести пятьдесят тысяч крон на необходимые

расходы по ремонту редакционных помещений, закупку новых компьютеров и другого технического оснащения, а триста тысяч крон выделить на увеличение фонда зарплаты и перевод сотрудника редакции Хенри Кортеса на полную ставку. Из оставшейся суммы предлагалось выдать по пятьдесят тысяч каждому из совладельцев издательства, а еще сто тысяч разделить поровну между четырьмя постоянными работниками редакции независимо от того, заняты они на полной или неполной ставке. Шефу по маркетингу бонуса не полагалось: по условиям ее контракта, она получала определенный процент от доходов, приносимых рекламой, что время от времени делало ее самым высокооплачиваемым сотрудником. Предложение было принято единогласно.

Микаэль Блумквист высказал мнение, что следовало бы сократить бюджет на оплату материалов от независимых журналистов в пользу найма дополнительного репортера на полставки. Про себя Микаэль имел в виду Дага Свенссона, который мог бы использовать «Миллениум» как базу для своей деятельности независимого журналиста, а позже, возможно, получить постоянное место. Но эта идея вызвала возражения Эрики Бергер, считавшей, что журнал нуждается в большом количестве внештатной корреспонденции. Мнение Эрики поддержала Харриет Вангер, а Кристер Мальм воздержался от дискуссии. В конце концов было решено не трогать бюджет на внештатных корреспондентов, но посмотреть, нельзя ли несколько сократить другие расходы. Всем хотелось бы заполучить Дага Свенссона хотя бы на неполную ставку.

Вслед за короткой дискуссией о стратегических направлениях и темпах их развертывания в будущем пришло время выбора председателя правления на следующий год. Эрика Бергер была единогласно переизбрана. На этом заседании закрылось.

Малин Эрикссон не сказала на собрании ни слова. Она подсчитала в уме, что сотрудники получают от прибыли бонус на сумму двадцать пять тысяч крон, что превышает ее месячную зарплату, а значит, у нее не было причин выражать несогласие с решением правления.

Сразу после заседания Эрика Бергер попросила совладельцев остаться на внеочередное совещание. В конференц-зале остались Эрика, Микаэль, Кристер и Харриет. Едва закрылась дверь за вышедшими сотрудниками, как Эрика приступила к делу:

— На повестке дня один-единственный пункт. Согласно договоренности с Хенриком Вангером, он становится совладельцем на двухлетний срок. Сейчас этот срок истекает. Поэтому мы должны решить, как быть дальше с твоим положением — а точнее, с положением Хенрика — в качестве совладельца.

Харриет кивнула.

— Мы все хорошо знаем, что решение о партнерстве Хенрика было принято под влиянием лихорадки, вызванной особой ситуацией, — напомнила она. — Эта ситуация уже в прошлом. Что вы предлагаете сейчас?

Кристер Мальм раздраженно заерзал. В комнате он был единственным, кто понятия не имел, в чем заключалась та особая ситуация. Ему было ясно, что Микаэль и Эрика скрывают от него какую-то историю, но Эрика объяснила, что речь идет о сугубо личном деле, касавшемся Микаэля, и что он ни за что на свете не станет его обсуждать. Кристер был не настолько глуп, чтобы не понять, что причина молчания Микаэля включала что-то относящееся к Хедестаду и Харриет Вангер. Он считал, что ему не обязательно знать правду для принятия главных решений, и достаточно уважал Микаэля, чтобы устраивать шум из-за этого.

— После обсуждения втроем мы пришли к общему мнению, — начала Эрика, сделала паузу и встретилась глазами с Харриет. — Прежде чем мы изложим нашу точку зрения, хотелось бы узнать, что ты сама думаешь по этому вопросу.

Взгляд Харриет поочередно переместился на Эрику, Микаэля и Кристера. На секунду он задержался на Микаэле, но она ничего не могла прочитать на их лицах.

— Если вы хотите выкупить мою долю, то это будет стоить издательству около трех миллионов крон — это то, что семья Вангер вложила в «Миллениум», — и к этому надо прибавить проценты с прибыли. Вам такое по карману? — добродушно спросила Харриет.

— Вполне, — ответил, улыбаясь, Микаэль.

От Хенрика Вангера он получил пять миллионов за работу по поручению этого старого промышленника. Как ни странно, часть этой работы состояла в поисках Харриет Вангер.

— В таком случае решение вопроса за вами, — сказала Харриет. — В контракте написано, что вы можете выкупить долю Вангеров хоть сегодня. Я бы в жизни не составила контракт так непродуманно, как это сделал Хенрик.

— Мы можем выкупить твою долю, если потребуется, — сказала Эрика. — Вопрос именно в том, что ты собираешься делать. Ты управляешь промышленным концерном, даже двумя. Весь наш годовой бюджет соответствует вашим затратам на ежедневный кофе для служащих. Что тебе за интерес тратить время на такое второстепенное по размаху предприятие, как «Миллениум»? Мы созываем правление раз в квартал, и ты тратишь на это время и пунктуально являешься каждый раз с тех пор, как сменила на посту Хенрика.

Харриет Вангер дружелюбно улыбнулась председательнице совета, потом помолчала, посмотрела на Микаэля Блумквиста и наконец ответила:

— С момента рождения я всегда чем-то владею, и все мои дни проходят в управлении концерном, где плетут столько интриг, сколько не найдешь на четырехстах страницах любовного романа. Когда я начала заседать в вашем правлении, то выполняла свой долг — обязанность, от которой не имела права отказаться. Но представьте себе, за прошедшие восемнадцать месяцев я заметила, что мне приятнее сидеть в этом правлении, чем во всех остальных, вместе взятых.

Микаэль одобрительно кивнул. Харриет переключила взгляд на Кристера.

— Правление в «Миллениуме» игрушечное. Здесь все проблемы маленькие, понятные и прозрачные. Как и всякое предприятие, вы, естественно, хотите получать прибыль, зарабатывать деньги — это предпосылка деятельности. Но у вас совсем другая цель — вы хотите чего-то добиться.

Она выпила глоток минеральной воды «Рамлёса» и устремила взгляд на Эрику.

— Неясно, чего именно вы хотите добиться. Ваши цели попросту не определены. Вы не политическая партия и не клуб по интересам. Вам не требуется соблюдать лояльность чему-то в большей степени, чем просто лояльность друг к другу. Но вы критикуете недостатки общества и охотно точите зуб на те официальные лица, которых не любите. Часто вы хотите что-то изменить или на что-то повлиять. Даже когда вы изображаете циников и нигилистов, мне ясно, что журналом управляет определенная мораль, и я в нескольких случаях убеждалась, что она весьма своеобразна. Не знаю, как это выразить, но у «Миллениума» есть душа. Ваше правление единственное, работой в котором я горжусь.

Она замолчала, и это молчание продолжалось так долго, что Эрика рассмеялась и сказала:

— Звучит приятно, но на наш вопрос ты так и не ответила.

— Я прекрасно себя чувствую в вашей компании, и сидеть в вашем правлении для меня удовольствие. Это одно из самых сумасбродных, даже странных занятий, к которым я была причастна. В общем, если вы хотите иметь меня рядом и впредь, я останусь.

— Ладно, — отозвался Кристер. — Мы все обсудили и пришли к единодушному мнению. Мы разрываем с тобой контракт и выкупаем твою долю.

Глаза Харриет чуть расширились.

— Вы хотите избавиться от меня?

— Когда подписывался контракт, мы лежали головой на плахе и ждали удара топора. У нас не было выбора. Мы с самого начала считали дни, когда сможем выкупить долю Хенрика Вангера. — Эрика открыла папку и достала документ, который она подвинула Харриет вместе с чеком в точности на ту сумму, которая была названа той как выкуп ее доли.

Харриет мельком пробежала глазами бумагу и, не проронив ни слова, достала ручку и поставила свою подпись.

— Ну что ж, все прошло безболезненно, — прокомментировала Эрика. — Я хочу поблагодарить Хенрика за все прошедшее и за помощь, которую он оказал «Миллениуму». Я надеюсь, ты ему это передашь.

— Конечно, — безразлично ответила Харриет Вангер. Лицо не выдавало ее чувств, но она ощущала обиду и глубокое разочарование — ведь она сказала, что хотела бы остаться в правлении, а они с такой легкостью выставили ее вон. Как чертовски сильно она открылась...

— В то же время я надеюсь заинтересовать тебя совершенно другим контрактом, — продолжила Эрика Бергер.

Она достала новую пачку документов и протянула их через стол Харриет.

— Мы хотим задать вопрос: не хочешь ли ты лично стать совладельцем «Миллениума»? Сумма пая в точности та же, что ты только что получила. Разница в том, что новый контракт не содержит никаких временных ограничений или дополнительных условий. Ты вступаешь как равноправный совладелец предприятия с той же ответственностью и обязанностями, как и все остальные.

Харриет удивленно подняла брови:

— А к чему была вся эта хитроумная процедура?

— Потому что эту проблему рано или поздно нужно было решить, — сказал Кристер Малъм. — Старый контракт мы могли бы продлевать каждый год на итоговом заседании владельцев — или до первого серьезного разногласия в правлении, а тогда выставить тебя вон. Но всякий раз дело упиралось бы в контракт.

Харриет оперлась на ручки кресла и внимательно посмотрела на него, затем перевела взгляд на Микаэля и Эрику.

— Вышло так, что мы подписали контракт с Хенриком под давлением экономических обстоятельств, — сказала Эрика. — Теперь мы хотим подписать контракт с тобой, потому что хотим этого. И характерное отличие нового контракта в том, что в будущем тебя будет нелегко выставить из правления.

— В этом большая разница и для нас, — мягко заметил Микаэль. За всю дискуссию это была его единственная реплика.

— Просто-напросто мы считаем, что ты привносишь в «Миллениум» нечто большее, чем экономические гарантии, обеспеченные именем Вангер, — сказал Эрика Бергер. — Ты человек разумный, понимающий и предлагающий конструктивные решения. До сих пор ты в

основном держалась в тени, вроде гостя с кратким визитом. Но ты придаешь нашему правлению устойчивость и упорство, которых нам до тебя не доставало. Ты опытна в деловых вопросах. Однажды ты спросила, доверяю ли я тебе, и я про себя подумала, доверяешь ли ты мне. Теперь мы обе знаем ответ. Ты мне симпатична, и я тебе доверяю — и не я одна, мы все. Мы не хотим, чтобы ты присутствовала здесь как исключение из правил, в искусственно созданных пределах... Ты нужна нам как партнер и полноценный совладелец.

Харриет пододвинула контракт поближе и стала читать его, сточку за строчкой. Так продолжалось минут пять. Наконец она подняла голову.

— Так это ваше единодушное предложение? — спросила она.

Все трое кивнули. Харриет взяла ручку и подписалась. Чек она отодвинула от себя, а Микаэль его порвал.

Совладельцы «Миллениума» ужинали в «Чан Самира» на Тавастгатан. Новое партнерство отпраздновали простым застольем с хорошим вином под кускус с ягненком. Беседа текла спокойно, хотя Харриет Вангер была заметно взволнована. Чем-то это напоминало первое свидание, когда оба подозревают, что что-то должно случиться, но не знают, что именно.

Уже в половине восьмого Харриет сказала, что ей пора покинуть компанию, поскольку нужно вернуться в гостиницу и лечь пораньше. Эрика Бергер собралась домой к мужу и предложила Харриет немного пройтись — им было по пути. У Шлюза они расстались. Оставшись одни, Микаэль и Кристер еще немного посидели, а потом последний тоже сказал, что ему пора домой.

Приехав на такси в отель «Шератон», Харриет Вангер поднялась в свой номер на седьмом этаже. Она разделась, приняла ванну и завернулась в гостиничный банный халат. Устроившись у окна, выходящего на Риддорхольм, открыла пачку «Данхилла» и зажгла сигарету. За день Харриет обычно выкуривала три-четыре сигареты, и это было так мало, что она считала себя почти некурящей и могла наслаждаться озорными затяжками без угрызений совести.

В девять часов раздался стук в дверь. Харриет открыла и впустила Микаэля Блумквиста.

— Ну и стервец! — сказала она.

Микаэль улыбнулся и поцеловал ее в щеку.

— На секунду я решила, что вы и в самом деле собираетесь меня вышвырнуть.

— Мы бы никогда не сделали этого в таком виде. Ты ведь понимаешь, почему мы решили переделать контракт?

— Да, это разумно.

Микаэль приоткрыл ее халат, положил ей руку на грудь и легонько сжал.

— Ну и стервец! — повторила Харриет.

Лисбет Саландер остановилась перед дверью с табличкой «Ву». С улицы она проверила, что горит свет, а теперь слышала звуки музыки, долетавшие из-за двери. Фамилия тоже была правильная. Из всего этого Лисбет заключила, что Мириам Ву по-прежнему живет в старой однокомнатной квартире на Томтебугатан у Санкт-Эриксплан. Был вечер пятницы, и Лисбет думала, что Мимми, скорее всего, не дома, а где-нибудь развлекается, а в квартире будет темно. Сейчас оставалось разобраться, захочет ли Мимми по-прежнему знаться с ней, одна ли она и доступна ли для общения.

Лисбет нажала на кнопку звонка.

Мимми открыла дверь и изумленно взметнула брови, затем прислонилась к дверному косяку и подбоченилась.

— Саландер, да это ты! А я уже думала, ты умерла или что-то вроде того.

— Вроде того, — подтвердила Лисбет.

— А чего тебе надо?

— На этот вопрос есть много ответов.

Мириам Ву оглядела лестничную площадку и снова взглянула на Лисбет.

— Ну, дай хоть один ответ.

— Да вот, думала узнать, по-прежнему ли ты одна и не нужна ли тебе компания на ночь.

Мимми изумленно вытаращила глаза, а потом начала дико хохотать.

— Ну, ты даешь! Ты же единственная из всех моих знакомых, кому может прийти в голову позвонить мне в дверь после полуторалетнего отсутствия и просто-напросто спросить, не хочу ли я потрахаться.

— А ты хочешь, чтобы я ушла?

Мимми перестала смеяться, секунду постояла молча, а потом сказала:

— Лисбет... да ты никак всерьез.

Та выжидающе молчала.

В конце концов Мимми вздохнула и впустила гостью:

— Заходи. Уж на чашку кофе можешь рассчитывать.

Лисбет зашла в квартиру и села на одну из двух табуреток, стоявших возле обеденного стола. Сам стол находился в прихожей, почти вплотную к входной двери. Квартира жилой площадью двадцать четыре квадратных метра состояла из тесной комнатухи и безалаберно обставленной прихожей. Роль кухни играл закуток в одном из углов прихожей, а вода туда поступала через шланг, протянутый из туалета.

Лисбет следила взглядом за Мимми, пока та наливала воду в кофейник. Мать девушки была из Гонконга, а отец — из Будена на севере Швеции. Еще Лисбет знала, что родители Мимми живут в Париже. Мимми изучала социологию в Стокгольме, а ее старшая сестра училась на антрополога в США. Материнские гены проявились у Мимми в черных как вороново крыло, прямых волосах, которые она коротко стригла, и в легком восточном налете, запечатлевшемся на ее лице. Что касается отца, то от него ей достались ясные голубые глаза. Все это вместе делало ее внешность весьма своеобразной. В кого у нее большой рот и ямочки на щеках — неясно, но не в маму с папой.

Мимми был тридцать один год. Она любила наряжаться в одежду из латекса, любила тусоваться по клубам, где показывали стрип-шоу. Она и сама иногда в них выступала. Лисбет перестала ходить в клубы с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать лет.

Помимо учебы, раз в неделю Мимми подрабатывала продавщицей в «Домино фэшн» на одной из улиц, пересекающих Свеавеген. Покупатели обычно интересовались моделями одежды типа формы санитарки, сделанной из резины, или комплектами одежды для ведьмы из черной кожи. Такие наряды «Домино» кроило и шило. Мимми и несколько ее подружек были совладельцами магазина, что означало небольшую прибавку в размере нескольких тысяч крон в месяц. Впервые Лисбет Саландер увидела Мимми на одном нетрадиционном шоу во время гей-фестиваля пару лет назад и в тот же вечер встретила ее в пивной палатке. Мимми была одета в необычный лимонно-желтый костюм из облегающего пластика, так что он обнажал больше, чем прикрывал. Лисбет не врубилась в эротические нюансы этого

наряда, и она была достаточно пьяна, чтобы вдруг начать заигрывать с девицей, одетой под цитрусовый фрукт. Изумлению Лисбет не было предела, когда цитрус уставился на нее, захохотал, бесцеремонно поцеловал ее и сказал: «Вот тебя-то я и хочу!» Потом они пошли домой к Лисбет и всю ночь занимались сексом.

— Какая есть, такая есть, — заметила Лисбет. — Я уехала, чтобы сбежать от всего и всех. Конечно, надо было попроситься.

— Я думала, с тобой что-то случилось. Когда ты была здесь, мы не так уж тесно общались.

— Я была занята.

— Ты вся покрыта тайнами: никогда не рассказываешь о себе. Я не знаю ни где ты живешь, ни куда звонить, если твой мобильник не отвечает.

— Сейчас я нигде не работаю. А потом, ты такая же «таинственная», как я. Секс тебя интересовал, а отношения — не слишком. Разве не так?

Мимми посмотрела на Лисбет.

— Вообще-то так, — ответила она наконец.

— Так же было и со мной. Я тебе никогда ничего не обещала.

— Но ты изменилась, — заметила Мимми.

— Не слишком.

— Ты выглядишь старше, более зрелой. Ты по-другому одета. И ты что-то напихала в бюстгальтер.

Лисбет не возражала, только поерзала на табуретке. Мимми коснулась темы, которая была для нее чувствительна, и она не представляла себе, как ей объяснить суть дела. Мимми раньше видела ее обнаженной, и она не может не заметить происшедших изменений. Наконец Лисбет поникла головой и пробормотала:

— Я обзавелась грудью.

— Что-что?

Лисбет подняла голову и повысила голос, не отдавая себе отчета в том, что его тон стал вызывающим:

— Я ездила в клинику в Италию и прооперировалась. У меня настоящая, не искусственная грудь. Поэтому я и исчезла. А потом я продолжала ездить. Теперь я снова вернулась.

— Ты шутишь?

Лисбет безучастно взглянула на Мимми.

— Ну и дура же я. Ты ведь никогда не шутишь.

— Я не собираюсь извиняться, и тебе я говорю только правду. Хочешь, чтобы я ушла, — только скажи.

— И у тебя действительно новая грудь?

Лисбет кивнула. Мимми прыснула от смеха, а гостя помрачнела.

— Во всяком случае, не уходи, пока я не увидела, как она выглядит. Ну, пожалуйста. Please.

— Мимми, мне всегда нравился секс с тобой. Тебе было до лампочки, чем я занимаюсь, и если у меня был кто-то, ты находила себе другую. И тебе наплевать с высокой колокольни, что о тебе думают.

Мимми кивнула. То, что она лесбиянка, она поняла еще в старших классах школы и

после серии робких, мучительных попыток была наконец посвящена в тайнства эротики в возрасте семнадцати лет, когда чисто случайно пошла со знакомой на праздник, проводившийся в Гётеборге Союзом за права гомо-, би— и транссексуальных личностей. С тех пор она не думала меняться. Как-то раз, когда ей было двадцать три, она попробовала секс с мужчиной. Мимми механически выполнила все, что от нее ожидалось, но удовольствия не получила. К тому же она принадлежала к тому меньшинству людей, которые ничуть не интересуются брачными узами, верностью и домашними вечерами в уютном семейном гнездышке.

— Я вернулась в Швецию несколько недель назад, и мне интересно, доступна ли ты, или мне надо кого-то себе пригласить.

Мимми поднялась и подошла к Лисбет, склонилась над ней и поцеловала в губы.

— Я думала позубрить кое-что по программе.

Потом она расстегнула верхнюю пуговицу на блузке Лисбет.

— Тогда чего ты...

Мимми поцеловала ее снова и расстегнула следующую пуговицу.

— Это я обязательно должна увидеть.

И снова ее поцеловала.

— Добро пожаловать обратно.

Харриет Вангер заснула ближе к двум часам ночи, а Микаэль Блумквист так и не задремал, а лежал, прислушиваясь к ее дыханию. Наконец он встал, вытащил пачку «Данхилла» из ее сумочки и, сев на стул у кровати, стал наблюдать за спящей.

Становиться любовником Харриет Вангер никак не входило в его планы. После всего пережитого в Хедестаде Микаэль ощущал едва ли не необходимость держаться от семейства Вангер подальше. Он пересекался с Харриет на заседаниях правления прошлой весной, но соблюдал вежливую дистанцию. Они знали тайны друг друга, и потому каждый из них был в руках другого, но помимо обязанностей Харриет в правлении «Миллениума» их отношения практически прекратились.

Год назад на Троицу Микаэль впервые за несколько месяцев поехал на свою дачу в Сандхалене — побыть одному, посидеть на причале, почитать детектив. В пятницу пополудни, вскоре после приезда, он направился в киоск за сигаретами, и вдруг ему навстречу попала Харриет. Ей хотелось отвлечься от Хедестада, и она забронировала себе номер в отеле в Сандхамне на выходные. Это было место, куда она не возвращалась с детства. Швецию Харриет покинула в шестнадцать лет, а вернулась в пятьдесят три. Именно Микаэль разыскал ее.

После вежливых взаимных приветствий Харриет стыдливо замолчала. Микаэль знал ее историю. Она же знала, что он пожертвовал своими принципами, чтобы утаить страшные тайны семейства Вангер. В известной степени он сделал это ради нее.

Вежливый Микаэль предложил ей посмотреть его дом. Он сварил кофе, и они просидели на открытой веранде несколько часов, разговаривая не умолкая. Это было их первое серьезное общение с тех пор, как она вернулась в Швецию. Микаэль не сдержался и спросил:

— А что вы сделали с тем, что нашли в подвале Мартина Вангера?

— А вы в самом деле хотите знать?

Он кивнул.

— Я все убрала там сама: сожгла все, что только горело, а затем наняла рабочих снести дом. Я не смогла бы жить в нем и не могла бы продать его, чтобы там кто-то обосновался. Для меня этот дом — олицетворение жестокости. Я думаю построить на том участке дом поменьше, дачу.

— И никто не пришел в изумление, когда дом сносили? Ведь это была роскошная современная вилла.

Усмехнувшись, Харриет объяснила:

— Дирк Фруде распустил слух, что дом так безнадежно поражен грибком, что его санитарная обработка обойдется дороже.

Дирк Фруде был адвокатом семейства Вангер.

— А как поживает Фруде?

— Ему скоро семьдесят, и я забочусь о том, чтобы он не сидел без дела.

Ужинали они вместе, и Микаэль вдруг отметил про себя, что Харриет делится с ним самыми интимными деталями своей жизни. Когда он прервал ее, спросив, почему она это делает, она задумалась, а потом сказала, что, пожалуй, на всем свете нет никого другого, от кого ей нечего скрывать. Вдобавок к чему ей защищаться от мальчонки, которого она нянчила почти сорок лет назад?

За всю жизнь у нее был секс с тремя мужчинами. Первым был ее отец, вторым — ее брат. Папашу она убила, а от брата убежала. Все же ей удалось как-то выжить, встретить мужчину, ставшего ее мужем, и начать новую жизнь.

— Муж был нежный и любящий человек, надежный, благородный. С ним я была счастлива. Мы прожили почти двадцать лет, пока он не заболел.

— Почему же вы больше не вышли замуж?

Харриет пожала плечами:

— Я жила в Австралии одна с тремя детьми, и на мне было огромное фермерское хозяйство. Ради романтического свидания я не могла бы удрать даже на уик-энд. А отсутствие секса меня не волновало.

Они помолчали.

— Ну что ж, уже поздно, мне пора возвращаться в гостиницу.

Блумквист кивнул.

— Ты хочешь меня соблазнить.

— Да, — ответил Микаэль.

Он поднялся, взял ее за руку и повел наверх в спальню. Вдруг Харриет остановила его.

— Я даже толком не знаю, как себя вести, — сказала она, — так давно я это не делала.

Выходные дни они не разлучались, а потом встречались раз в три месяца, когда она приезжала на заседания правления «Миллениума». Нельзя сказать, что это были продуманные или особенно крепкие отношения. Харриет Вангер работала круглые сутки и часто уезжала. Каждый второй месяц она проводила в Австралии. Но, безусловно, стала дорожить своими редкими, случайными встречами с Микаэлем.

Через пару часов Мимми варила кофе, а Лисбет лежала на кровати, обнаженная и вспотевшая, курила сигарету и поглядывала на Мимми через приоткрытую дверь. Как она завидовала фигуре Мимми! Особенно впечатляющим мускулам. Тренировки в спортзале на снарядах два раза в неделю, а еще тайский бокс или какая-то разновидность карате раз в неделю привели к тому, что ее тело было в отличной форме.

Она просто классно выглядела: не как фотомоделка, а как привлекательная здоровая женщина. В ее характере была склонность провоцировать и дразнить других. Приодевшись на праздник, она могла обратить на себя внимание кого угодно. Лисбет не могла взять в толк, почему Мимми вообще есть дело до такой клуши, как она.

Но Лисбет была рада, что Мимми к ней не безразлична. Секс с ней был такой раскрепощающий, что Лисбет наслаждалась сама и доставляла удовольствие ей.

Мимми подошла к кровати с двумя кружками и поставила на табуретку у кровати. Затем снова залезла в постель, нагнулась и потрогала соски Лисбет.

— Порядок, вполне годятся, — заверила она.

Лисбет ничего не сказала, засмотревшись на грудь Мимми, оказавшуюся у нее прямо перед глазами. У Мимми тоже были довольно маленькие груди, но они выглядели очень естественно на ее теле.

— Честно говоря, Лисбет, ты выглядишь просто офигенно.

— Глупости. Грудь мне ничего не прибавляет и ничего не убавляет, просто теперь она у меня хотя бы есть.

— Да ты зациклилась на своем теле.

— Как бы не так; сама, вон, тренируешься как чокнутая.

— Я тренируюсь, потому что получаю от этого удовольствие. Это мне в кайф, почти как секс. Ты бы тоже попробовала!

— Я же хожу на бокс, — возразила Лисбет.

— Ерунда! Ты приходишь побоксовать раз в месяц, от случая к случаю, да и то потому, что тебе захотелось отделать наглых мальчишек, а не для того, чтобы хорошо себя чувствовать.

Лисбет пожала плечами, а Мимми уселась на нее сверху.

— Лисбет, ты неумеренно занята собой и своим телом. До тебя доходит, что мне нравится с тобой в постели не из-за твоей внешности, а от того, как ты себя ведешь? Ты мне кажешься ужасно сексуальной.

— И ты мне тоже. Я потому к тебе и вернулась.

— А не потому, что ты меня любишь? — притворно-обиженным голосом спросила Мимми.

Лисбет покачала головой.

— У тебя есть кто-нибудь сейчас?

Мимми секунду поколебалась, а потом кивнула:

— Может быть. Вроде того. По-видимому. В общем, это непросто.

— Я не выпытываю.

— Я знаю, но могу и рассказать. Это женщина из университета, старше меня, замужем с двадцатилетнего возраста. Мы встречаемся втайне от ее мужа: в пригороде, на вилле — в таком духе. Она скрытая лесбиянка.

Лисбет кивнула.

— Ее муж довольно много ездит, и тогда мы видимся. Это у нас началось еще осенью, и мне уже чуть наскучило. Но она очень хороша собой. А еще я общаюсь со старой компашкой.

— Я как раз хотела тебя спросить, будем ли мы с тобой дальше встречаться.

Мимми кивнула:

— Я с удовольствием.

— Даже если я опять исчезну на полгода?

— А ты будь в контакте. Мне ведь не безразлично, жива ты или нет. Я даже твой день рождения помню.

— Никаких условий друг другу не ставим?

Мимми улыбнулась и вздохнула.

— Вообще-то, ты именно такая телка-лесбиянка, с которой я ужилась бы вместе. Ты бы ко мне не лезла, когда я этого не хочу.

Лисбет молчала.

— Если не считать того, что ты вообще-то не лесбиянка. Возможно, ты бисексуалка. Но главное — ты сексуальна: любишь секс и плюешь на пол партнера. Ты — образчик энтропии и хаоса.

— Не знаю, какая я, — заметила Лисбет, — но я вернулась в Стокгольм. Что я знаю, так это что я бездарна в отношениях с людьми. По правде говоря, я вообще в городе ни с кем не знакома; ты первая, с кем я разговариваю после приезда.

Мимми серьезно на нее посмотрела:

— Тебе в самом деле не нужны знакомые? Ты ведь самая замкнутая и неприступная из всех, кого я знаю.

Они немного помолчали.

— Но твоя грудь — это нечто! — Мимми подцепила сосок подружкиной груди и оттянула его. — Она тебе под стать: не маленькая и не большая.

Лисбет облегченно вздохнула от очередного одобрительного заключения.

— И на ощупь как натуральная.

Она так сильно щипнула сосок, что у Лисбет дух захватило, и она открыла рот. Они посмотрели друг на друга, потом Мимми наклонилась и враскорячку поцеловала Лисбет. Та ответила и обхватила Мимми руками. Кофе так и остался нетронутым.

Суббота, 29 января — воскресенье, 13 февраля

Верзила-блондин свернул на Свавельшё между Ерна и Вагнхерад в субботу в одиннадцать утра. Населенный пункт состоял из примерно пятнадцати домов. Блондин остановился у последнего строения, метрах в ста пятидесяти от самой деревни. Это была старая обшарпанная постройка, вмещавшая раньше типографию, а теперь извещавшая вывеской, что здесь располагается мотоклуб «Свавельшё МК». Хотя улица была совершенно безлюдна, верзила тщательно огляделся, прежде чем открыть машину и выйти. Было прохладно. Он натянул коричневые кожаные перчатки и вынул из багажника черную спортивную сумку.

Он не особенно беспокоился, видит ли его кто. Старая типография размещалась так, что было почти невозможно припарковать машину без того, чтобы это было заметно. Если бы какая-то государственная служба хотела бы установить наблюдение за зданием, ей потребовалось бы одеть своих сотрудников в камуфляж и снабдить телескопом где-нибудь в канаве по другую сторону поля. А это очень скоро обнаружили бы жители деревни и разнесли в сплетнях, а поскольку тремя домами в поселке владели члены «Свавельшё», это стало бы известно всему клубу.

Входить в здание он не собирался. Полиция уже несколько раз делала обыск в помещении клуба, и потому не было уверенности в том, что никакого подслушивающего устройства тайно не установили. Это означало, что традиционно разговоры в клубе касались машин, баб и выпивки, иногда обсуждались акции, куда стоит вложить средства, и очень редко — темные дела с возможным драматическим исходом.

Вот почему верзила-блондин терпеливо ждал, пока Карл Магнус Лундин выйдет во двор. Магге Лундин, тридцати шести лет, был председателем клуба. Вообще-то он был довольно костлявый, но с годами набрал немалый вес и теперь выделялся заметным пивным брюшком. Белокурые волосы, завязанные конским хвостом, тяжелые сапоги, черные джинсы и солидная зимняя куртка составляли его внешний облик. В его послужном списке числилось пять судимостей: две — за незначительные нарушения в связи с наркотиками, одна — за сбыт краденого в крупных размерах, еще одна — за угон машины и управление ею в нетрезвом виде. Пятая судимость была самая серьезная, по ней он получил восемнадцать месяцев за причинение тяжких телесных повреждений. Это случилось несколько лет назад, когда он, выпив, начал дебоширить в одном пивной в Стокгольме.

Магге Лундин и верзила пожали друг другу руки и не спеша пошли вдоль изгороди вокруг усадьбы.

— Последний раз дело было несколько месяцев назад, — заметил Магге.

Верзила-блондин кивнул.

— Есть классная фишка: три тысячи шестьдесят граммов амфетамина.

— Делимся, как и в прошлый раз?

— Попролам.

Магге Лундин вынул пачку сигарет из нагрудного кармана и кивнул. Ему нравилось вести дела с верзилой. Розничная цена амфетамина была сто шестьдесят — двести тридцать крон за грамм в зависимости от спроса. Значит, три тысячи шестьдесят граммов могут в среднем потянуть на шестьсот тысяч крон. Мотоклуб «Свавельшё» мог бы поделить три

килограмма на порции по двести пятьдесят граммов и распределить среди своих постоянных продавцов. Тогда цена упадет до ста двадцати — ста тридцати крон за грамм, а значит, общий доход уменьшится.

Этот бизнес был исключительно выгоден для мотоклуба. Достоинством сделок с верзилой было то, что предоплаты не требовалось и никакого базара о твердых ценах не возникало. Верзила поставлял товар и забирал себе пятьдесят процентов выручки, что было вполне приемлемо. Они примерно знали, сколько им принесет продажа килограмма амфетамина, но реальный доход зависел от того, насколько прибыльно раскрутит дела Магге Лундин. Сумма всей выручки может отклониться на несколько тысяч в минус или плюс, но по окончании операции верзила-блондин должен получить примерно сто девяносто тысяч крон — столько же, сколько и мотоклуб «Свавельшё».

За последние годы они много раз были партнерами в этом деле. Магге Лундин понимал, что верзила мог бы удвоить свой доход, если бы сам командовал посредниками. Он также знал, почему тот считал за лучшее оставаться в тени: так он оставался на заднем плане, тогда как весь риск ложился на байкеров. При таком раскладе верзила получал меньший, но сравнительно надежный доход. В отличие от других поставщиков, о которых Магге Лундин доводилось слышать, их партнерство имело в основе деловой подход, кредит и доверие. Между ними не было ни ссор, ни пререканий, ни угроз.

Случилось раз, что верзила-блондин погорел на сто тысяч крон, когда сорвалась поставка оружия. Сам Магге Лундин не знал никого в их бизнесе, кто понес бы такой убыток. Он был в панике, когда надо было докладывать, как это произошло. Он в деталях рассказал, почему все провалилось и как случилось, что полицейский из Центра профилактики преступности провел обыск у одного из членов общества «Арийское братство» в Вермланде. Но верзила даже бровью не повел. И чуть ли не посочувствовал: всякое, мол, бывает. Магге Лундин никакой выручки не получил: пятьдесят процентов от нуля равны нулю. Но и долга не было — его списали.

Магге Лундин был неглуп. Он понимал, что с точки зрения бизнеса меньший доход, сопряженный с меньшим риском, — здравый принцип. Ему даже в голову не приходила идея надуть партнера. Это было бы делом дурного пошиба: верзила и его компаньоны соглашались на меньшую выручку, если расчеты велись без обмана. Случись Лундину обжулить верзилу, он бы вряд ли остался в живых после очередного приезда партнера. Так что думать об этом не стоило.

— А когда привезешь продукт?

Верзила-блондин поставил спортивную сумку на землю.

— Уже привез.

Магге Лундин даже не потрудился открыть сумку и проверить ее содержимое. Вместо этого он протянул руку для рукопожатия в знак того, что будет безоговорочно следовать договору.

— Есть еще одна работенка, — сказал верзила.

— Какая?

— Мы хотим нанять тебя для одного специального дела.

— Ну, говори.

Верзила-блондин достал конверт из внутреннего кармана куртки и протянул Магге. Там лежала фотография паспортного размера и листок с личными данными. Лундин вопросительно взглянул на верзилу.

— Ее зовут Лисбет Саландер, живет на улице Лундагатан в районе Сёдермальм в Стокгольме.

— Так.

— Может быть, сейчас она за границей, но рано или поздно снова появится.

— Так.

— Мой заказчик хочет поговорить с ней спокойно и без помех, так что ее нужно доставить живой. Есть предложение привезти ее на склад в Ингерн. Затем нужно, чтобы кто-нибудь прибрал там после разговора. Она должна бесследно исчезнуть.

— Это мы можем. А как мы узнаем, что она вернулась домой?

— Я тебе дам знать, когда надо будет.

— Сколько?

— Как насчет десяти кусков за все? Работа ведь простая: съездить в Стокгольм, забрать ее и привезти ко мне.

И они снова обменялись рукопожатием.

Вторично приехав на Лундагатан, Лисбет села на свой продавленный диван и задумалась. Ей нужно было принять ряд стратегических решений, и одно из них касалось этой квартиры: оставлять ее за собой или нет.

Закурив, она выпустила дым в потолок и стряхнула пепел в банку из-под кока-колы. У нее не было оснований любить эту квартиру. Сюда она въехала с мамой и сестрой, когда ей было четыре года. Гостиную заняла мама, а они с Камиллой делили маленькую спальню. Когда ей было двенадцать и случилась «Вся Та Жуть», ее поместили в детскую клинику, а позже, когда ей исполнилось пятнадцать лет, они стали жить в разных приемных семьях. Квартиру сдавал съемщикам ее опекун Хольгер Пальмгрен, и он же позаботился о том, чтобы жилплощадь вернулась к ней в восемнадцать лет, когда Лисбет нуждалась в крыше над головой.

Квартира была надежным оплотом ее существования на протяжении последних лет. Несмотря на то что Лисбет в ней больше не нуждалась, мысль избавиться от нее была неприятна. Это означало бы, что чужие люди расхаживали бы по ее полу.

Оставалась чисто техническая проблема: вся ее почта, если она к ней вообще поступала, приходила на Лундагатан. Расставшись с этой квартирой, Лисбет должна будет завести себе новый почтовый адрес. А она отнюдь не хотела быть гражданским лицом, завязанным на разных ведомствах. У нее была параноидальная боязнь списков и регистраций и не было особых причин доверять каким-то учреждениям, да и кому-либо вообще.

Выглянув в окно, Лисбет увидела пожарную лестницу со стороны заднего двора, ту самую лестницу, что видела всю свою жизнь. Вдруг она почувствовала облегчение от того, что решила распрощаться с квартирой. Здесь она никогда не чувствовала себя в безопасности. Каждый раз, сворачивая на Лундагатан и приближаясь к своей парадной, будучи трезвой или в подпитии, Лисбет осматривалась вокруг, приглядывалась к припаркованным машинам и прохожим. Она была внутренне убеждена, что где-то есть люди, желавшие ей зла, и что, вздумай они наброситься на нее, то, скорее всего, выбрали бы момент, когда она входит к себе в дом или выходит из него.

Однако до сих пор на нее никто не нападал. Это, конечно, не значит, что можно расслабиться: адрес на Лундагатан был указан в любом официальном списке. Но за все прошедшие годы у Лисбет никогда не было денег на то, чтобы упрочить свою безопасность

— помимо того, чтобы всегда оставаться начеку. Теперь все было иначе. Лисбет хотела, чтобы ни одна живая душа не знала ее адрес на Мосебакке. Инстинкт подсказывал ей по возможности соблюдать анонимность.

Но эти мысли не решали проблему, что ей делать с квартирой. Она еще пораскинула мозгами, потом взяла мобильный телефон и позвонила Мимми.

— Привет, это я.

— Привет, Лисбет. Неужели на этот раз ты надумала мне позвонить уже через неделю после встречи?

— Я на Лундагатан.

— Ну и?..

— Хотела спросить у тебя, не хочешь ли перебраться в мою квартиру.

— Перебраться?

— Из твоей конуры.

— Мне и тут хорошо. А ты переезжаешь?

— Уже переехала, и эта квартира стоит пустая.

Мимми затихла на другом конце провода.

— Что толку спрашивать, не хочу ли я в нее перебраться? Лисбет, она мне же не по карману.

— Права на квартиру полностью выкуплены. Ежемесячная плата за обслуживание и ремонт всего тысяча четыреста восемьдесят крон, а это, наверное, меньше, чем ты платишь за свою конуру. К тому же все это проплачено на год вперед.

— Может, ты хочешь ее продать? Скорее всего, она стоит немного больше миллиона.

— Почти полтора, если верить газетным объявлениям.

— Но у меня нет денег.

— Я не собираюсь ее продавать. Можешь перебираться, когда хочешь, хоть сегодня, и жить сколько хочешь, а платить ничего не надо целый год. Я не могу сдавать ее внаем, но могу вписать тебя в контракт как свою сожительницу, тогда у тебя не будет заморочек с домоуправлением.

— Лисбет, ты что, делаешь мне предложение руки и сердца? — хихикнула Мимми.

Лисбет хранила мрачную серьезность.

— У меня нет нужды в квартире, но я не хочу ее продавать.

— Хочешь сказать, что я могу в ней жить типа бесплатно? Ты что, серьезно?

— Да.

— А долго?

— Сколько хочешь. Ну как, ты согласна?

— Еще бы! Не каждый день мне преподносят бесплатную квартиру в таком районе, как Сёдер.

— Есть одно требование.

— Я так и знала!

— Живи сколько хочешь, но я по-прежнему зарегистрирована здесь, и мне может приходиться почта. От тебя лишь потребуется откладывать присланное мне и давать знать, если это может представлять интерес.

— Лисбет, ты самая странная девица из всех, кого я знаю. Ты чем вообще занимаешься и где собираешься жить?

— В другой раз расскажу, — уклончиво ответила Лисбет.

Они договорились встретиться в тот же день после обеда, чтобы Мимми могла как следует посмотреть квартиру.

Закончив разговор, Лисбет сразу почувствовала облегчение. Она взглянула на часы и отметила, что времени до прихода Мимми полным-полно. Из дома она направилась к «Хандельсбанку» на Хорнгатан, там взяла талончик с номером и стала терпеливо ждать своей очереди.

Предъявив удостоверение личности, Лисбет объяснила, что какое-то время провела за границей, а теперь хочет посмотреть, каков баланс на ее счете. Оказалось, что ее накопления составляют восемьдесят две тысячи шестьсот семьдесят крон. Сумма на счете оставалась неизменной весь год за исключением поступления девяти тысяч трехсот двенадцати крон осенью. Это было наследство ее матери.

Лисбет Саландер сняла наличную сумму, равную наследству, и на минуту задумалась. Она хотела найти этим деньгам такое применение, какое порадовало бы ее мать. Раздумывая над тем, что бы подошло, она дошла до почты на Розенлундсгатан и там отослала деньги в один из стокгольмских женских кризисных центров от анонимного отправителя. Она и сама не знала, зачем это сделала.

Было восемь часов вечера в пятницу, когда Эрика выключила компьютер и потянулась. Последние девять часов она провела за доработкой мартовского номера «Миллениума». Малин Эрикссон была полностью занята подготовкой тематического номера вместе с Дагом Свенссоном, так что большую часть редакторской работы Эрике пришлось взять на себя. Хенри Кортес и Лотта Карим сделали попытку помочь, но они были не слишком опытными редакторами, потому что в основном собирали материал и писали статьи.

Эрика Бергер чувствовала страшную усталость и боль в спине, но испытывала удовлетворение от сделанного в течение дня, да и в жизни целом. Финансовая ситуация в журнале была стабильна, кривые популярности издательства шли вверх, тексты поступали к оговоренному сроку, а если и запаздывали, то не катастрофически, сотрудники были довольны и даже год спустя после дела Веннерстрёма сохраняли душевный подъем.

Немного помассировав затылок, Эрика поняла, что больше всего ей сейчас нужен душ. Она подумала, не воспользоваться ли ей душевой кабинкой возле кухонного уголка, но чувствовала себя такой разбитой, что просто положила ноги на письменный стол. Через три месяца ей стукнет сорок пять, а пресловутое будущее стало все больше чувствоваться где-то позади. Даже обзаведясь тонкой сеточкой морщин в уголках глаз и возле рта, Эрика выглядела хорошо — это она знала. Два раза в неделю она изнуряла себя в гимнастическом зале, и все же стала замечать, что ей все труднее взбираться на мачту, когда они с мужем ходят под парусом. Именно ей приходилось лазать, потому что Греггер страдал головокружениями.

Эрика решила, что первые сорок пять лет ее жизни, при всех взлетах и падениях, вышли в целом счастливыми. У нее были деньги, положение в обществе, отличный дом и любимая работа. Еще — заботливый и любящий муж, все еще влюбленный в нее после пятнадцати лет брака. А кроме того — приятный и неутомимый любовник, который услаждал если не ее душу, так тело, когда ей требовалось.

При мысли о Микаэле Блумквисте Эрика улыбнулась. Интересно, когда он соберется с силами посвятить ее в тайну своих отношений с Харриет Вангер? Ни Микаэль, ни Харриет

не обмолвились ни словом о своей связи, но Эрика была не лыком шита. Она догадалась, что между ними что-то есть, на одном из заседаний правления в августе, когда подметила, как переглянулись Микаэль и Харриет. От отчаяния она попыталась дозвониться им обоим на мобильник и не слишком удивилась, что они оказались отключены. Это, конечно, нельзя считать решающим доказательством, но и после следующего заседания правления Микаэль был недоступен весь вечер. Внутренне Эрика даже посмеивалась над тем, как быстро Харриет ушла с ужина после годового отчетного собрания, сославшись на необходимость вернуться в гостиницу и лечь спать. Эрика не стала их отслеживать — она не была ревнива, — но решила при случае как-нибудь подпустить им шпильку.

Она совершенно не вмешивалась в романы Микаэля с другими женщинами и надеялась, что его связь с Харриет не приведет к проблемам в правлении. Тут не о чем беспокоиться. У Микаэля был уже целый ряд завершившихся романов, но он оставался в дружеских отношениях с бывшими любовницами и очень редко попадал в неприятные ситуации.

Сама Эрика Бергер была бесконечно рада иметь такого друга и верного соратника, как Микаэль. В некоторых ситуациях он вел себя глупо, зато иногда проявлял такое чутье, что открывал себя в роли оракула. Чего он никогда не мог понять, так это ее чувств к мужу. До него совершенно не доходило, почему она воспринимает Грегера как удивительного человека, теплого, обаятельного, великодушного, а главное — лишенного тех недостатков, которые терпеть не могла в других мужчинах. Грегер был именно тем мужчиной, с которым ей хотелось прожить в старости. Эрика хотела иметь детей от него, но раньше это было невозможно, а теперь — поздно. И все же в выборе спутника жизни она не видела лучшей и более надежной альтернативы. На него она могла безоговорочно положиться, и он всегда был рядом, когда она нуждалась в нем.

Микаэль был мужчиной совершенно другого склада. При столь переменчивом характере он производил впечатление человека, в котором совмещаются несколько личностей. В профессиональной деятельности Микаэль был упрям и проявлял почти патологическую способность сосредотачиваться на своем деле. Он вгрызался в сюжет какой-то истории и работал над ним, пока не добивался совершенства и не оставлял ни одного вопроса без ответа. Его лучшие публикации были блестящими, в худших он все же оставался на уровне выше среднего. Он обладал талантом интуитивно угадывать, в какой истории есть изюминка, а в какой не обнаружится ничего, кроме второстепенных банальностей. Эрика ни разу не пожалела, что начала сотрудничать с Микаэлем.

О чем она также не жалела, так это о том, что стала его любовницей.

Единственным, кто понимал страсть Эрики Бергер к сексу с Микаэлем Блумквистом, был ее муж. И все потому, что она осмелилась обсудить с ним свою сексуальную тягу. Речь шла не об измене, а о вожделении. Секс с Микаэлем давал ей такой мощный импульс, какого ей не мог дать ни один мужчина, включая Грегера.

В жизни Эрики Бергер секс играл важную роль. Потеряв невинность в четырнадцать лет, она провела большую часть юности в поисках наслаждений. Чего только не перепробовала: от грубых приставаний одноклассников и скорой связи с немолодым учителем до секса по телефону и бархатного секса с психически неуравновешенным мужчиной. В эротике она перепробовала все самое интересное. Ее практика включала членство в клубе «Экстрим», где устраивались развлечения, не вполне одобряемые общественностью. Несколько раз она пробовала секс с женщинами, но была всякий раз разочарована и поняла, что это не для нее и что женщины не вызывали в ней и десятой доли того возбуждения, которое у нее возникало

с женщиной. Или двумя. На пару с Греггером они пробовали секс втроем. Вторым мужчиной был один известный владелец художественной галереи. Оказалось, что у ее мужа сильная склонность к бисексуальности, да и сама она чуть ли не теряла сознание от блаженства, когда двое мужчин одновременно ласкали и удовлетворяли ее. Другое, трудноописуемое возбуждение возникало у нее, когда она наблюдала, как ее мужа услаждает другой мужчина. Встряски такого рода они затем повторяли с двумя другими регулярно приходящими партнерами.

В общем, ее сексуальную жизнь с Греггером нельзя назвать скучной или неудовлетворительной, но Микаэль Блумквист доставлял ей совершенно особое переживание. У него был талант. Он просто-напросто занимался с ней ФС — феноменальным сексом. Столь феноменальным, что Эрика достигла оптимального баланса с Греггером как мужем и Микаэлем как любовником. Она не могла жить без них обоих и не собиралась никому из них отдавать предпочтение. Ее муж оказался способен понять, что у Эрики есть и другие потребности помимо тех, которые он сам мог бы ей предложить, — например, в виде хитроумных акробатических поз в джакузи.

В отношениях с Микаэлем Эрика больше всего ценила отсутствие желания контролировать ее. Он ни капли не был ревнив, и хотя у нее самой несколько раз разгорались вспышки ревности, когда их отношения еще только завязывались двадцать лет назад, она быстро поняла, что ревновать его бессмысленно. Их отношения строились на дружбе, а в дружбе Микаэль был безгранично верен. У них были отношения, способные выдержать самые тяжелые испытания.

Эрика Бергер прекрасно понимала, что принадлежит к кругу людей, чей образ жизни вряд ли получил бы одобрение членов союза христианок-домохозяек из Шёвде, но ее это ничуть не волновало. Еще в юности Эрика решила: что бы она ни вытворяла в постели и как бы ни строила свою жизнь, это касается только ее, и никого другого. Однако ее раздражало, что многие знакомые шептались и судачили о ее отношениях с Микаэлем Блумквистом, причем всегда за ее спиной.

Будучи женщиной, Микаэль мог перемещаться из одной постели в другую — никто и бровью не поведет. Эрика же была женщиной, имевшей единственного любовника, остававшейся верной ему в течение двадцати лет, причем с полного согласия своего мужа. Это, конечно, становилось темой досужих разговоров.

«А пошли вы все...» — решила она, затем подняла телефонную трубку и позвонила мужу:

— Привет, милый. Что делаешь?

— Пишу.

Греггер Бекман был не только художником, но и преподавателем — доцентом по истории искусства, а также автором нескольких книг в этой области. Он часто принимал участие в общественных дебатах и приглашался для консультаций архитектурными бюро. Последний год Греггер работал над книгой о важности художественного оформления зданий и анализировал причины, почему людям нравятся одни здания и не нравятся другие. Книга начала превращаться в яростное обличение функционализма, и Эрика почувствовала, что это может вызвать беспокойство среди эстетов-дебатёров.

— Ну, и как движется?

— Отлично! Как по маслу. А что у тебя?

— Я как раз закончила последний выпуск, он пойдет в типографию в четверг.

— Поздравляю.

— Я совершенно выдохлась.

— Похоже, у тебя что-то на уме.

— Ты что-нибудь запланировал для нас на вечер или ты не слишком обидишься, если я не буду ночевать сегодня дома?

— Передай Блумквисту, что он искушает судьбу, — произнес Греггер.

— Не думаю, что этим его припугнешь.

— Ладно. Тогда передай, что ты ведьма, которую невозможно удовлетворить, и что поэтому он состарится раньше времени.

— Это он и так знает.

— Значит, мне только остается покончить с собой. Буду писать, пока не засну, а ты отвлекись.

Попрощавшись, Эрика позвонила Микаэлю. Тот был в доме у Дага Свенссона и Миа Бергман в Эншеде. Они как раз подводили итоги обсуждения некоторых сложных деталей в книге Дага. Эрика спросила, занят ли он сегодня ночью или будет в настроении помассировать одну усталую спину.

— Ключи у тебя есть, — ответил Микаэль. — Чувствуй себя как дома.

— Отлично. Увидимся через часок.

Идти до Беллмансгатан было всего десять минут. Эрика разделась, приняла душ и сделала себе эспрессо в кофемашине. Потом забралась в постель Микаэля и стала нетерпеливо ждать.

Наибольшее удовлетворение она бы наверняка получила от секса втроем — с мужем и Микаэлем, но почти со стопроцентной гарантией этого никогда не произойдет. Все дело в том, что Микаэль был слишком правильный. Эрика даже поддразнивала его, обвиняя в гомофобии. Но мужчинами он совершенно не интересовался. Как жаль, что нельзя иметь все на свете сразу.

Верзила-блондин раздраженно хмурил брови, осторожно правя машиной на скорости около пятнадцати километров в час по такой отвратительной дороге, что он даже подумал, все ли правильно в описании маршрута. Только начало темнеть, как дорога вдруг стала шире, и он разглядел домик впереди. Остановился, выключил мотор и огляделся. До домишки оставалось еще метров пятьдесят.

Он находился недалеко от Сталлархольмена, поблизости от Мариефреда. Перед ним, прямо посреди леса, стоял простой домик, построенный в пятидесятых годах. Сквозь деревья поблескивала светлая полоса льда на озере Меларен.

Он не мог взять в толк, почему кому-то захотелось проводить свободное время в безлюдном лесном массиве. Ему даже стало как-то не по себе, когда он закрыл за собой дверцу машины. Лес ощущался враждебным и давящим. Казалось, что за ним наблюдают. Он пошел к усадьбе, но вдруг замер, услышав треск.

Он пристально всматривался в чащу. Вечер был тихий, безветренный. Проведя пару минут в нервном напряжении, он краем глаза заметил какое-то существо, осторожно кравшееся между деревьями. Сфокусировав взгляд, он различил это существо, неподвижно застывшее метрах в тридцати и уставившееся на него.

Верзила-блондин слегка запаниковал. Он постарался разобрать побольше деталей и увидел темное узловатое лицо. Казалось, что перед ним карлик ростом не больше метра,

одетый в маскировочный костюм, чем-то похожий на наряд из веток и мха. Кто это мог быть: баварский лесовичок или его ирландский аналог лепреккон? Опасны ли они?

Верзила-блондин затаил дыхание; он почувствовал, как у него волосы встают на голове.

Тут он резко поморгал и потряс головой. Вновь открыв глаза, отметил, что существо переместилось метров на десять правее. «Никого там нет, — сказал он себе. — Это померещилось». И все же между деревьями явно кто-то был. Внезапно существо зашевелилось и стало приближаться. Казалось, оно движется быстро и резко, описывая полукруг, чтобы занять позицию для нападения.

Верзила-блондин припустил на всех парах остаток пути до дома. Он постучал в дверь чуть сильнее и чуть настойчивее, чем требовалось. Едва расслышав звуки человеческих шагов в домике, почувствовал, как страх отступил. Он обернулся через плечо и заключил: ничего там не было.

Но дыхание он перевел, лишь когда дверь открылась. Адвокат Нильс Бьюрман вежливо поздоровался и предложил войти.

Оттащив в подвал, в комнату для крупногабаритного мусора, последний мешок с барахлом Лисбет Саландер, предназначенным на выброс, Мириам Ву поднялась в квартиру и с облегчением вздохнула. Комната была стерильно чистой, в ней чувствовался запах мыла, краски и свежесваренного кофе. Последним занималась Лисбет. Она сидела на табуретке и задумчиво глядела на опустевшую квартиру. Из нее уже как-то таинственно исчезли занавески, коврики, купоны на скидку, валявшиеся на холодильнике, обычный хлам в прихожей. Она даже удивилась, какой большой оказалась квартира.

Вкусы Мириам Ву и Лисбет Саландер были разными, касалось ли это одежды, обстановки в квартире или интеллектуальных потребностей. Точнее, у Мириам Ву были определенный вкус и взгляды на то, как ее жилище должно выглядеть, какую мебель ей бы хотелось иметь, какие платья покупать. По мнению Мимми, у Лисбет вообще никакого вкуса не было.

Походив по ее квартире на Лундагатан и придирчиво все осмотрев, Мимми пришла к выводу, что почти все нужно выбросить — и, уж конечно, захудалый грязно-коричневого цвета диван в гостиной. Она спросила Лисбет, хочет ли та что-нибудь сохранить, и в ответ услышала «нет». Вслед за тем Мимми провела несколько выходных, а также несколько вечерних часов в течение двух недель, выбрасывая старую мебель, подобранную когда-то в мусорных контейнерах, вычищая внутри кухонных шкафов, отскребая и вымывая ванну, перекрашивая стены на кухне, в гостиной, спальне, прихожей и покрывая лаком паркет в гостиной.

Лисбет эта возня совершенно не интересовала, но иногда она, проходя мимо, заглядывала и с изумлением разглядывала Мимми. Когда все было готово, квартира стояла пустой, за исключением маленького потертого кухонного столика из массивного дерева, который Мимми не поленилась ошкурить и покрыть лаком, двух прочных табуреток, которые Лисбет прихватила, когда с чердака выбрасывали хлам, и внушительного книжного стеллажа, стоявшего в гостиной, который Мимми собиралась как-то использовать в будущем.

— Я перееду сюда на выходных. Ты точно ни о чем не жалеешь?

— Эта квартира мне не нужна.

— Но это же потрясающая квартира. Конечно, бывают побольше и получше, но она же шикарно расположена, в самом центре Сёдера, и плата ничтожная. Лисбет, ты упустишь

целое состояние, если не продашь ее.

— Денег мне хватает.

Мимми замолчала, не зная, как понимать лаконичные комментарии подруги.

— А где ты будешь жить?

Лисбет не ответила.

— А к тебе можно как-нибудь заглянуть?

— Позже.

Открыв сумку, Лисбет вынула бумагу и передала ее Мимми.

— Я переписала контракт и уладила все с домоуправлением. Самое простое было вписать тебя как мою сожительницу, и еще я указала, что продала тебе полквартиры, цена — одна крона. Вот, подпиши.

Мимми взяла ручку, подписалась и проставила дату своего рождения.

— И это всё?

— Да.

— Лисбет, я вообще-то всегда считала тебя слегка с приветом, но ты хоть сейчас понимаешь, что подарила мне полквартиры? Я рада получить ее, но боюсь оказаться в ситуации, когда ты вдруг передумаешь и между нами начнется сутяжничество.

— Никаких свар между нами не будет. Я хочу, чтобы ты здесь жила. Мне это приятно.

— Но задаром, без компенсации... Ты же сумасшедшая.

— Ты будешь присматривать за моей почтой. Это было условием.

— Это будет отнимать у меня четыре секунды в неделю. Ты хоть думаешь иногда приходить сюда ради секса?

Лисбет пристально посмотрела на Мимми и помолчала, потом сказала:

— Буду, и с удовольствием, но это не входит в контракт. Можешь дать мне от ворот поворот, когда захочешь.

Мимми вздохнула:

— А я-то размечталась, что смогу почувствовать себя в роли содержанки... Ну, знаешь, когда тебя держат в квартире, платят за нее, время от времени тайком наведываются и кувыркаются в постели.

Они помолчали. Затем Мимми решительно поднялась, пошла в гостиную и погасила лампочку, висевшую без плафона под потолком.

— Иди сюда, — приказала она.

Лисбет пошла.

— Мне еще никогда не приходилось заниматься сексом на полу в свежевыкрашенной квартире без мебели. Я видела однажды фильм с Марлоном Брандо про одну пару, которая именно этим занималась в Париже.

Лисбет покосилась на пол.

— Мне охота поиграть. А тебе?

— Почти всегда.

— Сегодня я собираюсь быть доминирующей хозяйкой. Я решаю все. Раздевайся.

Лисбет криво ухмыльнулась и разделась. Это отняло секунд десять.

— Теперь ложись на пол. На живот.

Лисбет сделала как было приказано. Паркет был прохладный, и кожа тут же покрылась пупырышками. Мимми связала руки Лисбет за спиной, используя ее же майку с текстом «You have the right to remain silent»^[16].

Лисбет вспомнилось, что похожим образом ее связал почти два года назад Нильс Чертов Сморчок Бьюрман.

На этом сходство закончилось.

С Мимми Лисбет испытывала возбужденное ожидание. Она подчинилась, когда подруга перевернула ее на спину и раздвинула ее ноги.

Мимми стянула и свою майку, и Лисбет в полутьме восхищенно разглядывала ее нежную грудь. Затем майкой Мимми были завязаны глаза Лисбет, слышавшей лишь шорох ткани. А через несколько секунд Лисбет ощутила прикосновения языка к своему животу и пальцев к внутренней стороне бедер. Она давно не испытывала такого сильного возбуждения. Крепко зажмурившись под повязкой, она позволила Мимми диктовать темп.

Понедельник, 14 февраля — суббота, 19 февраля

Услышав легкий стук в дверь, Драган Арманский поднял голову и увидел Лисбет Саландер в дверях с двумя кружками кофе из автомата. Он не спеша положил ручку и отодвинул в сторону бумаги с рапортом.

— Привет, — сказала Лисбет.

— Привет, — откликнулся Арманский.

— Визит доброй воли, — продолжила она. — Можно войти?

Драган на секунду зажмурился, потом указал на кресло для посетителей. Покосившись на часы, Лисбет увидела, что сейчас половина седьмого вечера. Одну из кружек она протянула Арманскому и опустилась в кресло. Они посмотрели друг на друга.

— Уже больше года, — заметил он.

Лисбет кивнула.

— Сердишься?

— А мне есть за что?

— Я не попрощалась.

Драган пошевелил губами. Он был ошеломлен, но в то же время испытал облегчение, что Лисбет Саландер все же жива. Еще он почувствовал глухое раздражение и сильную усталость.

— Не знаю, что тебе сказать, — продолжил он. — Ты ведь не обязана докладывать мне, чем занимаешься. Что тебе нужно?

Голос его звучал холоднее, чем он того хотел.

— Я и сама не знаю. Просто хотела поздороваться.

— Тебе нужна работа? Я больше не хочу тебя нанимать.

Лисбет покачала головой.

— Ты где-нибудь работаешь?

Она опять покачала головой. Казалось, она подыскивает слова, чтобы сказать что-то. Драган ждал.

— Я путешествовала, — наконец сказала Лисбет. — Вернулась в Швецию недавно.

Арманский задумчиво кивнул и оглядел ее. Лисбет Саландер изменилась. В ней проглядывали какие-то... признаки злости, что ли, особенно если судить по ее одежде и манере поведения. И она явно запихнула что-то себе в лифчик.

— Ты изменилась. Где ты была?

— Везде понемногу, — уклончиво ответила Лисбет, но продолжила, заметив его раздраженный взгляд: — Я поехала в Италию, потом — в Израиль, оттуда — в Гонконг через Бангкок. Ненадолго съездила в Австралию и Новую Зеландию, а потом поколесила по островам Тихого океана. Месяц провела на Таити, потом оказалась в США и последние месяцы жила на Карибах.

Он кивнул.

— Сама не знаю, почему не попрощалась.

— Потому что тебе всегда было наплевать на других, — спокойно прокомментировал Арманский.

Лисбет закусила губу и задумалась. Может быть, он и прав, но укор все равно казался ей

несправедливым.

— Просто всем, как правило, наплевать на меня.

— Глупости, — возразил Арманский. — У тебя неправильный подход к людям. Людей, которые пытаются быть твоими друзьями, ты считаешь просто дерьмом. Это яснее ясного.

Наступило молчание.

— Хочешь, чтобы я ушла?

— Делай как хочешь. Ты только так всегда и делала. Но если ты сейчас уйдешь, сюда больше не возвращайся.

Лисбет вдруг растерялась. Человек, которого она всегда уважала, собирался его выставить. Она не знала, что и сказать.

— Прошло уже два года, как Хольгер Пальмгрен перенес удар. А ты его за все это время ни разу не навестила, — беспощадно продолжал Арманский.

Лисбет изумленно уставилась на него.

— Он жив?

— Ты даже не знаешь, жив ли он или мертв.

— Врачи говорили, что он...

— Тогда врачи много чего говорили, — перебил ее Арманский. — Сначала он был очень плох и не мог общаться, но за последний год произошло существенное улучшение. Ему еще трудно говорить, и нужно внимательно прислушиваться, чтобы понять, что он сказал. Он часто нуждается в помощи, но может все-таки сам дойти до туалета. Люди, которым он небезразличен, навещают его.

Лисбет сидела оцепенев. Два года назад именно она обнаружила Пальмгрена, когда с ним случился удар, и вызвала «Скорую помощь». Врачи качали головой, и их прогноз не обнадеживал. Первую неделю Лисбет не выходила из больницы, потом один из врачей сказал, что больной в коме и что он вряд ли очнется. С этого момента она перестала тревожиться и вычеркнула его из своей жизни. Просто встала и ушла из больницы, не оглядываясь. И даже не перепроверив информацию.

Лисбет нахмурила брови. Примерно тогда ей на голову свалились новые заботы из-за адвоката Нильса Бьюрмана и потребовали много внимания. И ведь никто, включая Арманского, не передал ей, что Пальмгрен жив, а тем более не сообщил, что ему лучше. То, что такое возможно, вообще не приходило ей в голову.

Лисбет почувствовала, что на глаза ее навернулись слезы. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой эгоистичной скотиной. И никогда раньше ее не распекали таким чудовищным тоном. Она опустила голову.

Короткое молчание прервал Арманский:

— Как у тебя дела?

Лисбет пожала плечами.

— На что ты живешь? Работаешь?

— Нет, работы у меня нет, и я не знаю, кем хотела бы работать. Но деньги у меня есть, мне хватает.

Арманский изучающе поглядел на нее.

— Я просто шла мимо, решила поздороваться... но работу я не ищу. Не знаю... для тебя я, может быть, и согласилась бы поработать, если ты во мне будешь нуждаться, но только если это покажется мне интересным.

— Подозреваю, что ты не станешь мне рассказывать, что там случилось в Хедестаде в

прошлом году...

Лисбет хранила молчание.

— Что-то произошло. Мартин Вангер погиб после того, как ты заявила сюда и взяла приборы для наблюдения, а кто-то угрожал вас убить. К тому же его сестра воскресла из мертвых. Это, мягко говоря, стало сенсацией.

— Я обещала ничего не рассказывать.

Арманский кивнул.

— И я подозреваю, что ты также ничего не расскажешь мне о том, какую роль сыграла в деле Веннерстрёма.

— Я помогала Калле Блумквисту собирать материалы, — сказал Лисбет заметно суше. — Вот и всё. Я не хочу быть в этом замешана.

— Микаэль Блумквист искал тебя днем с огнем. Он являлся сюда по крайней мере раз в месяц и спрашивал, не слышно ли что-нибудь о тебе. Он тоже о тебе беспокоится.

Лисбет молчала, но Арманский заметил, как ее губы сжались в узкую полоску.

— Не уверен, что он мне симпатичен, — продолжал Арманский. — Но он-то о тебе беспокоится. Я встретил его как-то осенью. Он тоже отказался говорить о Хедестаде.

Обсуждать Микаэля Блумквиста Лисбет не хотелось.

— Я только зашла поздороваться и сказать, что я снова в городе. Не знаю, надолго ли я здесь останусь. Вот номер моего мобильного и новый электронный адрес на случай, если я понадобится.

Она протянула Арманскому кусок бумаги и поднялась. Он взял этот листок. Лисбет была уже в дверях, когда он ее окликнул:

— Подожди-ка. Что собираешься делать?

— Поеду проведу Хольгера Пальмгрена.

— Ладно. Но я имел в виду... где ты будешь работать?

Она задумчиво посмотрела на него.

— Не знаю.

— Тебе же надо как-то зарабатывать на жизнь.

— Я же сказала, что обойдусь.

Арманский откинулся на спинку кресла и задумался. Когда речь шла о Лисбет Саландер, он никогда не был уверен, как понимать ее слова.

— Я так разозлился из-за твоего исчезновения, что почти решил никогда тебя не нанимать. — Он поморщился. — На тебя нельзя полагаться. Но материал ты собираешь отлично. Пожалуй, у меня есть текущая работа, которая тебе подойдет.

Она покачала головой, но вернулась к его письменному столу.

— Я не хочу брать у тебя работу. В смысле, деньги мне не нужны. Я серьезно говорю, экономически я справляюсь.

Драган Арманский поднял брови в знак сомнения. Наконец он кивнул:

— Ладно, ты справляешься, что бы это ни значило. Я верю тебе на слово. Но если тебе нужна работа...

— Драган, ты второй человек, которого я навестила, вернувшись домой. Мне не нужны твои деньги. Но на протяжении нескольких лет ты был одним из немногих, кого я уважаю.

— Ладно, но на жизнь-то всем надо зарабатывать.

— Сожалею, но мне уже неинтересно заниматься расследованиями. Дай знать, если у тебя действительно будут проблемы.

— Какие еще проблемы?

— Такие, в которых тебе не удастся разобраться. Если все застопорится и будет неизвестно, что делать. Хочешь, чтобы я на тебя работала, — дай мне что-нибудь интересное для меня. Может быть, даже в плане оперативной работы.

— Оперативной? Для тебя? Да ты же бесследно исчезнешь, когда тебе вздумается.

— Глупости. Разве я хоть раз заперола работу, за которую взялась?

Драган Арманский беспомощно глядел на нее. Выражение «оперативная работа» на их жаргоне означало целый спектр обязанностей, начиная от функций телохранителя и кончая охраной выставок художественных произведений. Его оперативниками были надежные опытные ветераны, часто бывшие полицейские. Причем девяносто процентов из них приходилось на мужчин. Лисбет Саландер не удовлетворяла ни одному критерию подбора персонала для оперативного отдела в «Милтон секьюрити».

— М-да... — протянул он с сомнением.

— Не стоит мучиться зря. Я все равно соглашусь только на ту работу, которая будет мне интересна, так что, скорее всего, я откажусь. Дай мне знать, если появится действительно заковыристое дело. Я хорошо разгадываю загадки.

Она повернулась и исчезла в проеме двери. Драган Арманский покачал головой. «Она чокнутая, действительно чокнутая», — подумал он.

В следующую секунду Лисбет опять появилась в дверях.

— Да, еще... Тут у вас двое парней целый месяц занимались тем, что охраняли актрису Кристину Ратерфорд от идиотов, посылавших ей анонимные письма с угрозами. Ты решил, что это кто-то из ее узкого круга знакомых, потому что автору писем известно много подробностей ее личной жизни...

Драган Арманский удивленно уставился на Лисбет Саландер. Его словно током ударило. «Она опять взялась за свое», — подумал он. Она заговорила о деле, про которое равным счетом ничего не могла знать. «Ей неоткуда было это узнать».

— Что?..

— Забудь об этом деле. Все это фальшивка. Она сама и ее приятель написали все эти письма, чтобы привлечь внимание. В ближайшие дни она должна получить очередное письмо, и тогда, на следующей неделе, они сольют информацию в средства массовой информации. Вычеркни ее из списка своих клиентов.

Драган Арманский и слова не успел сказать, как Лисбет исчезла. Он сидел, уставившись на открытую дверь. Об этом деле она точно не могла ничего знать. Может быть, в «Милтон секьюрити» кто-то проболтался и держал ее в курсе дела? Но в агентстве об актрисе знали всего четыре-пять человек: сам Арманский, начальник оперативного отдела и кое-кто из сотрудников, расследовавших угрозы. И все они были проверенные, ответственные профессионалы...

Арманский почесал подбородок и взглянул на письменный стол. Папка с делом Ратерфорд лежала в ящике письменного стола, закрытом на ключ. В офисе работала сигнализация. Покосившись на часы, Арманский понял, что Харри Франссон, шеф технической службы, закончил рабочий день. Он включил компьютер, открыл почтовую программу и послал письмо Франссону с просьбой появиться у него завтра в офисе и установить скрытую камеру наблюдения.

Лисбет Саландер пошла прямо домой, в квартиру на Мосебакке. Она прибавила шагу,

чувствуя, что надо спешить.

Она позвонила в больницу Сёдера и после нескольких перебросок с одного коммутатора на другой выяснила, где лежит Хольгер Пальмгрен. Четырнадцать месяцев назад его перевели в реабилитационный центр Ерштавикена, находящийся в Эльте. Лисбет сразу мысленно увидела Эппельвикен. Позвонив туда, она узнала, что сейчас пациент спит, но она может навестить его завтра.

Остаток вечера Лисбет провела, вышагивая взад-вперед по квартире. Настроение было ужасное. В постель она легла рано и почти сразу заснула. В семь утра проснулась, затем приняла душ и поела в супермаркете. В восемь она уже стояла у агентства по прокату машин на Рингвеген. «Мне нужна своя собственная машина», — подумала Лисбет, усаживаясь за руль той же самой «Ниссан Микра», что и в прошлый раз, когда ездила за вещами матери в Эппельвикен несколько недель назад.

Паркуясь у реабилитационного центра, она вдруг занервничала, но, взяв себя в руки, вошла в приемную и сказала, что хочет навестить Хольгера Пальмгрена.

Сидевшую в приемной женщину звали Маргит, о чем извещал бейджик на ее груди. Она заглянула в свои бумаги и сказала, что больной находится на лечебной физкультуре и освободится не раньше одиннадцати. Лисбет предложили посидеть в комнате ожидания или зайти попозже. Она вернулась на парковку, села в машину и в ожидании выкурила три сигареты. В одиннадцать она снова стояла в приемной. Ей сказали идти в столовую: по коридору направо, а затем налево.

Лисбет остановилась в дверях полупустой столовой и увидела Хольгера Пальмгрена. Он сидел лицом к ней, сосредоточив все свое внимание на тарелке. Вилку он неуклюже сжимал всей ладонью, сосредоточенно неся ее ко рту. Примерно каждая третья попытка оказывалась неудачной, и еда падала на стол.

Поникший всем телом, он выглядел лет на сто. Лицо его было странно застывшим. Он сидел в кресле-каталке. Тут до Лисбет наконец дошло, что он действительно жив и что Арманский не обманул.

Хольгер Пальмгрен выругался про себя, в третий раз пытаясь подцепить пудинг из макарон на вилку. Он свыкся с тем, что не может как следует ходить и что многое он не способен делать сам. Но ему была омерзительна эта неспособность как следует есть и то, что у него, как у младенца, иногда текут слюни.

Головой он прекрасно понимал, что нужно сделать: направить вилку под прямым углом, подцепить еду, поднять и направить в рот. Но что-то нарушилось в самой координации, словно рука жила сама по себе. Когда Пальмгрен давал ей распоряжение подняться, рука уклонялась куда-то в сторону. Когда он посылал вилку ко рту, рука в последний момент меняла направление и тыкала в щеку и подбородок.

И все же Хольгер знал, что реабилитация дала некоторые результаты. Еще шесть месяцев назад рука тряслась так сильно, что он ничего не мог донести до рта. Теперь, хотя процесс еды был долгим, Пальмгрен все же справлялся сам. Он решил не сдаваться и продолжить упражнения, пока не сможет управлять своими конечностями.

Только он опустил вилку, как вдруг кто-то, стоявший за спиной, мягко забрал ее. Хольгер увидел, как чужая рука подхватила на вилку порцию макаронной запеканки и подняла вверх. Он тут же узнал этот кукольный кулачок, повернул голову и встретился глазами с Лисбет Саландер, стоявшей в нескольких сантиметрах. Она выжидающе уставилась на него с робким выражением лица.

Пальмгрен долго оставался неподвижным, только разглядывал ее лицо. Сердце вдруг страшно забилося. Наконец он открыл рот и принял еду.

Лисбет кормила его кусочек за кусочком. Вообще говоря, Пальмгрен терпеть не мог, чтобы его кормили за столом, но он понял, что Саландер ощутила потребность в этом. Она делала это не потому, что он стал беспомощным овощем. Кормление было для нее жестом сочувствия, которое ей вообще не было свойственно. Она отделяла порции подходящего размера, давала ему и ждала, пока он полностью не прожует. Когда Хольгер показал на стакан молока с соломинкой, она поднесла его так, чтобы ему было удобно пить.

За все время они не обменялись ни словом. Когда Пальмгрен проглотил последнюю порцию, Лисбет положила на стол вилку и вопросительно посмотрела на него. Он отрицательно покачал головой, показывая, что добавки не надо.

Хольгер откинулся на спинку кресла-каталки и глубоко вздохнул. Лисбет взяла салфетку и промокнула ему рот. Тут он почувствовал себя как глава мафии в каком-нибудь американском фильме, таким *capo di tutti capi*^[17], которому оказывают уважение. Мысленно он представил себе, как она целует ему руку, и улыбнулся этой абсурдной фантазии.

— Как думаете, здесь можно где-нибудь разжиться чашкой кофе? — спросила Лисбет.

Хольгер что-то пробормотал. Его язык и губы не создавали правильного звука.

— Серврстик зыгглим.

«Сервировочный столик за углом», — догадалась Лисбет.

— Вы будете? С молоком и без сахара? Как раньше? — спросила она.

Пальмгрен кивнул. Лисбет забрала поднос с посудой и вскоре вернулась с двумя чашками кофе. Он отметил, что она пьет черный кофе, который раньше не любила. Увидев, что Лисбет сохранила соломинку, через которую он пил молоко, Хольгер улыбнулся. Они посидели молча. Пальмгрен хотел бы рассказать ей уйму всего, однако не мог выговорить ни слова. Но глаза их все время встречались. У Лисбет было страшно виноватое выражение лица.

— Я думала, вы уже умерли, — сказала она. — Я не знала, что вы живы. Если бы знала, я бы никогда не... я бы уже давно навестила вас.

Хольгер кивнул.

— Простите меня.

Он снова кивнул и улыбнулся, но улыбка вышла кривая, губы перекошились.

— Вы были в коме, и врачи сказали, что вы, наверное, умрете. Они думали, что жить вам не больше суток, и я тогда ушла. Мне так жаль. Простите.

Он поднял руку и положил на ее крошечный кулачок. Лисбет крепко сжала его ладонь и вздохнула.

— Тычезла. — «Ты исчезла».

— Вы говорили с Драганом Арманским?

Пальмгрен кивнул.

— Я путешествовала, была вынуждена уехать. Ни с кем не попрощалась, просто уехала. Вы за меня беспокоились?

Он отрицательно покачал головой.

— Обо мне никогда не беспокойтесь.

— Я за тя нында споися. Ты фсяга спрасся. Но Армен споися. — «Я за тебя никогда не беспокоился. Ты всегда и со всем справишься. Но Арманский беспокоился».

Лисбет впервые улыбнулась, и Хольгер Пальмгрен наконец почувствовал, как у него

отлегло от сердца. Это была ее обычная кривоватая улыбка. Он разглядывал ее, сравнивая лицо, хранившееся в памяти, с девушкой, сидевшей перед ним. Она изменилась: была собранной, чистой и хорошо одетой. Из губы исчезло кольцо, и ее... хм... татуировка на шее с изображением осы тоже исчезла. Она выглядела взрослее. Впервые за много недель Пальмгрен рассмеялся, но звук его смеха был похож на кашель.

Лисбет улыбнулась, рот ее еще больше скривился, и она вдруг почувствовала, как тепло, давно не ощущавшееся ею, наполняет ее сердце.

— Ты хршо справас («Ты хорошо справилаась»), — сказал он и показал пальцем на ее одежду. Она кивнула.

— Я всегда отлично справляюсь.

— Кк тво новы пеки? — «Как тебе новый опекун?»

Хольгер Пальмгрен заметил, как лицо Лисбет помрачнело. Губы ее вдруг чуть сжались, но она посмотрела на него невинным взглядом.

— Он ничего... я с ним справляюсь.

Брови Пальмгрена недоуменно поднялись. Лисбет огляделась по сторонам и сменила тему:

— Вы здесь давно?

Пальмгрен был отнюдь не глуп. Он перенес удар, говорил с трудом, ему плохо давалась координация движений, но способность мыслить не пострадала, и его «радары» тотчас уловили фальшь в тоне Лисбет. За годы их знакомства он пришел к выводу, что она ни разу напрямую не солгала ему, но и далеко не всегда была откровенна. Ее способ солгать ему состоял в том, чтобы отвлечь его внимание. Что-то явно было не так с ее новым опекуном, и Хольгера это не удивило.

Он ощутил вдруг глубокое раскаяние. Сколько раз он подумывал, что надо бы связаться с коллегой Нильсом Бьюрманом, узнать, как обстоят дела у Лисбет Саландер, и каждый раз откладывал это на потом. А почему он ничего не предпринял по поводу ее недееспособности, пока еще был опекуном? Пальмгрен знал почему: просто, как эгоист, хотел сохранить с нею полноценный контакт. Он полюбил эту чертову невозможную девчонку как родную дочь, которой у него никогда не было, и ему хотелось иметь основания сохранить их отношения. Теперь же ему, старому губошлепу из центра реабилитации, было слишком сложно и трудно что-либо сделать для нее, когда еле-еле удается даже расстегнуть штаны в туалете. Ему казалось, что на самом деле это он предал Лисбет Саландер. «Но она выживет, несмотря ни на что... Она самая ловкая из всех, кого я встречал», — подумал он.

— Суд.

— Непонятно.

— Суд.

— Суд? Что вы имеете в виду?

— Ндо отмни ршн о туюей недееспос...

Лицо Хольгера Пальмгрена покрылось красными пятнами и перекосилась, потому что он не мог издавать нужные звуки. Лисбет положила ладонь на его руку и легонько пожалала.

— Хольгер... не беспокойтесь за меня. Я придумала план, как мне разобраться с моим состоянием недееспособности в ближайшее время. Сейчас это не ваша забота, но, вполне вероятно, мне понадобится ваша помощь. Хорошо? Вы сможете быть моим адвокатом, если потребуется?

Он покачал головой.

— Сшк стры. — Он постучал костяшками пальцев по поверхности стола. — Стры... маразмтык.

— Да уж точно, дубовая голова, если вы так считаете. Мне нужен адвокат, и я хочу, чтобы им были вы. Может, в суде вы и не сможете произносить пламенные речи в мою защиту, но дать мне совет, когда понадобится, сможете. Договорились?

Он снова отрицательно помотал головой, но потом кивнул.

— Рабш?

— Не поняла.

— Де ты рабш? Не Рманск? — «Где ты работаешь? Не у Арманского?»

Лисбет помолчала, прикидывая, как объяснить ему свою нынешнюю ситуацию. Не так-то это просто.

— Хольгер, я больше не работаю у Арманского. Мне больше не требуется работать у него, чтобы зарабатывать на жизнь. Деньги у меня есть, мне хватает, и у меня все в порядке.

Пальмгрен снова поднял брови.

— Впредь я часто буду вас навещать. Я вам все расскажу... но пока не будем спешить. Сейчас же предлагаю заняться кое-чем другим.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Стилпан (стилпэн) — стиль карибской музыки, основанный на применении стальных барабанов (*англ.* steelpan — стальная сковородка).

Сферическая астрономия — раздел астрометрии, разрабатывающий математические методы определения видимых положений и движений небесных тел с помощью различных систем координат, а также теорию закономерных изменений координат светил со временем.

Оса (англ.).

Растафарианство — специфическое религиозное движение, в недрах которого в 1960-х гг. зародилось музыкальное направление регги; песня «No Woman No Cry» — знаменитый хит Боба Марли, основного представителя данного стиля.

«Предприятие Ось» (*англ.*).

Plague (*англ.*) — чума.

Избавь меня от нее (*англ.*).

Багги — открытая машина типа вездехода, внедорожник для езды по песку.

PGP — сокращение от Pretty Good Privacy, т. е. «достаточно надежная конфиденциальность».

Сеть супермаркетов.

Калле Блумквист — мальчик-сыщик, персонаж произведений Астрид Линдгрен, в честь которого Микаэль (полное имя Карл Микаэль) Блумквист еще в молодости получил такое прозвище за склонность к детективным историям.

Плохие парни (*англ.*).

Знаменитая марка ирландского виски.

«Из России с любовью» (англ.).

Трафик — в криминологии так называется постоянный канал поставки нелегальных товаров.

«Вы имеете право хранить молчание» (*англ.*).

Босс всех боссов (*ит.*).